

Экономическая Демократия
Альтернативы общественного управления

Ладислау Довбор

Версия актуализирована 31 июня 2012 г.

Экономическая Демократия

Альтернативы общественного управления

Введение	5
1 – Более широкий взгляд	13
2 – В поисках результатов.....	16
3 – Измеряя результаты.....	18
4 – Финансовые аспекты экономической науки	22
5 – От спекуляции к общественно-полезным инвестициям	28
6 – Власть экономическая и власть политическая.....	34
7 – Теория потребления.....	38
8 – Торговая осада.....	43
9 – Экономическая инфраструктура и зарубежная экономика	52
10 – Местное развитие.....	56
11 – Экономика знания.....	62
12 – Экономика социальной сферы.....	72
13 – Экономика времени	76
14 – Экономическая теория устойчивого развития	83
15 – Макроэкономическая политика.....	90
16 – Теория мировой экономики	98
17 – Парадигма сотрудничества	108
18 – Экономика организаций гражданского общества	114
19 – Этика в экономике	119
20 – Экономическая демократия	127
Выводы.....	135
Библиография	139

Примечание: Настоящее исследование основано преимущественно на зарубежной литературе. Множество цитат оказалось недоступно по-португальски, а многие работы просто не были изданы на португальском языке. Поэтому цитаты из зарубежных работ были переведены мной. В ряде случаев оригиналы цитат приведены в сносках. (Л.Д.)

Отрицательное сальдо

Когда рвут волосы у европейца - это большее,
чем, когда без наркоза ампутуют ногу у африканца.
Француз сильнее страдает от голода при трехразовом
ежедневном питании,
чем суданец, съедающий за неделю мясо одной
крысы.

Немец, больной гриппом чувствует себя гораздо
хуже,
чем индус, зараженный проказой.
Американка страдает от перхоти больше,
чем женщина в Ираке без молока для детей.

Гораздо бесчеловечнее закрыть кредитную карту
бельгийца,
чем вырвать хлеб изо рта тайца.
Проступок гораздо более страшный – бросить
бумажку на пол в Швеции,
чем сжечь целый лес в Бразилии.

Гораздо более строга паранджа мусульманки,
чем драма тысяч безработных испанцев.
Гораздо более гнусным является отсутствие
туалетной бумаги в шведском доме,
чем нехватка питьевой воды в десятке суданских
деревень.

Гораздо более необъяснимо нехватка бензина в
Голландии,
чем инсулина в Гондурасе.
Более возмутительно то, когда португалец не имеет
мобильного телефона,
чем если у мозамбиканца нет книг для занятий.

Грустнее выглядит засохшее апельсиновое дерево в
еврейском кибуце,
чем разрушенный дом в Палестине.

Больше травмирует отсутствие у англичанки куклы
Барби,
чем убийство родителей мальчика из Уганды.

это не стихи; это учетный баланс,
сделанный без подсказки Запада.

Фернандо Коррейя Пина, португальский поэт

Saldo Negativo

Dói muito mais arrancar um cabelo de um europeu
que amputar uma perna, a frio, de um africano.
Passa mais fome um francês com três refeições por
dia
que um sudanês com um rato por semana.

É muito mais doente um alemão com gripe
que um indiano com lepra.
Sofre muito mais uma americana com caspa
que uma iraquiana sem leite para os filhos.

É mais perverso cancelar o cartão de crédito de um
belga
que roubar o pão da boca de um tailandês.
É muito mais grave jogar um papel ao chão na Suíça
que queimar uma floresta inteira no Brasil.

É muito mais intolerável o xador de uma muçulmana
que o drama de mil desempregados em Espanha.
É mais obscena a falta de papel higiênico num lar
sueco
que a de água potável em dez aldeias do Sudão.

É mais inconcebível a escassez de gasolina na
Holanda
que a de insulina nas Honduras.
É mais revoltante um português sem celular
que um moçambicano sem livros para estudar.

É mais triste uma laranjeira seca num kibutz hebreu
que a demolição de um lar na Palestina.

Traumatiza mais a falta de uma Barbie de uma
menina inglesa
que a visão do assassinio dos pais de um menino
ugandês

e isto não são versos; isto são débitos
numa conta sem provisão do Ocidente.

Fernando Correia Pina, poeta português

www.diariogauche.zip.net

Введение

Сегодня невозможно отрицать объем проблем, с которыми сталкивается человечество. Одним из косвенных результатов развития информационных и коммуникационных технологий, обусловленным расширением исследований на всех уровнях, является очевидная сложность выхода из громадного числа практически тупиковых ситуаций.

Важно отдавать себе отчет в том, что речь идет не о нехватке ресурсов. В настоящее время мировой ВВП производства товаров и услуг равняется 63 трлн. долларов. Разделенный на число жителей планеты, он составляет 5.500 реалов в месяц в расчете на семью из четырех человек. Ресурсов достаточно, чтобы все жили удобно и достойно. Планетарная трагедия голода, охватывает более одного миллиарда человек и обрекает на медленную смерть от 10 до 11 млн. детей в год, что абсурдно само по себе. Одних только зерновых мы производим по 800 грамм на человека в день, не говоря о клубневых культурах, овощах, фруктах, рыбе и т.д. Современный планетарный финансовый хаос демонстрирует катастрофический характер управления нашими обильными ресурсами. Факт невозможности обеспечить помощь детям, умирающим от истощения, в то время, как триллионы долларов государственных ресурсов быстро находят для спасения биржевых спекулянтов, демонстрирует масштабы проблемы. Нашей главной трудностью является не нехватка ресурсов, но нелепые формы их распределения. Это вопрос управления. Именно этот вопрос экономического управления лежит в центре всех проблем нашего общества.

Речь идет не об академических выступлениях или деятельности политиков. Мы говорим о чистых и объективных данных, которым доверяем, о процессах, оказывающих всеобщее влияние. Постепенно чтение сообщений в газетах о мировых трудностях и разочарование от отдаленных событий сменяется пониманием того, что речь в них идет о нас самих, о наших детях, и о том, что ответственность лежит на каждом из нас. Поясним это на примере из одного из недавних международных докладов.

Изменение климата

На повестке дня стоит проблема мирового потепления. Известно, что СМИ часто пользуются научными данными, способствуя росту алармистских настроений, скорее для более выгодной продажи новостей или рекламы, чем в интересах информирования аудитории. Но, обращаясь к первоисточникам, мы видим в IV Докладе о Межправительственной дискуссии об Изменениях Климата, что «несомненным является разогрев климатической системы, как это становится очевидным из данных наблюдений о повышении глобальной средней температуры

воздуха и океанов, общего таяния снега и льда, глобального повышения среднего уровня моря»¹.

Нашей задачей не является исследование технических моментов. Глобальное потепление, в частности, благодаря демонстрации фильма Эла Гора «Неудобная правда», впервые стало очевидным для достаточно информированной части населения. Научные данные понемногу выходят из лабораторий, распространяются среди тех, кто формирует общественное мнение, и, наконец, доходят до уровня, принимающих решения в правительствах и на крупных предприятиях. Здесь постепенно возникают трудности между теми, кто осознает сложность проблематики, и теми, кто удовлетворяется так называемым «*business as usual*». Это выражение можно передать народной фразой «*empurrar com a barriga*» - досл. «толкать животом». Драматические явления, разворачивающиеся в медленном темпе, являются самыми опасными.

Экологические итоги

Медлительность в изменении поведения на уровне властных структур имеет свою цену. Николас Штерн (Nicholas Stern), являвшийся главным экономистом Всемирного Банка, а потому не имевший особой склонности к экологическому экстремизму, был определен правительством Блэра для подведения итогов. Данные Доклада Штерна по климату являются наиболее достоверными. Они приводятся для оценки именно экономического ущерба: что произойдет в стоимостном выражении, после наиболее вероятных климатических изменений, с учетом неизбежной погрешности. Речь идет о первой оценке «климатических итогов».

Результаты этого доклада имели большой международный резонанс, поскольку касались неудовлетворенной части интересов людей здравомыслящих, но не специалистов, способных понять корень проблемы. Анализ данных, согласно Штерну, «приводит к простому выводу: выгода энергичных и ранних действий значительно превосходит затраты. Наши действия в ближайшие десятилетия могут сформировать риски широкого разбалансирования социально-экономической деятельности, позднее, в нынешнем и в будущем столетии, они окажутся подобными большим войнам и экономической депрессии первой половины XX века. Будет весьма сложно или невозможно бороться с такими изменениями».

Рыночных механизмов просто недостаточно, поскольку в условиях рынка бывает гораздо дешевле расходовать нефть, уже имеющуюся в готовом виде под землей, сжигать тростник на полях, переполнять автомобилями наши города. Наибольший ущерб при этом наносится природе и будущим поколениям, являющимися безмолвными собеседниками. Требуется системный, долговременный подход, что обуславливает необходимость создания механизмов принятия решений и управления, выходящих за пределы сиюминутного микроэкономического интереса. Здесь Штерн прямо утверждает: «Изменение климата представляет собой

---

¹ IPCC – Summary for Policymakers – Climate Change 2007: The physical Science Basis, p. 5 – www.ipcc.ch/spm2feb07.pdf

важнейшую проблему для экономической науки. Речь идет о самом крупном и всеобъемлющем банкротстве рынка за всю историю»². Это сильное утверждение, отмечающее общую эволюцию мнений о процессах принятия решений специалистами, принадлежащими к самой системе, а не только мнений внешней критики.

Социальный беспорядок

Недавно был проведен целый ряд оценок социальной динамики капитализма, указывающих на действительно драматический характер неравенства, которое, впрочем, уменьшалось. Уже меньше людей живет на один доллар в день, в частности, благодаря бурному экономическому развитию Китая. Но на Земле в целом ситуация вновь стала ухудшаться, как показывают итоги оценки, проведенной ООН, спустя 10 лет после «*Social Summit*» в Копенгагене о социальном положении на планете. Доля 10% самых богатых в ВВП планеты продолжает увеличиваться, составляя почти 55%. Разрыв в доходах между самыми богатыми и самыми бедными странами увеличился за последние десятилетия.

Поскольку богатые приобретают собственность, в то время, как бедные покупают средства для выживания, материальное положение семьи указывает на еще большую поляризацию. Накопленное семейное богатство оценивается в 125 трлн. долларов на 2000 г., что составляет 144 тыс. долларов на душу населения в США, 181 тыс. – в Японии, 1.100 долларов – в Индии, 1.400 – в Индонезии, что показывает на уровень этого типа поляризации.

Любопытно то, что, когда речь идет о распределении доходов, о налоге на состояние, о налоге на наследство, СМИ твердят о популизме и демагогии. Не видеть драматических событий, сопровождающих нынешнюю динамику, означает быть совершенно слепым. Ниже мы более детально рассмотрим эти данные.

Конечно, мы можем продолжать утверждать, что бедность существовала всегда. МВФ, в статье, посвященной здравоохранению в мире, представляет показательные данные цифру: от СПИДа умерло 25 млн. человек. ЮНИСЕФ сообщает о миллионах детей, умирающих каждый год из-за отсутствия доступа к чистой воде. 10-11 миллионов умирает по такой нелепой причине, как голод. «*Business as usual?*»

Производственное исключение

МФК (Международная Финансовая Корпорация) Всемирного Банка исследует концентрацию доходов и богатства с точки зрения предпринимательского потенциала и оценивает громадную массу «плохо устроившихся» в экономическом развитии планеты, стараясь создать возможности. Речь идет о 4 млн. человек, чей подушевой доход составляет менее 3 тыс. долларов в год, но которые представляют

² В английском оригинале: “*Climate change presents a unique challenge for economics: it is the greatest and widest-ranging market failure ever seen*” – Nicholas Stern – *The Economics of Climate Change* – Oct. 2006, http://www.hm-treasury.gov.uk/media/8AC/F7/Executive_Summary.pdf .

собой рынок в размере 5 трлн. долларов. Уже не говорится о социальной трагедии, но об экономических возможностях.³

«4 млрд. Человек в основе экономической пирамиды (*Base Of the Pyramid – BOP*), все те, чей доход менее 3 тыс. долларов в исчислении к местной покупательной способности, живут в относительной бедности. Их доход в текущем курсе доллара США составляет менее 3,35 долларов в день – в Бразилии, 2,11 долларов – в Китае, 1,89 долларов – в Гане и 1,56 долларов – в Индии. Тем не менее, вместе они составляют потребительский рынок в размере 5 трлн. долларов».

Определенный оптимизм породили исследования Де Сото (De Soto) о капитализации бедных, предоставляя им приоритет, а также мнение Праалада (Prahalad) о возможности превратить бедных, если не в предпринимателей, то, по крайней мере, в потребителей.

Мы пытаемся определить производственную составляющую у этой огромной части населения мира. Тем не менее, представленные данные, с учетом значимости точки зрения Банка, являются весьма интересными, позволяя прояснить утверждение, что подавляющее большинство населения мира остается вне этого прогресса. В действительности, корпоративный мир порождает гораздо больше, чем бедность. Он снижает возможности этого населения по участию в развитии. Речь идет об исключении из экономической деятельности двух третей населения мира. Согласно докладу «сектора населения BOP в большинстве случаев не интегрированы в мировую рыночную экономику и не получают от нее выгоды» (*“the BOP population segments for the most part are not integrated into the global market economy and do not benefit from it”*). Кажется иронией считать 4 млрд. человек простыми «сегментами населения», когда речь идет о почти двух третях мирового населения, но это выпало из зоны внимания авторов доклада.

Но документ важен, поскольку косвенно показывает степень напряженности, создаваемого системой на планете, а также необходимость развития альтернативных процессов. Идея о «возможности другого мира» основана не просто на более гуманной точке зрения и на социальных идеалах. Речь идет все в большей степени о необходимых условиях нашей экономической состоятельности.

Истощение ресурсов

Модель потребления на планете выстроена под богатых. По какой причине все китайцы и все индусы не имеют права на собственный автомобиль? Общее давление губительно просто потому, что потребление богатых таково, что его универсализация неосуществима. Такая политика выражается в столь высоком давлении на невозобновляемые ресурсы, которую планета не в состоянии перенести. Данные об угрозе жизни морей, об эрозии почвы, об уменьшении запасов пресной воды, ускоренное разрушение биоразнообразия, обезлесивание и

³ МФК (Международная Финансовая Корпорация) – *The next 4 billion: market size and business strategy at the base of the pyramid* – Banco Mundial, Executive Summary, 2007, 11 p. - http://www.wri.org/business/pubs_description.cfm?pid=4142

других процессах демонстрируют подробности того, что можно назвать возможностями техники и политической неспособностью, поскольку все мы наблюдаем происходящее и продолжаем оставаться пассивными, так как не существует соответствия между политическими механизмами и реальностью, с которой мы сталкиваемся, между масштабами проблемы и механизмами управления ею. Эта неспособность была красноречиво продемонстрирована на встрече «Рио +20».

Динамика современного развития имеет временное действие, опираясь на несостоятельную энергетическую матрицу. Наша небольшая планета-космический корабль с баками, заправленными топливом – нефтью, которая формировалась в течение миллионов лет, но которые мы смогли ликвидировать менее, чем за 200. Пока мы обсуждаем, когда закончится легкодоступная нефть, мы считаем нормальным заводить автомобиль весом в две тонны, чтобы перевозить наше тело весом 70 кг. «Хомо экономикус» XXI века выбрасывает в наших городах около одного килограмма мусора в день и платит за его утилизацию. Мы не отдаем отчета в своей расточительности. Все мы знаем, что живем в нежизнеспособной временной системе. Нам известны трудности. Но мы все ждем, когда появятся чудесные технологии, которые бы открыли новые пути. Что же нам остается делать? Как можно выжить без автомобиля в той динамике, которую мы называем современной? Будет ли кто-либо голосовать за политика, который пообещает повысить цены на топливо? Эта же логика относится к запасам пресной воды, к жизни морей и т.д.⁴

Конвергентная динамика

Последним вопросом, на котором имеет смысл остановиться в этом холодном и реалистическом анализе трудностей, который мы осуществляем, является вопрос экологических и социальных драм. Исследование канадского политолога Томаса Хомера-Диксона (Thomas Homer-Dixon) обобщает многочисленные отчеты и информационные сообщения по отраслям и представляет хорошо задокументированное видение целого. Главная мысль, которую убедительно представляет автор, состоит в том, что происходит конвергенция громадных структурных угроз, начинающими воздействовать совместно.⁵

Искусственное процветание и грабительское потребление, обеспечиваемые для богатых концентрацией доходов и семейного богатства, порождают мировое давление на соответствующее потребление и стиль жизни. Хомер-Диксон сопоставляет данные по экономической поляризации и эволюции

⁴ См., в частности, Специальный Доклад *World Stripped Bare: the shocking state of the earth's mineral resources*, New Scientist, 26 May 2007 – www.newscientist.com. Обобщенные данные по ущербу окружающей среде, т.н. планетарным мегатрендам, см. www.newscientist.com/opinion, обобщенная таблица журнала New Scientist от 18 октября 2008 г., также доступна на [http://dowbor.org/09fsm7portuguespositionpaperldfinal\(2\).doc](http://dowbor.org/09fsm7portuguespositionpaperldfinal(2).doc) стр. 3

⁵ Thomas Homer-Dixon – *The Upside of Down* – Island Press, Washington, 2006, 426 p.; для обобщенного представления см. прекрасный *Plano B 4.0*, Lester Brown, 2010, доступный в полном виде на http://www.worldwatch.org.br/plano_b.pdf

демографического давления. Сегодня население мира составляет 7 млрд. человек, а его размеры ежегодно увеличиваются на 80 млн. человек. Их потребление все более становится сюрреалистическим в двух отношениях: в скудости и в избыточности, в недостаточном питании и в ожирении. Около 2/3 населения проживает в сегменте бедности. Мы уже не живем в эпоху бедного и разделенного населения. Не существует возможности сбалансированного развития без применения экономических закономерностей, которые в настоящее время широко доминируют в политике, а также без экономических механизмов, которые затрудняют людям доступ к тому, что МОТ (Международная Организация Труда) называет просто «благопристойной работой».

Пессимистично? Нет. Просто здравый смысл и организованная информация. Главные проблемы планеты состоят не в том, чтобы изобрести самый быстрый процессор или самое эффективное оружие, но в том, чтобы применить такие формы социальной организации, которые позволили бы людям влиять на действительно важные моменты, обеспечивая развитие наиболее рациональных процессов принятия решений. С наступлением глобализации произошло обострение процессов. Стратегические решения о том, в каком направлении мы движемся, как общество, стали иметь отношение к далеким инстанциям. Встречи в Давосе, тех, кто принимает решения, напоминают ассамблеи блестящих и безответственных принцев в Вене, в XIX веке. ООН обладает сюрреалистическим достоянием, где каждый островок со статусом нации имеет один голос, также, как Индия, имеющая одну шестую часть населения мира. Крупные транснациональные компании принимают финансовые решения, делают технологический выбор или вызывают динамику потребления, наносящие ущерб человечеству. При этом никому не удастся оказывать на них влияние. Невидимая рука рынка становится все более невидимой. Экономическая демократия пока еще является отдаленной наукой. Мы люди, но реальность от нас уходит.

Думать с инновационной точки зрения о процессах принятия решений для управления планетой и нашей повседневной жизнью в настоящее время вовсе не означает принадлежать к левым и протестовать, или к правым и быть удовлетворенным: это вопрос здравого смысла и элементарного человеческого разума. А для наиболее информированных – это вопрос особой срочности. С учетом всех этих тонких моментов заключительная декларация «Будущее, которого мы хотим» Рио+20 весьма красноречива: «Искоренение бедности является важнейшей задачей, стоящей сегодня перед миром. Это является необходимым требованием устойчивого развития. Понимая это, мы принимаем на себя обязанности по освобождению человечества от бедности и голода, как наиболее срочные. Мы также признаем необходимость углубления устойчивого развития на всех уровнях, включая экономический, социальный и экологический аспекты». 192 страны признают эти проблемы, цели и срочность. Имеем ли мы для этого рычаги управления?

Уже было модно чувствовать себя разочарованным. Перед нами стоит проблема – заставить эту планету работать. Мы уже прибегали к большим упрощениям, как в отношении всеобщего огосударствления, так и в отношении корпоративной власти.

Реальность такова, что каждая власть без противовеса становится неуправляемой. А в сложном мире, где мы живем, нет простых решений.

Речь не идет о том, чтобы жаловаться на драматические события, мы говорим о том, чтобы выработать решения, определять надежды. В данном исследовании мы избрали путь систематизации поддержки. Не стоит распространять наше представление на открывающиеся возможности: они не происходят ни от корпоративных магов, чьи книги мы читаем в аэропортах, ни от политических суперлидеров, стремящихся вновь подчинить нас себе, но от демократического овладения экономическими процессами и результатами. Не достаточно ограниченной демократии, выражающейся в голосовании, проводимом раз в два года. Сама экономика должна быть демократизирована. В этом корабле времени все мы являемся членами команды.

Актуализировано: июль 2012 г.

Экономическая Демократия

«Эволюция структур власти при развитом капитализме уходит от теоретических схем, унаследованных нами от прошлого» - С. Furtado – Em busca de novo modelo – Paz e Terra, 2002, стр. 9

«Если бы экономисты думали о себе, как о смиренных, компетентных людях, стоящих на одном уровне с дантистами, это было бы прекрасно!» – Economic Possibilities for our Grandchildren, 1930⁶

Социальная и экономическая реальность испытывает глубокие изменения. При этом, естественно, что изменяется важный инструмент ее интерпретации: экономическая наука. Разными были правила игры в аграрных обществах, где важнейшим моментом было владение землей, или в обществе промышленном, где осью дискурса являлась собственность на средства производства. Но когда знание, общественные услуги и прочие «неприкасаемые» стали центром экономики, стало ли возможным использовать прежние параметры анализа?

Читая недавно небольшую, но исключительно богатую книгу Селсо Фуртадо «В поисках новой модели» (de Celso Furtado, *Em Busca de Novo Modelo*), я стал отдавать себе отчет в том, как изменился анализ, в чем нам еще требуются другие концепции, новые взгляды. Поэтому я решил провести своеобразную ревизию недавней мировой экономической литературы, чтобы ответить на практический вопрос: существует ли создающаяся новая теория? Есть ли новая экономическая наука, занимающаяся современной проблематикой, стоящая ближе к потребностям общества в целом?

Очевидно, речь не идет о том, чтобы совершить экскурс в громадный мир экономической литературы в целом. Теоретическое и эконометрическое жонглерство, пытающееся оправдать состояние богатых, извинить нищету бедных, или сделать тривиальным экологическую трагедию, переживаемую планетой, не интересуют. В том числе и потому, что эти усилия носили в основном косметический характер, благодаря которым предпринимаются попытки «позолотить пиллюлю», чей горький вкус становится все более очевидным. Здесь нас интересуют предложения новых реалистических и благопристойных альтернатив экономическому скандалу, в котором мы живем.

Анализируя некоторые идеи Селсо Фуртадо и пересматривая целый ряд исследований, появившихся в мировой экономической литературе, мне представилось интересным поработать над гипотезой о том, что на горизонте образуется некая новая теория, представление, не являющееся исправленной

---

⁶ *“If economists could manage to get themselves thought of as humble, competent people, on a level with dentists, that would be splendid!”*

версией теорий уходящей власти, и которая бы отвечала самым реалистичным образом на новые исторические вызовы.

Такое представление во всей своей совокупности может быть выражено в концепции демократической экономики. Политическая демократия, идея того, что власть над обществом должна осуществляться на основе социального договора и в демократических формах, стало впечатляющим прорывом, если мы учтем относительную историческую близость королей, отправлявших власть по «священному праву», колониальных империй, существовавших еще несколько десятилетий тому назад или различных форм диктатуры, которые еще существуют.

Экономическая демократия, как нам представляется, пока еще мало известна. Бертран Расселл (Bertrand Russell), тем не менее, в 40-е годы XX века описал один парадокс: мы считаем, что покончили с положением, когда некая королевская семья правит в какой-то стране, или дарит племяннику целый регион со всеми жителями и всем остальным, но считаем нормальным, когда одна семья миллиардеров, например, распоряжается экономической и политической властью во всем, чем она владеет – продает и покупает компании с трудящимися и всем остальным, как будто они являются их личными вассалами. Сегодня 435 семей в мире к своему удовольствию распоряжаются ресурсами, превосходящими половину доходов наиболее бедной части населения планеты, и ведут мир каждый раз все менее ответственным образом, что дает возможность расширить мысль Расселла и вынести на обсуждение экономической науки центральную тему: экономика должны быть демократизирована.⁷

1 – Более широкий взгляд

Одним из важнейших намерений Селсо Фуртадо стала его попытка «прилепить» экономическую теорию к реальности. Об этом свидетельствует цитата, открывающая данное исследование, включающая прямую оценку материала, изучаемого студентом-экономистом: «Вы бессистемно прочитали множество материалов об экономическом развитии, которые отнюдь не всегда несли прямую связь с реальностью»⁸. Это «не всегда» является чистой добротой экономиста: мы все ощущаем расширяющийся разрыв между тем, что мы изучаем и динамикой развития общества. Теория уже не дает адекватного описания пути. В этом отношении существует немного сомнений. Тем не менее, появляются новые вещи, и, отвечая на вопрос Селсо Фуртадо, мы попытались систематизировать некоторые нынешние явления, одновременно отслеживая новые экономические теории, возникающие в разных странах, но сосредотачиваясь на работах тех авторов, которые стремятся закрыть этот разрыв.

---

⁷ “Мы приняли принцип наследования в том, что касается экономической власти, в то время как отрицаем то, что касается власти политической. Политические династии исчезли, но экономические династии живы.” – Bertrand Russell – *The History of Western Philosophy*, стр. 622

⁸ Celso Furtado – *Em busca de novo modelo – Reflexões sobre a crise contemporânea* – Paz e Terra, Rio de Janeiro 2002, p. 69

Таня Баселар (Tânia Bacelar) представляет Селсо Фуртадо, как «левого кейнсианца». Рикардо Белшовски (Ricardo Bielschowsky) оценивает его метод, как «духовно-исторический»⁹. Оба эти определения, без сомнения, являются верными, но не охватывают полностью представление этого человека о социальной озабоченности, этическом подходе и теоретическом осмыслении, вынуждающем его применять разнообразные современные концепции самых разнообразных течений научных сфер. Важнейшим для его являлось понять мир и предложить альтернативы. Возможно, одним из самых важных моментов в теоретическом наследии Селсо Фуртадо является отказ от силового подчинения реальности принятым теориям. Центр тяжести расположен в реальности при всем ее богатстве и сложности, рассматриваемой на фоне базовых ценностей социальной справедливости, экономической целесообразности выраженной прежде всего в самых последних работах, экологической сбалансированности и культурном богатстве. В этом смысле теория становится инструментом на службе прогрессу человечества, позволяя забыть об архипелаге теоретических академических убежищ и идеологических догм. Речь идет о постоянном процессе теоретической перестройки, сопровождающем эволюцию реальности.

Одной из форм рассмотрения указанной теоретической «девиации» является попытка систематизировать эволюцию различных традиционных теоретических течений. Это делается, например, в работе «*Alternatives Economiques*»¹⁰, представляющей эволюцию кейнсианства в неокейнсианство, либерализма в неолиберализм, течения институционализма в неинституционализм и так далее. Приставка «нео» часто представляет новейшие теоретические изыскания. Она удобна, так как позволяет навести небольшой мост между унаследованной теорией и реальностью, развивающейся по пути, не предусмотренному теорией. Но нам она дает определенную возможность внесения поправок, в которых возможен учет новых представлений. Дело состоит в том, что от приставки «нео» к приставке «пост» мы создавали нечто, становящееся все более похожим на лоскутное одеяло, а традиционные направления могут в том числе сковывать развитие нового своим историческим влиянием.

Другой подход состоит в попытке со свежей головой обратиться к базовым данным самой экономической, социальной и экологической реальности, вновь оценить эмпирическое рассмотрение и попытаться самым ясным образом представить различные происходящие преобразования, содержащие направления перемен, как например доминирование финансовой динамики, оставив на потом самые широкие теоретические рассуждения и возможные ярлыки.

Нет сомнения в том, что все мы чувствуем себя немного сиротами. Не сиротами ценностей, поскольку поиск того, что Пауло Фрейре (Paulo Freire) искренне называл «наименее жестоки обществом» продолжает вести нас всех или, по

⁹ Tânia Bacelar de Araújo – Celso Furtado: economista e cientista social – *Teoria e Debate*, fevereiro/março 2005, p. 38 e ss.

¹⁰ *Alternatives Economiques, La science économique aujourd'hui*, в специальном выпуске 2003 г. за 3-ий квартал представлено общее видение современных течений в экономической теории – www.alternatives-economiques.fr

крайней мере, тех, кто не забыл этого. Но сиротами поколения мыслителей, как Селсо Фуртадо, Пауло Фрейре, Флорестана Фернандеса (Florestan Fernandes), Дарси Рибейро (Darcy Ribeiro), Милтона Сантоса (Milton Santos) и других гигантов, на которых мы ссылаемся. В отсутствие великих ученых и перед лицом все более драматических вызовов мы обязаны действовать в смысле осуществления постоянной перестройки нашей способности понимания мира и формирования альтернатив.

В XX веке вопросы представлялись более простыми. Относились ли мы к правым или к левым, «путь» был проходит достаточно прямо по теоретическим проспектам, по которым оставалось лишь идти. Слева направлением являлось огосударствление средств производства, централизованное планирование и класс-искупитель – пролетариат. Справа проходила другая прямая дорога с приватизацией, рыночными механизмами и другим классом-искупителем – буржуазией. Таким образом, симметрично определялись институциональная принадлежность собственности, доминирующий механизм регулирования и социальной основы власти. В сложном обществе, с которым мы столкнулись, эти модели увяли. *Этатизм* левых просто исчез с горизонта, в то время как движение маятника вправо ослабило государство самым серьезным образом, породив растущие хаотические тенденции. *Приватизационное представление* правых, выраженное в капиталистическом эквиваленте «Малой Красной Книги», Вашингтонском Консенсусе, сохранялось до кризиса 2008 г. не из-за теоретической обоснованности, но для служения правящим классам.

Дело в том, что глобальное потепление, эрозия почв, разрушение биологического разнообразия, ликвидация жизни в морях, всеобщая поляризация между богатыми и бедными, последовательная утрата правительственных возможностей, а значит, самих возможностей упорядочения, мы быстро скатываемся к структурным драматическим тупикам, в буквальном, а не в переносном смысле слова. Лишь неинформированные, умственно отсталые и пользующиеся привилегиями в этом процессе не понимают того, что стоит на кону.

Здесь мы отстаиваем мнение, что многочисленные исследования конкретных процессов перемен способствуют выработке новой теоретической конфигурации, к которой не идет речи, как у Маркса, о второй половине XIX века, но о совокупности исследований, основанных на реалиях и последовательно способствующих выработке иного, все еще плохо определенного, взгляда на мир, что подвергает корабль, стремящийся к успеху, воздействию возникающим на планете нелепым ситуациям. Мы не говорим о еще одном «нео», но о мнениях, пока разрозненных, но правильных, обеспечивающих формирование иной научной архитектуры¹¹.

---

¹¹ Количество центральных тем при обновлении экономической теории быстро разрасталось. Важными примерами являются лондонский *New Economics Foundation*, *Real World Economics*, чье название говорит само за себя, а также уже упоминавшийся *Alternatives Economiques* и многие другие. См. ссылки на <http://dowbor.org/sites-recomendados/>

Без сомнения, финансовый кризис 2008 г. вызвал прорыв, став стимулом развития теоретических инноваций. Крах, порожденный международной финансовой системой и общая дезорганизация экономик стран, представлявших образцом для всего мира, вызвал устаревание традиционных договоренностей. Поиск новых путей перестал быть теоретически авантюризмом, но оказался чистой необходимостью. По словам Игнасия Сакса (Ignacy Sachs), «мы обречены на изобретательство», поскольку «сидим на обломках двух обанкротившихся парадигм»¹².

Каждый из нас живет в своем мире чтения. При этом известно, что невозможно уследить за всеми опубликованными научными разработками даже в относительно ограниченных научных областях, поэтому мы стремимся определить новые узловые точки. В определенном смысле мы являемся обреченными на методологию эскизов или на *импрессионизм*, похожий на картину Ренуара, где с близкого расстояния мы видим лишь множество бессмысленных точек, но когда мы отходим от картины подальше, то возникает живописное произведение. Представление о нем возникает лишь тогда.

2 – В поисках результатов

В общем виде требуется реабилитация экономической науки, как инструмента ориентации политики. Селсо Фуртадо выражает это самым ясным способом: «Требуется сформулировать политику развития на основе определения главных целей, которые мы стремимся достичь, а не на основе логики средств, навязываемой процессом накопления, управляемого транснациональными компаниями»¹³. Методологически это является центральным моментом. В последнее время мы наблюдали за экономикой лишь с точки зрения темпов роста, забывая о том, *что* развивается, *для кого* и каков при этом ущерб для окружающей среды. Иначе, провозглашая ложную объективность, мы ограничиваемся тем, что разрабатываем модели, позволяющие определить, будет ли курс доллара повышаться или понижаться, или окажет ли последняя бомба, сброшенная в Ираке, влияние на цену на нефть. Здесь мы должны вычленить очевидный момент: экономика является средством, которое должно служить сбалансированному развитию человечества, помогая нам, как наука, отбирать оптимальные решения и избегать наиболее опасных тупиков.

Здесь необходимо напомнить о важности выпуска в 1990 г. Доклада о человеческом развитии¹⁴. В нем ООН предлагает простую, но действенную формулу: мы должны поддерживать общество экономически состоятельное, социально справедливое и экологически устойчивое. По мере того, как такая формулировка целей становится принятой в общей форме, при ежегодном предоставлении мирового баланса по трем параметрам, при всей ограниченности общих исследований, мы получаем исключительно важное направление развития.

¹² I. Sachs, *Condenados a Inventar*, глава *Riscos e Oportunidades em tempos de mudanças*, BNB/IPF, Fortaleza e São Paulo, 2010 – Disponível em <http://dowbor.org>

¹³ С. Furtado, *Op. cit.* стр. 36

¹⁴ Доклады, подготовленные Программой ООН для развития PNUD, доступны на <http://undp.org/hdro>

В теории у нас еще есть трудности, поскольку одни научные сферы исследуют социальные вопросы, другие – экономические, а третьи – экологические, в то время, как инициативы должны рассматриваться с трех сторон одновременно. Сегментация становится все очевиднее, поскольку она не позволяет системно отслеживать ход процесса.

Тем не менее, наиважнейшей является ложная объективность экономической науки, которая, как бы ограничиваясь подсчетами, констатирует, что экономика кажется столь сложной, поскольку различные ее сферы просто обслуживают различные интересы, а мы получаем противоречивые данные, отражающие эти интересы. Федерация Банков утверждает, что Бразилия, судя по доходам, располагает прочной системой финансового посредничества. Не говорится о том, что эта система основана на ослаблении заемщиков, и, в частности, производителей. Читатель часто обнаруживает научный хаос там, где существует просто защита интересов различных сторон, а каждая сторона представляется, как «научно обоснованная». Ученый экономист не является представителем какой-либо одной группы, он описывает интересы частные и ищет интерес общественный.

Прекрасное представление о таком повороте экономической науки к представлению нормативному, концентрируется на целях, интересующих нас, как человечество. Такова книга Германа Дали (Herman Daly) и Джона Кобба, мл. (John Cobb Jr.). В ней говорится: «Для всеобщего блага необходимо переориентировать экономику на общество, экологию и устойчивое будущее»¹⁵. По мнению авторов, мы должны признать пределы унаследованных механизмов: «Изменения включают коррекцию и расширение, больше эмпирического и исторического материала, меньше претензий, чтобы будучи наукой подчинить рынок целям, которых он не в состоянии определить». Это изменение выражается в утрате со стороны рынка его базовой способности размещения истощающихся ресурсов в альтернативных сферах применения: «Три больших категории проблем рынка были определены экономистами: (1) тенденция к соревновательности, являющаяся самоуничтожающей (*self-eliminating*); коррозионный эффект самозаинтересованности, обусловленный рынком в моральном контексте общества и (3) наличие государственных средств и воздействия внешних факторов»¹⁶.

Такое представление материализуется в последних рекомендациях ООН: мы должны сконцентрироваться «на проведении определенной политики во избежание негативного влияния глобализации на социальное развитие, как новой угрозы, возникающей в результате реформ, сфокусированных на рынках. Должны быть предприняты единые действия для обеспечения полной защиты культурных, религиозных и этнических идентичностей и прав в международных договорах и в национальном и местном законодательстве, чтобы эта защита выразилась в едином

¹⁵ Herman E. Daly and John B. Cobb jr., *For the Common good* – Beacon Press, Boston 1994, стр. 534.

¹⁶ Daly & Cobb, op. Cit., стр. 8 и 49.

применяемом кодексе поведения национальных и транснациональных корпораций, а также в частных интересах, действующих в рамках национальной юрисдикции»¹⁷.

В отношении Латинской Америки можно назвать великолепную систематизацию, осуществленную в публикации CEPAL «La hora de la igualdad» от 2010 г. По завершении эпохи Рауля Пребиша (Raúl Prebisch) ослабла роль этого института, как теоретического штурмана развития Латинской Америки. Теперь, при Алисии Барсене (Alicia Bárcena) мы получили не только представление, но и понимание механизмов его действий¹⁸.

Когда мы говорим об «обдуманном поступке», мы уже не ограничиваемся подчинению «механизмам». Другими словами, не достаточно создать благоприятные условия для рынка, необходимо сориентировать экономику, чтобы обеспечить удовлетворение ей интересов общества. «Общее благо» кажется хорошим определением того, что мы хотим, поскольку с каждым днем мы все лучше понимаем, что ориентация экономики в угоду доминирующим меньшинствам, создает проблемы для всех, включая, сами эти меньшинства. Является очень важной мысль о защите экономической науки, как инструмента создания всеобщего блага, каким бы оно ни было простым. Естественно, необходимо пояснить, что мы понимает под «общим благом».

3 – Измеряя результаты

Если мы хотим сориентировать экономику, рационально направляя наши производительные усилия на интересующие нас результаты, то требуется создать инструменты оценки этих результатов. Селсо Фургадо пользуется концепцией «социальной рентабельности», определяющей важнейшие моменты, но способной заставить нас перепутать понимание макроэкономической производительности с производительностью в секторах, которые обычно мы определяем, как «общественные»: образование, здравоохранение и т.д. Возможно, было бы точнее употребить термин *системной производительности*.¹⁹

Базовая логика проста. Когда один крупный производитель сои вытесняет сельскохозяйственных трудящихся на городскую периферию региона, мы,

¹⁷ UN – *The Inequality Predicament: Report on the World Social Situation 2005* – United Nations, New York, 2005, стр. 135

¹⁸ CEPAL – *La hora de la igualdad: brechas por cerrar, caminos por abrir*. Santiago, май 2010 г., 289 стр. Фрагменты документа на 58 стр. по-португальски: <http://bit.ly/bqwYAh> Документ полностью по-испански: <http://bit.ly/bA9yrl>

¹⁹ Все стремятся найти концепцию, которая дала бы наиболее широкое выражение ожидаемым социально экономическим результатам, поскольку простая экономическая производительность является слишком узким понятием, чтобы отразить цели общества. Йорг Мейр-Стамер (Jörg Meyer-Stamer) пользуется терминов «*системная производительность*» в работе «*Estratégias de Desenvolvimento Local e Regional*». Журнал «The Economist» пользуется концепцией «социального возврата» (social return), определяя влияние общественных инвестиций на «наибольшее возможное влияние на проблемы общества». Г. Шмиц (H. Schmitz) пользуется концепцией «коллективной эффективности» (*collective efficiency*) (по Васкесу-Баркерио – Vázquez-Barquero). См. также наши технические заметки *Produtividade sistêmica do território*, по ссылке <http://dowbor.org/09produtividade%20sistematica%20do%20territorio.doc>

возможно, скажем, что он увеличил производство зерновых на гектар, то есть повысил производительность сельскохозяйственного труда. Предприниматель заявит, что облагодетельствовал муниципалитет. Тем не менее, если мы подсчитаем средства, растроченные обществом в фавелах и на борьбу с загрязнением воды, например, или даже просто на ликвидацию семейных трудностей людей, изгнанных со своей земли, не говоря о безработице, то показатели будут иными. Подсчитав данные о производстве сои, но вычтя из них косвенные затраты общества и экологический ущерб, мы получим системный баланс, который будет более полным и технически корректным. Иначе говоря, мы должны прибегнуть к учету, позволяющему обобщать такие показатели, как качество жизни, реальный общественный прогресс, при системном, долгосрочном подходе.

Похожим образом, когда какая-либо страна продает свои природные ресурсы, это учитывается в наших счетах, как увеличение ВВП, в то время, как страна продает природные ресурсы, которые она не произвела и не сможет возместить, а потому ее капитализация уменьшается при возрастании сиюминутного богатства за счет обеднения будущего.

В смысле методологии мы унаследовали систему национальных счетов, разработанную еще в 50-е годы XX века в рамках ООН в работах Кузнеца (Kuznets) с поправками, внесенными в 1993 г., в которых учитывается знаменитый ВВП, где суммируются стоимости и затраты на производство ценностей и услуг без учета результатов сферы торговли. Здесь мы приведем еще одно описание в рамках данной методики, являющееся весьма очевидными²⁰. Важнейшим моментом является тот, что начиная с 1990 г., с учетом мнения Амартии Сен²¹, методология *показателей человеческого развития* (ИДН) была преобразована радикальным образом: человек перестал рассматриваться, как инструмент, служащий компаниям – в эпоху Всемирного Банка говорилось о том, что образование было качественным, поскольку повышало предпринимательскую производительность – теперь оно стало важнейшей целью. Другими словами, общественное перестает являться средством обеспечения достижения экономических целей, напротив, экономика рассматривается, как средство для повышения качества жизни людей. Жизнь при должном развитии здравоохранения, образования, культуры, досуга, безопасности – вот, что является нашей целью. А экономика должна быть поставлена на службу этой общественной цели, т.н. прозаическому качеству жизни.

Естественно, что достижение высокого качества жизни является феноменом более сложным для оценки, чем учет продаж какой-либо компании, или затрат на работу какой-либо государственной школы, не говоря об экономике волонтеров или о домашнем труде женщин. Но действительность такова, что пока мы не воспользуемся принятыми обобщенными формами по измерению конечной

²⁰ По этому вопросу см. нашу работу «*A Reprodução Social*», Editora Vozes, Petrópolis, 2003 – <http://dowbor.org> и техническое примечание «*O Debate sobre o PIB: Estamos fazendo a conta errada*», доступное на <http://dowbor.org/pibestamosfazendoacontaerrada-1.doc>

²¹ Главная книга Амартии Сен «*Desenvolvimento como Liberdade*» была издана в Companhia das Letras, São Paulo, 1999, editora@companhiadasletras.com.br

стоимости *результатов* нашей деятельности, мы не сможем оценить ни государственную, ни частную политику. Сейчас мы продвинулись весьма далеко, используя и расширяя методику IDH. Книга Жана Гадрея (Jean Gadrey) и Флоранс Жани-Катрис (Florence Jany-Catrice) «*Les nouveaux indicateurs de richesse*» (новые показатели богатства) представляет исключительно хорошо выполненную систематизацию новой концептуальной системы национального учета, находящегося в процессе разработки²².

Так мы начинаем отличать учет произведенного продукта (*outputs*) от важных результатов в виде социальных ценностей (*outcomes*), показателей экономических, общественных и экологических: объективных показателей (индекс детской смертности, например) и субъективных (полученное удовлетворение); монетарных результатов (стоимость производства) и немонетарных (физический объем произведенной продукции). На этой основе были созданы различные методики, сегодня довольно неплохо разработанные, как *индекс экономического благосостояния* Осберга (Osberg) и Шарпа (Sharpe), *показатель устойчивого экономического благосостояния* (IBED), *показатель реального прогресса* (IPV), *показатель реальных сбережений* (genuine savings) Всемирного Банка, британский *Happy Planet Index* (Индекс Счастливой Планеты), бутанский *Felicidade Interna Bruta* (Внутреннее Общее Счастье) и другие.

Особенно интересной является методика «*Quality of Life Indicators: a new tool for assessing national trends*»²³, применяемая Калвертом-Хендерсоном (Calvert-Henderson), являющаяся настоящим балансом национальных счетов, применяемых в США. Вместо того, чтобы оказаться учтенными в сумме монетарных продуктов, счета разделены на 12 областей, включая доходы, а также права человека, общественную безопасность, состояние окружающей среды и т.д. Результатом является то, что впервые американцы получили инструмент для оценки того, как и в каких областях положение страны улучшается (ухудшается). Интересно то, что не было необходимости разрабатывать новые показатели или проводить дополнительные исследования: были использованы имеющиеся данные после отбора наиболее достоверных из них. Их просто по-умному наложили друг на друга, в соответствии с основными тенденциями практических результатов, ожидаемых населением.

Наконец, сам Всемирный Банк стал пересматривать свою методику. В сборнике «*World Development Indicators 2003*»²⁴, в таблице 3.15, где оцениваются сбережения, Банк приводит данные, например, по лесозаготовкам, не в виде

²² Jean Gadrey et Florence Jany-Catrice, *Les nouveaux indicateurs de richesse*, Ed. La Découverte, Paris 2005, www.editionsladecouverte.fr – См. более детальные данные о книге на <http://dowbor.org> в рубрике «Подсказки о чтении». Бразильское издание - Senac, 2006, editora@sp.senac.br; другая великолепная публикация – книга Партика Вивере (Patrick Viveret) «*Reconsiderar a Riqueza*», Ed. UNB, Brasilia, 2006

²³ Hazel Henderson, Jon Lickerman and Patrice Flynn (editors) – *Calvert Henderson Quality of Life Indicators: a new tool for assessing national trends* (Показатели Калверта-Хендерсона о качестве жизни, новый инструмент для оценки национальных тенденций). – www.calvertgroup.com

²⁴ World Bank – *World Development Indicators 2003*, Washington, 2003, стр. 174 и др.

положительной цифры (рост ВВП), но как уменьшение капитализации страны. По той же логике, страны экспортеры нефти рассматриваются, как тратящие свой природный капитал, демонстрируя отрицательные показатели сбережения. В производстве автомобилей при расчетах учтены дополнительные расходы на здравоохранение, вызываемые загрязнением окружающей среды. Поскольку методики Всемирного Банка пользуются высоким авторитетом, это начинание приветствуется и окажет влияние на национальные системы учета во многих странах.

Начиная с 2009 г., по просьбе Правительства Саркози, комиссия под руководством Амартии Сен, Джозефа Стиглица (Joseph Stiglitz) и Жана-Поля Фитусси (Jean Paul Fitoussi) разработала комплекс предложений, которые показывают возможности по пересмотру ВВП с точки зрения ныне существующего учета, с приведением новых показателей. В международном плане, таким образом, поставлен вопрос об обсуждении изменений национальных систем учета. Наиболее вероятной при этом считается тенденция не исчезновение показателя ВВП, так такового, и дополнение диверсифицированным комплексом наиболее значительных данных. Стремление свести оценку современной сложной экономики к одной единственной цифре является просто бессмысленным²⁵.

Существуют весьма креативные решения относительно городов. Сеть «Наш Сан-Пауло» разработала IRBEM, показатели благосостояния города с привлечением 100 базовых показателей, избранных на собраниях сообществ, предусматривают учет реальных приоритетов населения. В настоящее время десятки городов применяют методику, обеспечивая постепенную оценку политических процессов. Таким образом, люди могут при голосовании руководствоваться реальными результатами о своей жизни, а не информацией о том, кто распространяет больше маек во время предвыборной компании. Инновация не потребовала серьезных эконометрических расчетов, поскольку данные уже существовали, но они означали исключительно важное политическое изменение: информация организована для населения, а приведенные данные являются именно тем, кого они интересуют больше всего. Иными словами, экономический учет становится инструментом гражданственности, а инициативы различных государственных и частных деятелей будут оцениваться по конечным результатам развития общества, по крайней мере, на близлежащей территории, где людям будет легче участвовать в процессах принятия решений.

В любом случае, мы показываем, что изменение акцента в экономическом учете является важнейшим фактором. Банк, уводящий наши сбережения для их спекулятивного использования и демонстрации повышенной прибыльности, увеличивает ВВП, но уменьшает нашу системную производительность, снижая капитализацию сообществ, за счет уменьшения производительного использования наших сбережений. Немецкая система финансового посредничества, основанная только на муниципальных сберегательных кассах, не обеспечивает высокой

---

²⁵ О докладе Комиссии Стиглица от 2009 г., см. http://dowbor.org/resenhas_det.asp?itemId=d9a42935-bbd1-400c-9506-505e7ac418df

прибыльности, но направляет сбережения на социально полезные капиталовложения, создавая лучшие условия жизни для всех²⁶. «Прибыль», в этом смысле, должна быть общественной, а производительность – системной. Тот факт, что экономическая наука развивается в направлении интегрального учета, а не просто приведения грубых данных микро-экономических результатов, представляет собой важный шаг вперед²⁷.

В общем виде, прогресс в экономической науке представляет собой радикальное изменение того, как мы организуем информацию о полученных результатах. Пока измерения касались только размеров стоимости производства на предприятиях и стоимости государственных услуг, мы, естественно, считали, что прогресс происходил, благодаря предпринимательской прибыли, что в том числе и государственных услуг, заключающих в себе стоимость. Когда мы стали оценивать в системном виде результаты для общества во всей их совокупности, мы смогли получить разумное представление о реальном достигнутом прогрессе. Создание наиболее реалистичных систем оценки нашего социально-экономического прогресса исправляет структурные недочеты в экономической науке.

Значительная доля нашей несостоятельности в экономическом развитии происходит из-за того, что мы просто не располагаем инструментарием, чтобы понять, каков должен быть вклад в различные сферы нашего благосостояния. Почти истерические выступления СМИ по некоторым дополнительным параметрам роста ВВП провоцируют боязнь безработицы и заставляют забыть о важнейшей цели – повышении качества жизни общества, оставляя людей несведущими и плохо информированными. Конечно, неинформированные люди не могут принять эффективного участия. Без адекватной информации о динамике и важнейших результатах не существует экономической демократии. Разработка новых показателей богатства является в этом отношении особенно важным направлением.

4 – Финансовые аспекты экономической науки

Другим направлением исследования является попытка понять, что происходит с финансовым посредничеством. Любопытно, что преобладающие теоретические

²⁶ Данные об управлении сбережениями в Германии можно посмотреть в журнале «The Economist» от 26 июня 2004 г., стр. 77. Естественно, «The Economist» высказывает недовольство тем, что региональные законодательные власти в Германии «отказываются разрешать продажу банков сбережений, являющихся собственностью местных сообществ, покупателям из частного сектора». Сегодня мы можем констатировать важность этой децентрализованной системы управления сбережениями самими сообществами перед лицом финансового кризиса, порожденного крупными спекулятивными системами. Вряд ли «The Economist» может быть так сильно обманут.

²⁷ Для дискуссии о роли информации в этом участии населения в экономической политике см. нашу статью «*Informação para a Cidadania e o Desenvolvimento Sustentável*» на <http://dowbor.org>, в рубрике «Artigos Online». Здесь важно упомянуть о методологических основах, как IPEA с Марсио Пошманном (Marcio Pochmann) в исследованиях о распределении богатства в Бразилии, Алдаизой Спозатти (Aldaiza Sposatti) о «картах исключения», Анеттой Луэтт (Anne Louette) на www.compendiosustentabilidade.com.br, IBGE в «*Indicadores de Desenvolvimento Sustentável 2012*», выпущенные на Конференции Рио+20..

исследования не посвящены тому, чтобы сделать наши сбережения более прибыльными за счет инвестиций, производящих больше богатства и рабочих мест, но создают самые современные инструменты, чтобы позволить деньгам финансовое употребление. Таким образом, сфера финансов стала рассматриваться в виде, изолированном от последствий и экономической целесообразности, а финансовые спекуляции приобрели в экономической науке центральную роль, заключающуюся в том, как обменивая одни ценные бумаги на другие, волшебным образом способствовать повышению уровня здоровья или производства продуктов питания.

В этой области весьма актуальной продолжает оставаться книга Жоэла Курцмана (Joel Kurtzman) «*A Morte do Dinheiro*». Раз деньги превратились в электронное уведомление, перемещающееся со скоростью света на волнах виртуальности, мир стал глобальным казино. Наиболее важным для нас являются прибыль и власть, порождаемые финансовыми спекуляциями, сделавшими так, что экономическая наука самым навязчивым образом сконцентрировалась на этой сфере. Список Нобелевских премий по экономике в основном состоит, при редчайших исключениях, как Амартия Сен, из списка специалистов по поведению финансового рынка.

Ситуация усугубляется тем, что Нобелевская премия по экономике, на самом деле не является премией Нобелевской, но премией Банка Швеции. Петер Нобель (Peter Nobel), внук Альфреда Нобеля (Alfred Nobel), учредивший премию, пояснил недоразумение, намеренно созданное особым сегментом экономистов: «Нигде в корреспонденции Альфреда Нобеля нет никакого упоминания относительно Нобелевской премии по экономике. Королевский Банк Швеции подбросил свое яйцо в гнездо другой очень уважаемой птицы и, таким образом, нарушил 'товарный знак' Нобеля. Две трети премий Банка Швеции были вручены американским экономистам чикагской школы, чьи математические модели служили развитию спекуляций на рынках акций, что противоречит намерениям Альфреда Нобеля, который хотел улучшить жизнь людей». Таким образом, деньги идут не от Фонда Нобеля, а критерии вручения премии подчинены сфере финансов, ставшей уважаемой через это жульничество. Факт, что финансовая сфера добилась, чтобы премия вручалась на той же церемонии в Швеции, создает путаницу, но не способствует развитию этики процесса²⁸.

---

²⁸ По этому вопросу см. статью Хазела Хендерсона в журнале «Le Monde Diplomatique» от февраля 2005 г., стр. 28. Формальное название Нобелевской премии в сфере экономики - "Премия Банка Швеции по экономическим наукам в память об Альфреде Нобеле", такое название облегчило мошенничество: экономисты произносят только первое и последнее слово. Премия выплачивается не из Фонда Нобеля. Википедия представляет факты: "Шведская премия по экономическим наукам в память об Альфреде Нобеле, называемая Нобелевской премией, не являлась волей Альфреда Нобеле. Она была учреждена в 1969 г. [Sveriges Riksbank](#), Банком Швеции. Поскольку эта премия не основана на воле Альфреда Нобеля и не выплачивается из его денег, технически она не является Нобелевской премией. Тем не менее, она присуждается вместе с другими Нобелевскими премиями. (The [Bank of Sweden Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel](#), sometimes referred to as the Nobel prize in economics, was not a part of Nobel's will. It was instituted in 1969 by [Sveriges Riksbank](#), the Bank of Sweden. Since this prize has no foundation in Nobel's will, and is not paid for by his

Другой демонстрацией силы этого экономического сегмента является мощность агентств оценки риска. Все наши газеты помпезно сообщают о последних котировках «риска Бразилии». Исключительно консервативный журнал «The Economist» возмущается значимостью, которую приобрела олигополия из трех компаний: Moody's, Standard & Poor (S&P) и Fitch, которые «в последние годы подвергаются резкой критике за ошибки в отношении таких компаний, как Enron, WorldCom и Parmalat. Эти ошибки, растущее значение рейтинговых агентств, отсутствие конкуренции между ними, отсутствие внешнего контроля заставляют нервничать некоторых людей». «The Economist» также утверждает, что рейтинговые агентства оплачиваются теми, кто эмитирует ценные бумаги, а не инвесторами, которые будут использовать их для оценки рисков, что является очевидным конфликтом интересов. В результате «сила рынков капиталов лишена какого-либо значимого регулирования»²⁹.

Важнейшим моментом в финансовой спекуляции является аккумуляция богатства без необходимости производства соответствующей стоимости. В практических терминах, финансовые спекулянты живут за счет усилий других людей, а их доходы формируются за счет потерь других людей. Джозеф Стиглиц понял это и написал сильную, легко читающуюся книгу «*Globalization and its discontents*»³⁰, показав, насколько странам, сталкивающимся с трудностями, требуется больший капитал для восстановления баланса, но именно в этот момент спекулятивные капиталы бегут и обрекают эти страны на банкротство. Стиглиц иллюстрирует свое представление о роли либерализации капиталов на примере Юго-Восточной Азии, но такие же рассуждения подходят, например, к Аргентине в момент «корралито»³¹.

Официальная теория Международного Валютного Фонда, доминирующая особенно в связи с ростом скептицизма, предстает, как циничный ответ на эту

money, it is technically not a Nobel Prize. However, it is awarded with the official Nobel prizes”). Роберт Зоеллик (Robert Zoellick), президент мирового банка, в своем выступлении в 2010 г., объявил с хорошим чувством юмора, что «Нобелевские премии присуждаются за научную точность, в то время, как в экономике они присуждаются за бриллиантовый блеск». Показательно, что Юнус (Yunus), один из самых передовых экономистов современности, получил Нобелевскую премию мира. «Банкир бедных» не входит в число авторитетов Банка Швеции.

²⁹ The Economist, *Credit-rating agencies: Special Report* – 26 марта 2005 г., стр. 67 и др. Последняя цитата принадлежит Гленну Рейнольдсу (Glenn Reynolds), представителю независимой компании по исследованию кредитов из той же статьи.

³⁰ Joseph Stiglitz, *Globalization and its discontents*, W.W. Norton & Co., New York, 2002 – опубликована в Бразилии под названием «*A Globalização e seus Malefícios*», Ed. Futura.

³¹ Стиглиц анализирует на примере азиатского казуса то, что он называет “чисто личной заинтересованностью финансовых рынков (the naked self-interest of financial markets)”, и утверждает, что “капитал уходит из страны, попавшей в рецессию, именно тогда, когда он нужен более всего, и возвращается назад во время подъема, испытывая инфляционное давление. Я убежден в том, что именно тогда, когда странам требуются зарубежные фонды, банкиры требуют свои деньги назад (capital flows out of a country in a recession, precisely when the country needs it most, and flows in during a boom, exacerbating inflationary pressures. Sure enough, just at the time the countries needed outside funds, the bankers asked for their money back)”. (Stiglitz, op. cit., стр. 100). О казусе Аргентины см. нашу публикацию «*Altos juros e descapitalização da economia*», <http://dowbor.org> под рубрикой “Artigos Online”.

новую динамику: «Основополагающие преимущества финансовой глобализации хорошо известны: направляя средства в наиболее производительные сферы, она может помочь, как развитым, так и развивающимся странам достичь самого высокого уровня жизни»³².

Реальный процесс обратный. Без капитала остаются производство, государство и потребители. Либерализация финансовых потоков, которые теоретически должны «направить средства в наиболее производительные сферы», напротив, приводит к оттоку ресурсов в спекулятивных целях и вынуждает компании использовать самофинансирование, порождая финансовый феодализм, при котором каждый ищет самообеспечения, теряя возможность накопления и привлечения сторонних инвестиций. Эффект совершенно противоположен предполагаемому или предусмотренному МВФ, но напрямую связан с реально существующей экономикой.

В данном случае нас интересует то, что более не идет речи об объективных экономических механизмах типа «реакции рынка». Речь идет о сознательном формировании процесса экономической и финансовой стабилизации, включающего гигантские взятки и управление сетью приятелей в американском правительстве, на Уолл Стрите, в многосторонних финансовых организациях и в крупных компаниях. Формируются решающие процессы, которые не подчиняются декларированным целям, а еще менее рыночным механизмам в смысле свободной конкуренции и экономической свободы. В действительности речь идет о механизмах политико-финансовой манипуляции, не встречающихся в традиционных учебниках, чьи авторы, как вышеупомянутые, последовательно «ниспровергают» эти моменты, применяя *обратную инженерию* и разъясняя, «как действует» определенный сегмент экономической деятельности, используя примеры из жизни.

Впечатляющими являются размеры дезинформации о таком простом факте, как финансовые употребления, которые банкиры так любят называть *инвестициями*. Они ведут к обогащению посредников, не создающих новых активов и обогащающихся без соответствующего производства, что, таким образом, соответствует захвату продуктов производства третьими лицами, осуществляемого на наши деньги, но не на деньги самих посредников³³.

Преподаваемая экономическая наука не учит важнейшему: как можно ставить цели для развития в новом мировом контексте технологических перемен, ликвидации институционального разрегулирования и т.д. Эти категории перемен входят в исследования МВФ, которые он начал после полученных острых критических замечаний, чтобы стать несколько более разумнее в своей уверенности: «Хотя бы и было непросто выступать категорически о чем-либо столь сложном, как

³² *Finance & Development*, IMF, March 2002, p. 13

³³ Обсуждение этой темы можно найти в нашей работе «*O que é capital?*», editora Brasiliense, São Paulo, 2004, издание 10-е пересмотренное и расширенное. О финансовом кризисе 2008 г. и его последствиях см. нашу работу «*A Crise Financeira sem Mistérios*», 2009 г., <http://dowbor.org/criseseemmisterios8.pdf>

современная финансовая система. Но возможно, это создаст больше процикличности в продвижении вперед, чем прежде. Хотя может сложиться бóльшая возможность катастрофы (*catastrophic meltdown*)»³⁴.

Международное финансовое казино (при своих национальных размерах), таким образом, обуславливает уменьшение капитализации экономики, ведет к впечатляющему недоиспользованию важнейших факторов экономической динамизации, обеспечиваемой нашими сбережениями. Именно здесь мы скажем, что используются именно *наши* сбережения, поскольку в казино идет игра на средства пенсионных фондов, мелких семейных хозяйств, депозитов.

В действительности сформировалась секторальная культура. Сфера кредитных карт демонстрирует любопытную иллюстрацию того, как нас «ощипывают» и показывают, как мы можем быть важны, когда расплачиваемся за ужин с любовницей «золотой картой». Карта просто дает возможность таксировать все наши транзакции, получая как с продавца, так и потребителя, используя ставки за использование, подразумеваемого кредита и ставки за опоздание, помимо аренды за пользование аппаратурой. Например, компания «General Electric» уже выпустила 68 млн. карт, 40 % из них в развивающихся странах. Это еще одна компания, которая поняла, что, играя на деньги других, получаешь больше, чем если занимаешься производственным процессом. Средний американец является владельцем в среднем восьми кредитных карт и живет в долг.

Речь идет о том, что в краю Селсо Фуртадо называется «*праздником чужой шляпы*». Иначе говоря, Селсо Фуртадо хочет быть понятым: «Уже никому не приходит в голову игнорировать фантастическую концентрацию власти, которая сегодня проявляется на так называемых *финансовых рынках*, где преобладают спекулятивные обменные операции»³⁵.

Но если все понимают, и всем известно, как организована мировая автомобильная промышленность, то почему мы не обращаем внимания на то, как структурирована

³⁴ Рагхурам Раджан (Raghuram Rajan), директор исследовательского департамента МВФ *Finance and Development*, IMF, September 2005, стр. 54, под заглавием “Risky Business”. В оригинале: “While it is hard to be categorical about anything as complex as the modern financial system, it’s possible that these developments are creating more financial-sector induced procyclicality than in the past. They may also create a greater (albeit still small) probability of a catastrophic meltdown”. *Procyclicality* на жаргоне МВФ обозначается явление, на которое указывал Стиглиц о бегстве капиталов, происходящем именно тогда, когда экономика испытывает трудности и нуждается в поддержке, что вызывает рост несбалансированности.

³⁵ Celso Furtado, *O capitalismo global*, Ed. Paz e Terra, Rio de Janeiro 1998, стр. 7. Система электронных переводов, как *algorithmic trading* требует впечатляющих инвестиций в информационные технологии, оцениваемые в 26,4 млрд. долларов только в 2005 г., группами американских спекулянтов. Меньшие или более слабые страны свободны в своих попытках последовать. На самом же деле речь идет о всемирной системе экспроприации накопленной теми, кто имеет средства управления механизмами. См. «The Economist», от 4 февраля 2006 г., стр. 68 о “Technology and Exchanges”, см. также пояснения по поводу экономического кризиса в мировом масштабе в *Trade and Development Report 1998*, выпущенного UNCTAD, редкой международной организации реалистично относящейся к проблеме, в то время под руководством Рубенса Рикуперо (Rubens Ricupero).

и организована политическая и экономическая власть групп, присвоивших наши сбережения. Во всех газетах имеются страницы, посвященные различным котировкам, но там ничего не говорится о том, как они управляются. Разве плохо было бы добавить немного демократии, если не в область контроля, то хотя бы в информацию?

Производит впечатление констатация того, что только в 2011 г. появилось первое мировое исследование о корпоративном контроле за финансовыми процессами. Исследователи Федерального Швейцарского Технологического Института в Цюрихе (в немецком сокращении – ETN) отобрали 43 тыс. основных мировых корпораций и проанализировали операционные средства, стоимость корпораций и перекрестное участие в акциях (*mutual cross-shareholdings*), определив компании, наиболее прочно связанные в рамках сети. «Мы поняли, что 737 главных игроков (*top-holders*) сосредоточили 80% контроля за ценными бумагами всех транснациональных корпораций (ETN)... Это значит, что контроль в сети (*network control*) распределяется более неравным образом, чем богатство. В частности, топовые игроки поддерживают контроль в десять раз больший, чем то, что можно было ожидать, с учетом их богатства». (6)

При анализе 737 корпораций, было определено центральное ядро топовых игроков (*top ranked actors*), имеющих взаимные связи: «Мы обнаружили, что, несмотря на небольшие размеры, ядро коллективно поддерживает широкую фракцию полного контроля за сетью. В частности, почти 4/10 контроля за экономическим достоянием ETN мира, осуществляемого через сложную сеть отношений собственности, находится в руках группы из 147 ETN ядра, удерживающего почти полный контроль за самим собой. Топовые игроки в рамках ядра могут считаться «суперкомпанией» в глобальной сети корпораций. Дополнительный факт, который необходимо привести в данном случае, заключается в том, что $\frac{3}{4}$ ядра принадлежат к финансовым посредникам»³⁶.

Сами по себе эти цифры являются весьма впечатляющими. Они имеют вес в научном мире и неизбежно приобретают резонанс в мире политическом. Данные не просто подтверждают, что обостряются утверждения о движениях протеста, относящиеся к 1%, играющему с 99% остальных. Журнал «New Scientist» публикует комментарий одного из исследователей по фамилии Глаттфельдер (Glattfelder), обобщающего этот вопрос: «Действительно менее 1% предприятий контролирует 40% всей сети». Большинство из них – это финансовые институты, в числе которых Barclays Bank, JPMorgan Chase&Co, Goldman Sachs и подобные им³⁷.

³⁶ Источник Vitali, Glattfelder e Fattiston, <http://j-node.blogspot.com/2011/10/network-of-global-corporate-control.html> Для исследовательского анализа см. нашу работу «A Rede do Poder Corporativo Mundial», <http://dowbor.org/2012/02/a-rede-do-poder-corporativo-mundial-7.html/>

³⁷ New Scientist, 22/10/2011: <http://www.inovacaotecnologica.com.br/noticias/noticia.php?artigo=rede-capitalista-domina-mundo&id=010150111022&mid=50> и оригинал по-английски <http://www.newscientist.com/article/mg21228354.500-revealed--the-capitalist-network-that-runs-the-world.html?DCMP=OTC-rss&nsref=online-news>

Начиная с кризиса 2008 г., драма продолжает развиваться. Потери спекулянтов, эмитировавших для спекулятивных целей множество финансовых бумаг без соответствующего обеспечения, были щедро вознаграждены государственными ресурсами наиболее уязвленных стран. Эти меры спасли банки, но при этом перенесли дефицит на государственную казну. Частный хаос превратился в хаос государственный. В 2012 г. еще не было принято более или менее значительных мер по организации регулирования. При растущем дефиците казино продолжает работать³⁸.

5 – От спекуляции к общественно-полезным инвестициям

Любопытно, что больная реальность финансовой сферы создает свои противоядия. В то время, как доминирующее теоретическое течение и значительная часть ресурсов, усиливает спекулятивную деятельность и финансирование корпораций, зарождается иное течение, обеспечивающее прозаичное финансирование малых и средних предприятий, семейного сельского хозяйства, организаций гражданского общества. Всем известны работы Юнуса из Бангладеш, но следует заметить, что большие деньги в руках немногих порождают хаос, в то время как небольшие деньги в руках многих порождают впечатляющие результаты с точки зрения социально-экономического прогресса³⁹. Со строго экономической точки зрения, у тех, кто почти ничего не имеет, небольшие деньги способствуют быстрому прогрессу здравоохранения, образования, созданию лучших условий для производства.

Эта переориентация предусматривает, что все финансовые ресурсы могут просто служить нашему развитию. Стиглиц правильно подчеркивает в работе «*Community Reinvestment Act – CRA - de 1977*», изданной в США, что надо принуждать учреждения финансовых посредников хотя бы часть своих средств использовать на развитие сообществ, являющихся собственниками этих средств. Федеральный Регистр от 19 июля 2001 г. требует, чтобы финансовые агентства «приобретали облигации, чтобы помогать удовлетворять потребности в кредите местным сообществам, где они зарегистрированы. Кроме того, Конгресс выпустил инструкцию в адрес агентств по оценке деятельности (финансовых) институтов, чтобы ответить на кредитные потребности всего сообщества»⁴⁰.

Стиглиц также представляет важность китайской системы: «Города и поселки направили свои драгоценные ресурсы на создание богатства, а также было организовано мощное соревнование. Жители городов и поселков смогли увидеть,

³⁸ О хрупкости регулирования, введенного Frank-Dodd Act в США, в 2010, см. исследование Джеффа Мадрика (Jeff Madrick): <http://www.nybooks.com/articles/archives/2011/apr/28/wall-street-leviathan/?pagination=false>; замечательное представление о совокупности механизма, породившего кризис, может быть найдено в документальном фильме, который выиграл Оскар в 2012 г. «Inside Job» (Внутренняя работа).

³⁹ Mohammad Yunus, *Banqueiro dos pobres*, Ática, São Paulo, 2000; Юнус получил Нобелевскую премию мира в 2006 г.

⁴⁰ Federal Register, Proposed Rules, vol. 66 No 139, July 19, 2001, p. 37603 - <http://www.ffiec.gov/cra/about.htm>

что происходит с их фондами. Они знали, что создаются рабочие места, и что доходы увеличиваются. Несмотря на возможную нехватку демократии, имела ответственность. Новые отрасли промышленности в Китае располагались в этих сельских районах. Это помогло уменьшить социальную напряженность, неизбежно сопровождающую индустриализацию. Таков Китай, создавший фонды Новой Экономики поверх существовавших институтов, создающий и укрепляющий свой общественный капитал, в то время, как Россия подверглась эрозии»⁴¹.

Германия предлагает другой интересный способ, который мы вкратце рассмотрим. Гигантская масса семейных сбережений в стране не передается так называемым «институциональным инвесторам» для проведения спекуляций. Она аккумулируется в сберегательных кассах, существующих в каждом городе или поселке. Журнал «Economist» сообщает, что более половины немецких сбережений используется таким образом. Журнал считает, естественно, что это является фактором отставания, поскольку деньги можно было применить гораздо более динамичным способом, если бы сбережения управлялись некоторыми международными финансовыми группами. Но именно эти группы, тем не менее, породили финансовый коллапс 2008 г.⁴²

Это означает не видеть громадного набора инициатив, которые могут предпринять населенные пункты с высокой капитализацией, создавая новые предприятия, рестораны с национальной кухней, перерабатывая сельскохозяйственные товары местного производства. Не все должно передаваться в McDonald или в сети гипермаркетов, согласно процессу, являющемуся не только экономическим, но культурным и ассоциативным. Когда район становится хозяином своей территории, развивает собственную инициативу, творчество. Никогда не бывает излишним вспомнить, что на 54% предприятий в США работает всего по 5 человек и что страна имеет 26 миллионов микро и малых предприятий. Здесь речь идет о

---

⁴¹ J. Stiglitz – Globalization... - CRA детализирована на стр. 70, как реакция на несоответствие между накоплениями и потребностями развития. Китайский выбор на стр. 184 и 185. Стиглиц также говорит о Чешской Республике: “It had created a capital market which did not raise money for new investment, but allowed a few smart money managers (more accurately, white-collar criminals – if they did what they did in the Czech Republic in the United States, they would be behind bars) to walk off with millions of dollars of others’ money”. Представление Стиглица о небольшом числе успешных случаев финансовой политики весьма примечательно: “One attribute of the success cases is that they are “homegrown”, designed by people within each country, sensitive to the needs and concerns of their country”. (стр. 186) Его оптимизм по поводу факта о том, что спекулянты этого типа в США «находятся за решеткой» не оправдался.

⁴² The Economist, 15 октября, 2004 г. – « The public sector banks – 11 regional wholesale *Landesbanken*, a few development banks and nearly 500 savings banks – account for 36% of German banking assets and more than half of savings deposits. For years they have been protected by laws and state guarantees from the full force of the market.” (p. 73) . Журнал « The Economist » является активным сторонником и проводит кампанию. В своем выпуске от 13 декабря 2003 г., было опубликовано следующее раздраженное сообщение: “Consider the 500-odd municipal savings banks that hold half of the money in Germans’ savings accounts. None of these banks has ever been privatised, even though private-sector banks, which have only 15% of the savings deposits, would like the chance to buy some.” В статье сожалеют о существовании в Германии “of the three-pillar structure of private, public and co-operative banks that stultifies the banking system” (стр. 69).

большом пробеле в экономической теории, считающей, что малое предприятие является продуктивным, если оно работает на субподряде корпоративного гиганта.

Если теория не описывает удушение частной экономической инициативы, ассоциируемой с глобальным капитализмом, в плане прикладной экономики происходят очень интересные события. Книга «*Les placements éthiques*» представляет собой небольшой учебник для тех, кто хочет создавать полезные вещи на свои деньги, вместо того, чтобы размещать их в банке⁴³. Не прибегая к излишнему теоретизированию, книга исходит из принципа, что живущие люди хотят уравновесить различные интересы, иметь достойное вознаграждение за свои деньги, безопасность, ликвидность, если вдруг деньги понадобятся им внезапно, и ощущение того, что деньги приносят пользу. Полезное применение финансов, представленное в книге относится именно к Франции, но открывает общие перспективы.

С практической точки зрения речь идет об одном учебнике, где, каждая страница посвящена этическому фонду с указанием средней ставки за размещение, ликвидности (некоторые фонды требуют определенное время для размещения), безопасности (есть размещение, гарантируемое государством, а существуют и рискованные размещения, как на рынке акций) и «этической прибавочной стоимости», которая в деталях описывает тип социального или экологического применения. Процесс утвердился во Франции, поскольку помимо заинтересованности населения в местных банках, банках сообществ или государственных, стали гарантироваться размещения в солидарной экономике, формируя совершенно надежный процесс в финансовом смысле при повышенной системной производительности.

Обычно размещения охватывают предприятия солидарной экономики. Например, ваши деньги размещаются на некоем малом предприятии, организовавшем пассажирские перевозки для инвалидов города. Это очень мелкое начинание, чтобы заинтересовать традиционные группы предпринимателей, удовлетворяющее целому ряду критериев, как уважение норм трудового законодательства, уважение потребителя и т.д. Существуют фонды, которые исключают совокупность предприятий, являющихся антиобщественными, как производители вооружения, табачных изделий и алкогольной продукции.

Это, в свою очередь, накладывает целый комплекс критериев на оценку предпринимательской деятельности, выходящих далеко за пределы дохода. При этом организуется целый ряд институтов, которые осуществляют системное отслеживание различных секторов деятельности и предприятий, таким образом, чтобы человек размещающий средства действительно знал об их конечном применении. Мы все привыкли к показателю «риск Бразилии», представляющему риск, который определенная страна или предприятие представляет для финансовых

---

⁴³ Alternatives Economiques – *Les placements éthiques : comment placer son argent* – www.alternatives-economiques.fr, Paris, 2003, 176 стр. ; кроме того, во Франции существует целый ряд местных систем общественного управления (La Poste, Caisse d'Épargne, Crédit Mutuel), управляющих 40% французских сбережений, согласно данным журнала «The Economist», 24 декабря 2005-6 января 2006 гг. двойной номер, стр. 99.

вкладчиков, но он никогда не является риском для Бразилии, как например, при спекулятивных операциях. Для нас этот подход имеет большое значение, поскольку там, где доминируют небольшие муниципальные банки, население может достаточно четко отслеживать, что делается с его деньгами, функционируют рыночные механизмы при минимальной конкуренции. В бразильском случае, при крупных объединениях, мы обычно не представляем, что происходит, а в частном секторе даже в большей степени, чем в государственном⁴⁴.

Система, созданная во Франции, зрелая и весьма сложная. Она включает законодательство, позволяющее осуществлять дифференцированный подход к определенным размещениям, мощное участие общественных организаций, профсоюзов и местных властей, а также включение системы постоянной информации акционеров или финансовых вкладчиков. Система развивается с показателем 20% в год. Существуют организации гражданского общества, которые уже управляли более, чем 800 млн. евро, около 2 млрд. реалов. Они не инвестируют в международное казино.

В теоретическом смысле, успех таких начинаний является в сумме очень важным, поскольку, в конце концов, демонстрирует, что люди не хотят простого увеличения возвратов и безопасности своих денег. Люди ходят делать социально важные дела, если у них есть возможность, а эта возможность организуется. Вступительное замечание Анри Руиле д'Орфей (Henri Rouillé d'Orfeuil) задает тон: «Цели ясны. Речь идет о привнесении солидарности или заботы во всеобщее благо, в самое сердце экономики, чтобы они вели к общественному прогрессу и устойчивому развитию, чтобы предприятия стали социально и экологически ответственными»⁴⁵.

Это направление, альтернативное финансовому посредничеству, является целью нападок крупных спекулятивных групп и осмеяния «мейнстримом» экономической науки. Тем не менее, Хазель Хендерсон и другие создали «*ethical market place*», дословно «рынок этических размещений», пробудили громадный социальный интерес, который материализуется во впечатляющем потоке ресурсов. Сегодня сами финансовые спекулятивные группы и крупные банки открывают нишевую социально ответственную деятельность, хотя бы и для того, чтобы улучшить свой имидж⁴⁶.

⁴⁴ В отношении предприятий имеет смысл отслеживать прогресс начинаний Института Этоса (Instituto Ethos) и его показатели предпринимательской ответственности www.ethos.org.br. Неправительственная организация Акату (Akatu) обеспечивает хорошие материалы для защиты от агрессивной кредитной политики - www.akatu.org.br. Idec, Институт защиты потребителя предпринимает много усилий для обеспечения открытости процессов. Развитие идет медленно, но верно.

⁴⁵ Rouillé D'Orfeuil, Henri – *Finances solidaires: changer d'échelle* – in *Les Placements éthiques*, Alternatives Economiques, Paris, 2003, p. 18 – www.alternatives-economiques.fr

⁴⁶ См. на www.hazelhenderson.com мероприятие «*Green Transition Scoreboard*». Журнал «Scientific American» от декабря 2002 г. опубликовал интересную статью о Жоане Баварии (Joan Bavaria), руководителе «Trillium Asset Management», где говорится, что «мировое сообщество социальных инвесторов контролирует более 2 трлн. Долларов в размещениях» - стр 40. – В Бразилии портал www.mercadoetico.com.br был запущен в феврале 2007 г., имея аналогичные цели.

Всем нам интересно видеть, что пока рыночные механизмы загипсовываются транснациональными и национальными гигантами, монополизирующими широкие экономические сектора, манипулирующими потоками и ограничивающими доступ к информации, порождая разбалансированность и кризисы, возникают альтернативные формы экономического регулирования, основанные на ценностях и прямом участии граждан.

Политическая деятельность всегда рассматривалась нами, как занятие, напрямую связанное с голосованием, с партиями, с правительством. Но в последнее время появились виды деятельности, при которых организованное гражданское общество заворачивает рукава и само начинает заниматься целым рядом видов деятельности. Все более ясную и значимую форму приобретает экономическая деятельность под управлением ценностей, политического видения в самом широком смысле. Люди начинают считать, что могут «вернуть свои деньги». Другая деятельность появилась в Бразилии при поддержке, в том числе, Пола Сингера (Paul Singer) в сфере солидарной экономики. Инициативы по микрокредитованию, по солидарному кредитованию, по гарантии кредитов неправительственными организациями уже не считаются новыми⁴⁷.

Речь идет о сфере, где появились великолепные результаты в отношении того, «как она работает», при отсутствии экономического теоретизирования. Также в этой области появляется обобщенная практика проведения семинаров и конференций, на которых люди, управляющие этими новыми формами наших сбережений, общаются с учеными общественных наук и создают новые подходы⁴⁸.

Здесь необходимо небольшое замечание. Наше видение экономики еще не сфокусировано на промышленном видении XX века. Но нарождающиеся сектора экономики не являются фабриками. Это сети здравоохранения, организованные образовательные сети, исследования и организация знаний, культурных мероприятий и т.д. Люди ужасаются тому, что промышленная деятельность в США занимает всего 14% ВВП и обеспечивают всего 10% рабочих мест, быстро уменьшаясь, в то время, как здравоохранение занимает 17% ВВП. Если сложить образование, культуру, безопасность, то мы получим более 40% ВВП. Экономика все менее основывается на постоянном капитале (машины, оборудование, строения) и все более на организации и знаниях. То есть нарождающаяся экономика не нуждается в гигантомании, чтобы быть эффективной, как раз напротив. В действительности, гигантомания в этих сферах порождает

---

⁴⁷ В рамках методической инновационной шкалы см., в частности, опыт Банка до Нордесте (Banco do Nordeste) и новые «Агентства по кредитным гарантиям», поддерживающие мелких производителей. Аиртон Сабойа (Aírton Saboya) и Кларисио дос Сантос Фильо (Clarício dos Santos Filho) в 2010 г. провели интересные исследования, доступные на http://dowbor.org/riscos_e_opportunidades.pdf

⁴⁸ Для систематизации некоторых тенденций в Бразилии см. работу Сержио Рошела (Sérgio Roschel) «Microcrédito no Brasil», на сайте <http://dowbor.org> под рубрикой «Pesquisas Conexas». Также см. информацию бразильской ассоциации предприятий микрокредитования: lavorato@abcred.org.br

последовательное разбазаривание средств за счет бюрократизации и монополизации управления доступом к базовым услугам⁴⁹.

Иными словами, существует сращивание между новыми возникающими секторами деятельности и формами финансирования, требующимися для них. Когда такие виды экономической деятельности из общественной сферы, как здравоохранение, культура и др. становятся доминирующими в нашем способе производства, изменяется и концепция финансирования. Система концентрированного финансирования может чувствовать себя удобно для гигантских предприятий медицинского страхования: в этом случае мы имеем абсурдный альянс спекулятивных интересов с медицинской промышленностью. Но при проведении социальной политики с точки зрения повышения качества жизни, инновации в финансовом управлении, в рамках различных сопредельных форм, являются более продуктивными экономически. Это капиллярная деятельность, хорошо взаимодействующая с системами финансирования в сети.

С финансовой точки зрения логика является весьма сходной: осуществлять планетарные действия с финансовыми бумагами, или спекуляцию с сырьевыми товарами, но для продуктивных инвестиций, увеличения числа рабочих мест и богатства необходимо определить хорошие проекты, узнать, кто будет инвестором, быть знакомым с местным экономическим положением. При наличии хорошего проекта, будет создаваться прибыль, которая позволит платить налоги. Это требует близости, децентрализованных систем, способности оценки эффективных сегментов. Это гораздо труднее, а, кроме того, не работает при управлении из удаленных транснациональных кабинетов. Кредит, как поддержка, порождает новые богатства. Финансовая спекуляция лишь перераспределяет существующее богатство⁵⁰.

Здесь мы предлагаем новую создающуюся экономическую теорию, чего, быть может, и сами недопонимаем, поскольку так долго были заняты тем, чтобы отбиваться от маргиналов или закона компаративной выгоды Рикардо. Мы не говорим о социально благотворительной и экономически маргинальной динамике. Это место необходимо заполнить. Не надо ожидать правительства, которое доставит нам удовольствие, изъяв наши деньги из банков, чтобы разместить наши сбережения для создания полезных вещей. Сохранение контроля за нашими сбережениями образуется, как структурирующее направление социальной

---

⁴⁹ Мы более детально высказываемся по этому вопросу в статье «*Gestão Social e Transformação da Sociedade*». См. <http://dowbor.org> под рубрикой «Artigos Online», 2000 г., стр. 18

⁵⁰ Четкое различие между финансовым размещением и продуктивными инвестициями позволяет понять различия. Банки любят все называть инвестициями, затрудняя понимание. По-французски мы говорим «placements» и «investissements». По-английски существует лишь слово «investments», что также затрудняет понимание. Журнал «The Economist» часто использует понятие «спекулятивных инвестиций», чтобы разделить приобретение бумаг и строительство обувной фабрики. Но бумаги не увеличивают общественное богатство.

динамики, а за нами остается право ее контролировать и требовать предоставления счетов в этой области, что является исключительно демократичным⁵¹.

6 – Власть экономическая и власть политическая

Таким образом создается понятие. Экономика не является наукой, которая должна обеспечить самые сложные инструменты по анализу конъюнктуры, чтобы сориентировать спекулянтов: она должна развернуться и сконцентрироваться на результатах – «субстантивных целях» - которые мы хотим достичь, в частности, на создании достойного общества не только в рамках экономической терминологии, но в социальном и в экологическом плане. Направление, определяемое этими целями, со своей стороны, должно возродить экономический учет, формы учета результатов. Именно ради получения этих результатов, в свою очередь, должны направляться ресурсы, создаваемые сбережениями людей, являющихся собственниками этих сбережений, чье использование было у них отобрано. Эта экспроприация, остается сказать, сказывается на структурах экономической власти, которые также изменяются.

Вернемся к работе Селсо Фуртадо: «Требуется сформулировать политику развития на основе разьяснения субстантивных целей, которые мы стремимся достичь, но не на основе логики средств, навязываемой процессом концентрации, управляемым транснациональными компаниями». Далее. Фуртадо утверждает, что «действия предприятия планетарного масштаба представляет собой наибольшую мутацию в эволюции капиталистической системы, поскольку переводит развивающиеся общественные силы в подчиненное состояние и значительно изменяет роль национального государства»⁵².

То есть транснациональная компания определяет свои собственные цели: наивысшую прибыль за самый короткий срок, но также структуры власти, которые ее консолидируют и превращают в инструмент, совместно с процессами финансовой спекуляции, относительного отхода от «субстантивных целей».

Возможно, в настоящее время Давид Кортен (David Korten) лучше всех выучил «уроки» в смысле объяснения, как организовать и управлять властью в крупных корпорациях. Он, автор книги «*Quando as corporações regem o mundo*», прилежный служащий Usaid, после многих лет социальной работы в Азии, решил, что конфликт между провозглашаемыми целями по обеспечению благосостояния населения и действиями компаний, подошел к своему пределу, делая мало важным усилие социального продвижения, которое он осуществлял. Он решил разьяснить, как действует эта власть⁵³.

⁵¹ О новых формирующихся позициях см. статью Игнасия Сакса (Ignacy Sachs), Карлоса Лопеса (Carlos Lopes) и Ладислау Довбора (Ladislau Dowbor) «*Crises e oportunidades em tempos de mudança*» 2010 г. [http://dowbor.org/09fsmt7portuguespositionpaperldfinal\(2\).doc](http://dowbor.org/09fsmt7portuguespositionpaperldfinal(2).doc)

⁵² С. Furtado, *Em busca de novo modelo*, *op. cit.* стр. 36 и 50.

⁵³ David Korten – *When Corporations Rule the World* – опубликована в Бразилии издательством Futura, под заглавием *Quando as corporações regem o mundo*.

Книга стала классической. Частично, благодаря великолепной работе по систематизации информации и способности к анализу, а частично, благодаря свидетельству о впечатляющем разрыве, сложившимся между важностью, сформировавшейся у транснациональных компаний в отношении экономического управления и растущего политического, и обществом, и скудостью информации о его функционировании. Единственным действующим ядром, осуществляющим исследования в ООН, является United Nations Center for Transnational Corporations – UNCTC, но он был упразднен в 90-е годы.

Такое непрозрачное состояние было усилено механизмом взаимодействия с мировыми СМИ. Сегодня расходы на рекламу входят в цену, которую мы платим за товары. Этот частный налог стоит нам, по оценке PNUD от 1998 года, около 430 млрд. Долларов, а по оценке Lawrence Lessig от 2001 г., около 1 трлн. долларов. Так как эта реклама в основном финансируется крупными корпорациями и составляет основу экономического выживания доступных нам СМИ, они стремятся представить лишь привлекательные образы тех, кто покупает их рекламное пространство. Результатом является то, что, когда разражаются скандалы, как в случаях с Enron, WorldCom, Parmalat, Lehmann Brothers и другими, мы бываем напуганы.

Таким образом, речь идет о текущих процедурах, при которых крупные управляющие, когда бывают уличены в какой-либо небрежности, становящейся публичной, просто пожимают плечами и говорят, что «так поступают во всем мире». Джон Перкинс показывает в своей работе «*Confessions of an Economic Hitman*», как действительно формируется задолженность политически слабых стран. Являясь главным экономистом компании Main (Chas. T. Main Inc., компания-консультант, работающая в линейке таких компаний, как Enron, Bechtel, Halliburton и знаменитых других), он подписывает заведомо завышенные прогнозы по экономическому росту стран. Этот механизм применялся в Саудовской Аравии, Эквадоре и многих других странах, при инвестировании в инфраструктуру крупных средств. Имея такой доклад с мошенническими прогнозами роста, становится возможным задержать выплату задолженности. Компании проводят переговоры с Всемирным Банком и другими финансистами относительно соответствующих займов, а контракты на исполнение, естественно, заключаются с компаниями, помогающим оказывать давление для получения займов, как перечисленные выше. Компании богатеют за счет заключения этих контрактов, роста не происходит (чудес не бывает), а страна превышает свои возможности по обслуживанию долга. Тогда в дело вступает другой механизм, предусматривающий пересмотр контрактов на разработку нефти и других полезных ископаемых, при использовании сложившееся трудное финансовое положение. Обычно этот механизм представляется, как помощь бедным странам, а они, в свою очередь, не могут отказаться от дружеских объятий⁵⁴.

---

⁵⁴ John Perkins – *Confessions of an Economic Hit Man* – Berrett-Koehler, San Francisco 2004 – В Бразилии книга вышла в издательстве Cultrix, а название было, к сожалению переведено, как “Confissões de um assassino econômico”, которое заставляет подумать о безответственном агенте 007, тогда как речь идет о серьезном вопросе. В США книга стала бестселлером. Целую страницу,

Другое очень интересное исследование было сделано Жоэлом Баканом (Joel Bakan). «*The Corporation: the pathological pursuit of profit and power*»⁵⁵. Автор исходит из одной очевидной, но забытой вещи о том, что закон, создающий «юридическое лицо» должен защищать людей, но был расширен в интересах компаний, которые стали пользоваться правами, как будто превратились в человеческих существ. Естественно, как утверждает автор, физическое лицо может быть отправлено за решетку, но этого не происходит с лицами юридическими. И юридическое лицо, имеющее много денег, бесчисленное количество адвокатов, за счет того, что мы выплачиваем ему, приобретаю его продукцию, оплачивая его ставки, или используя его программное обеспечение, приобретает большое могущество. Но физическое лицо многогранно и имеет множественные интересы, озабоченность этикой, в то время, как по закону корпорация обязана просто увеличивать прибыль, удовлетворяя, таким образом, своих акционеров⁵⁶.

Таким образом, создается псевдосущество, имеющее минимум щепетильности и громадную власть. Формы, как корпорации начинают доминировать, исследуются на основе тех же критериев, что медицина использует для определения психопатов: незаинтересованность обществом, отсутствие этических чувств и т.д. У группы людей возникла идея создать фильм на основании этой книги, который представляет собой интересную методологическую инновацию: взамен того, чтобы читать в книге, в параграфах, заключенных в кавычки, то, что Питер Друкер (Peter Drucker) хочет сообщить относительно определенной проблемы, цитирование становится аудиовизуальным, и мы видим Питера Друкера, излагающего свое мнение на экране. Совокупность мнений, объединенное в кинематографические «главы», завершается тем, что создается великолепный научный документ о поведении корпорации. Доводы излагаются образами и репликами, а не страницами. Результат исключительно убедителен. Там говорят люди. Он указывает на наиболее динамичную и живую форму, взамен той тяжелой форме, в которой мы пишем наши работы в области экономической науки⁵⁷.

посвященную аннотации книги можно найти в газете «Folha de São Paulo» от 2 апреля 2006 г. Сознательно или бессознательно Перкинсу потребовалось почти два десятилетия для принятия решения о публикации своей книги.

⁵⁵ Joel Bakan – *The Corporation: The Pathological Pursuit of Profit and Power* – Ree Press, New York, 2004

⁵⁶ Известна фраза, циркулирующая в корпоративной среде, о том, что при близких отношениях язык все выбалтывает: «У корпорации нет сердца, чтобы почувствовать даже прямое влаг...ще». И Сакс в наиболее приемлемой форме, утверждает, что рынок, как носорог, имеет толстую шкуру и плохое зрение. Боавентура де Соуза Сантос считает, что требовать от компании, чтобы она стала зеленой, это тоже самое, что требовать от тигра стать вегетарианцем. Образы разнообразны, но порождающий их фактор один и тот же. Это всеобщая безответственность.

⁵⁷ Научный фильм «*The Corporation*» доступен на www.thecorporation.com в оригинале, а португальски на сайтах книжных магазинов. Его хронометраж составляет 2 часа 20 мин. Этот шедевр является прекрасным материалом для проведения занятий. Питер Друкер не получил премии за лучшую мужскую роль, но Оскар, присужденный фильмам «*Uma verdade inconveniente*» Эла Гора и «*Trabalho Interno*» Чарли Фергюсона (Charles Ferguson), демонстрирует сильный подъем выразительных форм интеллектуального и незлитного изложения новой экономической науки, что является комплиментом «*Rede de Poder Corporativo Mundial*», о которой мы скажем далее.

Несмотря на непрекращающуюся рекламную осаду крупных корпораций, истинные размеры корпоративной деятельности постепенно сходят на нет. В этом смысле интересным чтением является книга «*A economia cidadã*» Анри Роилле д'Орфея (Henri Rouillé D'Orfeuill): «Налоговый рай, играющий двойную роль легального тайника для капиталов, которые стремятся укрыться от налоговых и общественных обязательств и взаимодействуют с преступным миром, чей ежегодный ВВП оценивается МВФ в 1 трлн. долларов и составляет от 2 до 5% ВВП планеты, при всей сложности оценки, переходят к труженикам, отмывающим грязные деньги. Франсуа-Шавиер Вершав (François-Xavier Vershave), который исследовал некоторые из этих систем, любит заявлять, что 'только бедные и ненормальные платят налоги'... Магистрат Жан де Мельяр (Jean de Maillard) также ясно и честно высказывает свое суждение: 'Эта глобализация криминальной экономики сопровождается глобализацией экономики мировой, и теперь эти две тенденции подчиняются единой логике. Поэтому представляется, что слияние между законной экономикой и экономикой криминальной, осуществилось в настоящее время'»⁵⁸.

Дэвид Кортен (David Korten), Жоэл Бакан (Joel Bakan), Джон Перкинс (John Perkins) в числе прочих других, являются авторами, которые изучают власть транснациональных компаний, но не вырабатывают общих теорий: сначала они исследуют происходящее, обогащая информационную базу эмпирическими данными. Постепенно возникают правила, противоречия и тенденции. Так делаются эскизы теорий, вступающих в противостояние с другими эмпирическими исследованиями, другими анализами секторов.

Представления снова оказываются противоречивыми: руководители корпораций указывают на технологии, на эффективность, на творческую мощь. Другие указывают на экологические бедствия, концентрацию доходов, безработицу, информационные манипуляции, разрушительную власть. Противоречие не разрешается в экономической сфере, но при применении более широкого представления Базовым аргументом, в совокупности, является широкая политическая власть с экономическим лицом, что означает, что она не подчиняется политическому контролю, поскольку контролируется «силами рынка». В

---

⁵⁸ Henri Rouillé D'Orfeuill – *Economia Cidadã: alternativas ao neoliberalismo* – Editora Vozes, Petrópolis, 2002, стр. 38. Надо отметить, что наши банкиры не являются ни бедняками, ни безумцами. Жан де Мельяр, упомянутый выше, является французским судьей, исследующим нелегальные денежные потоки. Он разработал интересный атлас денег: *Un Monde Sans Loi: la criminalité financière en images*, Ed. Stock, Paris, 1998, 140 стр. Книга посвящена 26 убитым магистратам, занимавшимся денежными потоками такого типа. Очевидно, это не мир «Алисы в стране чудес». На нашей встрече с Мельяром во Франции, он пояснял, что одной из важнейших проблем подавления экономического криминалитета является то, что не существует четкой границы между преступником и предпринимателем, но последовательное изменение преступной плотности, поскольку крупный предприниматель «может не знать» о наличии коррупционной передовой, при помощи адвоката, придавая нарушениям образ законности. Жоэл Бакан, в указанной книге, привел список криминальных процессов и приговоров компании «General Electric». Джек Велш (Jack Welch), экс-президент компании, в своей классической книге с белой обложкой «*Straight from the Gut*», которую можно купить в любом книжном магазине любого аэропорта Бразилии приводит слово «этика» на каждой трех страницах, но не сообщает ни о каком мошенничестве.

действительности, она не контролируется никакой силой. Демократия, говорят компании, это там, во вне. Должна ли демократия постучаться в дверь компаний?

7 – Теория потребления

Вернемся к методологическому направлению, которому мы следуем в этой небольшой работе. Речь не идет о пересмотре теории в смысле анализа крупных научных школ и определения, как они объясняют реальность. Мы говорим о том, что необходимо начинать анализ с направлений, имеющих серьезное структурное значение, как всевластье транснациональных компаний или воздействие на экономику финансовых институтов и т.д., чтобы на прочной основе следовать идеям, предлагаемым нам в работах Селсо Фуртадо и особенно в его публикации «*Em busca de novo modelo*», где определяются направления исследований, описанных в экономической литературе.

У нас нет задачи критики классиков. Они заслуживают изучения, но с учетом того, что им дало путь в жизни, что требует хорошего знания истории реалий, которые они стремились объяснить. Приводить цитаты и больших мастеров, не давая себе труда продемонстрировать, до какого предела данная идея работает в современном контексте, является всего лишь данью памяти авторитету. «Как и поведение экономических переменных в большой степени зависит от тех неэкономических параметров, которые определяются и развиваются в определенном историческом контексте, невозможно отделить исследование экономических явлений от исторического сценария»⁵⁹.

Экономическая наука, развивающаяся в определенном контексте, должна преобразовываться. «Стоимость труда экономиста, как и любого другого исследователя», - пишет Селсо Фуртадо: «определяется комбинацией из двух составляющих: воображение и смелость, чтобы рисковать в поиске неопределенного». Отдаляясь, таким образом, от всеобщего согласия, экономист «отмечает, что пути, уже проторенные другими, не имеют большой ценности», и «быстро утрачивает благоговение перед тем, что уже установлено и сформулировано»⁶⁰.

Проясняя этот вопрос, мы хотим приступить к другому «направлению реальности», которым является спрос. «Для потребителя, пишет Фуртадо, отведена пассивная роль. Его рационализм состоит в том, чтобы ‘правильно’ отреагировать на каждое побуждение, направленное на него... Человек может окружить себя множеством объектов, не принимая участия в их создании. Изобретение этих объектов подчиняется процессу накопления, который находит мощный рычаг в определении стандартов потребления». В результате человек перестает быть субъектом процесса; в рамках «инструментальной рациональности» «человек проходит идентификацию, как объект, подлежащий изучению и программированию»⁶¹.

⁵⁹ С Furtado – *Em busca...*op. cit. стр. 72

⁶⁰ С. Furtado – *Capitalismo Global*, стр. 10

⁶¹ С. Furtado – *Em busca...*op. cit. стр. 60 и 61

Очевидным оппонентом в этом смысле является Милтон Фридман (Milton Friedman), представитель чикагской школы, который с бесстрашием человека, не имеющего счета, чтобы представить его реальности, но корпорации, писал при любезном участии его супруги Розы классический труд «*Free to Chose*», являющийся данью свободе выбора системы. Я всегда считал, что Фридман немногим обязан своей славе и псевдо-нобелевской премии связности своего мышления, но более факту распространения идей, защищающих систему. Система может быть благородной⁶².

Джон К. Гэлбрайт (John K. Galbraith), очевидно, не из «системы». Кроме того, он пишет наставительно. Прежде такой поучающий стиль требовал сложных фраз и изысканных выражений. В стилистической пустыне современной экономической науки требуется писать, прежде всего, просто и прямо. Читая книгу «*A Economia das Fraudes Inocentes*», мы ощущаем удовольствие, которое получал Гэлбрайт, когда писал ее. Это удовольствие высказывать хорошо сформулированные идеи, которое мы испытываем, как удовольствие от хорошо сделанной работы.

Корпоративное могущество рядится уважаемым образом. Корпорация перестает быть капиталистической монополией или олигополией и начинает именоваться «рынком»⁶³.

Реальностью является то, что Гэлбрайт называет «корпоративной системой», опирающейся на монополию и олигополию и резко централизующей экономическое могущество в мире крупных компаний, разъедавая конкурентное пространство, оставляя потребителя без выбора. С другой стороны, гигантская система манипуляций потребителем через рекламу ведет к тому, что сама корпоративная система начинает определять профиль спроса. В рамках корпорации, со своей стороны, власть не распределена между большим числом акционеров, но сконцентрирована на корпоративной буржуазии, определяемой среди прочего астрономическими вознаграждениями, назначаемый одними другим. Как формирование олигополий позволяет манипулировать ценами, учитывая в них стоимость создания корпоративной марки и имиджа, закрывая круг. Механизм свободной конкуренции был замещен механизмом власти.

---

⁶² Milton and Rose Friedman, *Free to Chose*, Harvest Books, New York, 1990 – Существует перевод на вариант португальского языка Португалии.

⁶³ Здесь необходимо внести ясность. Изначально, когда в экономической науке мы говорили о рынке, мы ссылались на механизмы конкуренции, позволяющие, чтобы тысячи субъектов экономики соревновались на равной основе на площадке коммерческого обмена. Как привлекательна эта точка зрения, учитывающая демократические механизмы. Крупные экономические группы завладели этим термином, и сегодня «рынок» все более связан с группой могучих корпораций, доминирующих на рынке, подменяя обезличенную конкуренцию механизмами контроля, так называемым «*managed market*». Позднее, под нажимом групп финансовых спекулянтов, «рынок» стал определять ядро крупных институциональных инвесторов. Именно это понимает сегодня специализированная пресса, когда информирует, например, о повышенной волатильности обменных курсов, что «рынок нервничает». В общем речь идет о нервозности полудюжины финансовых групп.

В другой работе Гэлбрайт высказывается еще ясно, комментируя, что концепция капитализма вышла из моды: «Сейчас принята рыночная система». Вместо владельцев капитала «мы имеем совершенно обезличенного персонажа, называемого ‘рыночными силами’. Было бы сложно надеяться на изменение терминологии, наилучшим образом совпадающей с интересами тех, кому деньги дают власть. Сейчас они располагают функциональным анонимом»⁶⁴.

По представлению Гэлбрайта другое мошенничество заключается в макроэкономической интерпретации. «Ложная благоприятная репутация ФРС (американский центральный банк) имеет прочные основы: у банкиров есть власть и престиж, а также магическая сила, свойственная деньгам. Они выступают совместно и поддерживают ФРС и ее членов, иначе говоря, банки, которые ей принадлежат. В случае спада центральный банк снижает учетную ставку. Банки, являющиеся членами, предлагают сниженную ставку своим клиентам, стимулируя их просить о займах. Тогда производители произведут ценности и услуги, смогут приобрести заводы и станки, с помощью которых они заработают деньги, а спрос, финансируемый более дешевыми ссудами, увеличится. Инфляция, более высокая стоимость кредита, также предлагаемого ФРС, и налоги на банки-члены повысит учетную ставку. Это ограничит предпринимательские инвестиции и потребительские займы, уменьшит излишний оптимизм, сбалансирует цены, защитив их от инфляции»⁶⁵. Сложность заключается в том, пишет Гэлбрайт, «что этот процесс является очень чувствительным, и с этим нельзя не согласиться. Он обеспечивается хорошо установленной экономической верой, а не в реальной жизни».

«В действительности, говорит нам автор, учетные ставки являются деталью, когда продажи плохи. Компании не просят займов, не расширяют производство товаров, поскольку не знают, как их продать... Остается то, что является фактом: в хорошие времена, повышенные учетные ставки не уменьшают предпринимательских инвестиций. Они не очень важны, так как учитывается получение большей прибыли. И во время спада или депрессии фактором контроля является перспектива получения более низкой прибыли»⁶⁶. По мнению Гэлбрайта «единственным надежным лекарством от рецессии является мощный потребительский спрос»⁶⁷. А наилучшим способом обеспечения этого спроса является не уменьшение налогов на богатых, которые сберегают и спекулируют, а увеличение доходов самых бедных, которые потребляют.

---

⁶⁴ J. K. Galbraith – *Free Market Fraud* – The Progressive, Jan. 1999, 63 (1); in Marjorie Kelly, *The Divine Rights of Capital*, Berrett-Koehler, New York, 2001, p. 76 – В оригинале: “The approved reference now is to the market system... Instead of capital owners in control, we have the admirably impersonal role of market forces. It would be hard to think of a change in terminology more in the interest of those to whom money accords power. They have now a functional anonymity”.

⁶⁵ Galbraith, op. cit. стр. 44

⁶⁶ Idem, стр. 45 и 47

⁶⁷ id.em, p. 61 – “The one wholly reliable remedy for recession is a solid flow of consumer demand”... “The needful are denied the money they will surely spend. The affluent are accorded the income they will almost certainly save”.

Таким образом, мы живем в царстве научной фантастики: «Экономическая наука и самые широкие экономические и политические системы культивируют собственные версии истины. Эта, последняя, не обязательно связана с реальностью»⁶⁸.

Что остается от теории потребления, центральной в традиционном понимании экономической науки, если финансирование ориентируется спекулятивными критериями, а не экономическим развитием, если компаниям не надо состязаться по ценам, которые все в большей степени определяются олигополиями, если потребитель не имеет информации или излишне бомбардируется рекламными сообщениями, чтобы сделать выбор в сторону рационального потребления и если регулирующая возможность государства становится несущественной перед процессом глобализации? Немного, конечно, и этот факт отражается на абсурдной деформации приоритетов экономического развития⁶⁹.

В Докладе о Человеческом Развитии 1998 г. исследуется проблема потребления с точки зрения человеческих потребностей, что представляет собой дерзкую инновацию. Концепция в основном призывает к реальности: «Мир располагает ресурсами более, чем достаточными для ускорения человеческого развития для всех и искоренения худших форм бедности на планете. Стремление к человеческому развитию не является непомерной задачей. Например, оценивается, что дополнительная совокупность ежегодных инвестиций, необходимых для достижения всемирного доступа к базовым общественным услугам может составить примерно 40 млрд. долларов, 0,1% мирового дохода, чуть более статистической погрешности. Это покрывает потребности начального образования, здравоохранения, питания, репродуктивного здоровья, семейного планирования и доступа к воде и канализации для всех»⁷⁰.

Под названием «Приоритеты мира?» и в качестве иллюстративного материала, в Докладе сравниваются потребности, не покрытые из-за нехватки ресурсов, имеющих сомнительный приоритет. Например, ежегодные дополнительные инвестиции для обеспечения начального образования для всех должны составить 6 млрд. долларов, которые не находятся, в то время как 8 млрд. долларов тратятся в США на косметику. Для обеспечения всех чистой водой и канализацией необходимы 9 млрд. долларов, а в Европе 11 млрд. тратится на мороженое. Всеобщее репродуктивное здоровье требует дополнительно 12 млрд. долларов, ровно столько, сколько в Европе и в США тратится на духи. Здравоохранение и базовое питание нуждаются в дополнительных 13 млрд. долларов в год, а по оценкам в Европе и США на корм животным тратится 17 млрд. Кроме того, 35 млрд. долларов тратится в Японии на развлечения топ-менеджеров. 50 млрд. тратится в Европе на сигареты, 105 млрд. тратится в Европе на алкогольные

⁶⁸ Idem, p. x - "Economics and larger economic and political systems cultivate their own version of truth. This last has no necessary relation to reality".

⁶⁹ Замечательное исследование культурного воздействия консумизма можно найти в «*O Estado do Mundo 2010*», проведенного World Watch Institute, доступный на сайте Akatu, по ссылке <http://bit.ly/9JnEDk>

⁷⁰ UNDP – *Human Development Report 1998*, New York, 1998, стр. 37

напитки, 400 млрд. тратится в мире на наркотики, а 780 млрд. долларов уходит в мире на военные расходы⁷¹.

Так происходит одновременная деградация регулирующей способности и планирования государства, что приводит к искажению спроса. Когда окончательная заинтересованность потребителя уже не является определяющей, деформируются производственные процессы. Мир, который мы унаследовали из-за этих процессов, становится все более сюрреалистическим. Происходит то, что к новым реалиям мы применяем старые системы регулирования. Это объясняется рыночными механизмами, теоретически объективными и демократическими, динамичными, принадлежащими к механизмам, утвержденным властью, порождающим в свою очередь сюрреалистическую культуру экономического поведения, имеющего мало общего с тем, что мы хотим от своей жизни.

С другой стороны наши расходы на приобретение товаров все уменьшаются, но все увеличиваются на оплату права доступа, как при медицинском страховании, в телефонии, в кабельном телевидении, в кондоминиуме и других системах потребления, где наш выбор сильно ограничен⁷². Урбанизация привела к расширению коллективного потребления, которое также предлагает не большой выбор. Мы являемся клиентами банка поскольку наше предприятие заключило договор о «предоставлении» ему определенного количества счетов сотрудников, а не потому, что мы его избрали, так что монополизация затрагивает мало различающиеся возможности. Знание представляет из себя товар в кавычках, поскольку он становится источником дохода, если предприятие сможет ограничить доступ и обеспечить сбор платы за его применение. Это новые реалии. Что же такое капитализм, когда главный регулирующий элемент, которым является конечный спрос, перестал выполнять свою роль?

По мере того, как рынки в первоначальном смысле являющиеся демократическим регулятором деятельности бесчисленных субъектов экономики, перестают работать, система эволюционирует в различные подсистемы, отвечающие различным интересам, видоизменяясь в зависимости от секторов, районов и унаследованной экономической культуры. Для понимания этих подсистем требуется проведение инновационных эмпирических исследований. Рынок, занятый крупными группами становится все менее демократичным и, в действительности, все менее рынком.

---

⁷¹ id. *ibid.*, стр. 37, таблица 1.12. Тот факт, что эти цифры требуют актуализации, нас не очень беспокоит, поскольку мы работаем на основе широкого взгляда. Когда цифры значительно ухудшаются, что произошло с военными расходами, превысившими 1,5 трлн. долларов в 2009 г., при том, что холодная война завершилась. Искажение приоритетов напрямую связана с правительствами: легко произвести и продать косметику, деньги возвращаются предприятию, которое расширяет производство. «Производить образование» гораздо труднее, Это требует совокупности мер социальной политики, налогов, систем оценки и т.д. Мы останавливаемся на том, что проще, но не на том, что важнее.

⁷² См., в частности прекрасную работу Джереми Рифкина (Jeremy Rifkin) «*A Era do Acesso*», в которой приводятся детали нынешних изменений.

В эпоху корпораций, когда экономика перестает быть управляемой законами рыночной конкуренции, она также не управляется законами политики. Планирование продолжает рассматриваться, как «вмешательство» в частную систему. Образуется неуправляемое пространство. В том числе, при наличии планирования, общество может обсуждать свой выбор, вместо того, чтобы оказываться перед существующими фактами, являющимися базовым условием развития наиболее демократических экономических процессов.

8 – Торговая осада

В отсутствие адекватных систем регулирования и, в частности, при эрозии способности рыночного регулирования, начинает действовать закон, по которому побеждает тот, кто просто имеет большие размеры, большие возможности закупки рекламного времени, более глубокий карман, чтобы выиграть войну. Нас всегда учат, что конкуренция явление благое. Существует безмолвное условие, стоящее за аргументами, по которому предприятия конкурируют, чтобы лучше нас обслужить на основе равенства. Думать, что некоторые предприятия конкурируют, чтобы лучше обслужить нас, правильно ли это?

Простая война между предприятиями не обязательно разгорается во имя нашего блага. Мы все чаще задаем вопрос, какова роль, которую мы выполняем в этом процессе? Когда, набирая телефон в течение получаса, мы стремимся соединиться с человеком, который выслушает нас и решит наш вопрос, телефон неожиданно оказывается занятым, а мы выслушиваем торжественную фразу, которую слышали столько раз: «Ваш звонок очень важен для нас». А сколь часто люди оказываются жертвами злоупотребления, когда посредническая компания, наконец, выслушает нас, но одно объявление предшествует личному разговору: «В целях вашей безопасности данный разговор записывается». Конечно, это происходит для нашей безопасности.

Каждый день мы связываемся с компаниями или людьми, с кем нас связывают не личные, а экономические интересы. Я говорю о небольших ежедневных переговорах. Но постепенно мы начинаем ощущать себя партизанами, вооруженными рогаткой, наступающими на артиллерию предпринимательских гигантов, имеющих сотни посредничающих ассистентов и могучие адвокатские конторы.

Новые технологии позволяют вести дела на расстоянии: коммуникация моментально приносит и решает наши вопросы, тогда как раньше нам требовалось самим ездить с бумагами и информацией. Это исключительно позитивная новая культура, и она быстро проникает в бюрократические процедуры. Тем не менее, в случае монополизированных систем, как банки, телефонные компании или иные овладевают процессом, сам потребитель начинает нуждаться в посредничестве. В одной забавной статье, очень консервативный журнал «*The Economist*» сообщает: «Многие жалуются на компании, выступающие посредниками в работе в странах с невысокой зарплатой, но сколько людей замечают, что компании начинают посредничать для собственных потребителей?.. Есть ли такие, кто никогда не

попадал в бесконечные сети номерных меню? – это может разозлить и отпугнуть клиентов. В своем желании снизить расходы многие предприятия намеренно затрудняют доступ к оператору-человеку»⁷³. Связь разъединяется, когда вы *почти* добрались до того, кто может решить ваш вопрос.

Есть ли у нас выбор? Статья в журнале «The Economist» утверждает, что по мере того, как все банки внедряют эту систему, потребитель не сможет «проголосовать ногами», переходя в другой банк. Различные учреждения постоянно штрафуются за персонифицированный контакт, даже по телефону. Нет новостей о том, что банки снижают свои тарифы. Мы платим за услуги, которые мы сами и осуществляем. По мнению журнала «вы, возможно, этого и не замечаете, но теперь вы также работаете на свой банк или телефонную компанию». В приведенном примере «самообслуживание он-лайн может уменьшить стоимость транзакции до минимума в 10 центов, по сравнению с 7 долларами, если провести ее через колл-центр»⁷⁴.

Бешенство от незатребованной рекламы в наших компьютерах также отражает чувство растущего бессилия, которое мы испытываем. Рекламные компании считают, что так выходит дешевле. Улицы наших городов последовательно покрываются наружной рекламой, добывая нас незаказанными образами. Существует ли какой-либо этический предел? Другая статья в журнале «The Economist» рассказывает о войне компаний Coca-Cola, Pepsi и других против воды и молока в школах, взамен установки автоматов по продаже прохладительных напитков. Школы получают пособия, программное обеспечение, спортивное снаряжение и многое другое⁷⁵.

Интересно оценить другое измерение на этом централизованном экономическом перекрестке корпорации, работающей на основе капиллярности новых технологий. Когда компьютер одной компании может отправить практически бесплатно 10 млн. сообщений, приходящих в наш дом или в офис, экономические отношения изменяются. В том числе, тот же механизм позволяет, например, прибавить небольшой сбор, к выплачиваемому нами, так, чтобы мы не заметили. Американский журнал «*Business Week*» при подготовке специального доклада

⁷³ The Economist, 18 сентября, 2004 г., стр. 16

⁷⁴ The Economist. Стр. 16 о технологии в том же номере: *Technology Quarterly*.

⁷⁵ The Economist, 13 декабря, 2003 г., стр. 15 “*Survey of Food*”. Интересно отметить, что растущее негодование начинает приносить свои плоды. Компания Coca-Cola перестала продавать прохладительные напитки в начальных школах Бельгии. Местный управляющий по коммуникациям Coca-Cola Том Делфорж (Tom Delforge) пояснил, что «за два года компания приняла новый кодекс поведения, в котором установлено, что школа не является коммерческим учреждением». Это действует только во франкоговорящей части Бельгии и только в начальных школах. Газета «*Folha de São Paulo*», 5 января, 2005 г. В США American Beverage Association в мае 2006 г. приняла решение о последовательном изъятии из школ компаний Coca-cola, Pepsi и Schweppes, согласно информации журнала «New Scientist» от 13 мая 2006 г. Для более детального ознакомления см. статью Элио Силвы (Helio Silva) и Ладислау Довбора «*Resgatando a Importância da Informação Publicitária*», Meio& Mensagem, 9 мая, 2005 г., стр. 49 www.meioemensagem.com.br

пришел к выводу, что США, которые были *Land of the Free*, быстро становятся *Land of the Fee*, землей неправедных поборов (“*hidden charges*”)⁷⁶.

В статье, например, показано, как компания AT&T, добавив незначительный «сбор регулирующей оценки» в 99 центов в месяц на счета своих клиентов за звонки на большие расстояния, получила 475 млн. долларов. Скрытые сборы с потребителей, оплачивающих свои счета *он-лайн*, приносят банкам прибыли, оцениваемые в 2 млрд. долларов. Согласно статье, «компания не могут повысить цены без потери бизнеса, поэтому они указывают повышенные сборы в тексте, напечатанном петитом (*fine print*)». По мнению Стефена Бробека (Stephen Brobeck), директора Consumer Federation of America, «гораздо проще повышать цены через скрытые и дополнительные сборы, чем увеличивать цены продаж». Один судья из Верховного Суда Калифорнии обязал MasterCard и Visa возвратить 800 млн. долларов за сбор скрытых взносов за покупки на иностранную валюту. В статье утверждается, что «сбор взносов приобрел бесконтрольный характер. Одним из заядлых нарушителей является телекоммуникационная промышленность, рекламирующая дешевые планы звонков на дальние расстояния и снимающая со счетов клиентов сборы, составляющие в среднем до 20%».

Этика, «так все делают» преобладает. Официальный представитель AT&T пояснил, что «если опубликовать самые высокие тарифы, основанные на ваших издержках, или, если ваши конкуренты опубликуют самые низкие тарифы, но в конце страницы прибавят дополнительные сборы, как вы поступите?» В отчете журнала «*Business Week*» также говорится о том, что «никому не удастся противостоять промышленности кредитных карт в ее способности вчинять дополнительные тарифы». Список мошенничества длинный. Он включает бесчисленное количество крупных корпораций. Это маленькое законное воровство включают, например, моменты произвольного расслабления, как в при просмотре блокбастера. Авиакомпании осознали, что могут придумывать штрафы, если пассажир изменяет время вылета, привлекая пассажиров обещаниями призовых миль, для чего не всегда находится место. Почти всегда речь идет о небольших накрутках на большие траты. Потребитель вздыхает, но платит⁷⁷. Ощущения ярости и негодования (*outrage*) привело в США к образованию многочисленных организаций гражданского общества. Но борьба сложна, поскольку у обычного гражданина нет времени или ресурсов, чтобы выступить против посреднических компаний большой корпорации, имеющих постоянные адвокатские службы для собственной защиты (или угроз), против компаний, осуществляющих расчеты рисков и услуг, и компаний по связям с общественностью, смягчающим поведение потребителя. Когда ситуация становится критической, привлекаются миллионные компании по «имиджу», чтобы отводить в сторону давление. Эта деятельность уже

⁷⁶ Business Week, 29 сентября, 2003 г., Cover Story – “*Fees! Fees! Fees! Unable to raise prices, companies are hitting consumers with hundreds of hidden charges. That’s creating stealth inflation and fueling a popular backlash.*”

⁷⁷ Масштаб возможностей, предлагаемых новыми технологиями, в данном случае становится важнейшим. Корпорация, имеющая десятки миллионов клиентов, может устанавливать очень дешевые дополнительные сборы, прибегнув к поправке в системе, и клиенты обычно не обращают внимания, либо не могут терять времени при каждом изменении при большом числе счетов.

стала прибыльным сектором предпринимательства. Институты, стремящиеся защитить потребителя с трудом противостоят этому наступлению⁷⁸.

Общим результатом является тот, что когда мы соединяем различные экономические преобразования, формирующие мир корпоративных гигантов, монополизацию, позволяющую манипулировать ценами, всеобщность агрессивной рекламы, которая за наш счет предлагает нам профиль потребления, простота вхождения корпорации в наш дом через компьютер, снятия небольших сборов со всего, что мы делаем, а также информированность через внедренные «куукиз», все это порождает новую вселенную, где традиционные подходы становятся малоубедительными. Скучна информация об этих процессах, поскольку речь идет о корпорациях, которых мировые СМИ считают своими клиентами, покупателями рекламного пространства. Это новая *система*, требующая с нашей стороны пересмотра различных традиционных категорий, а, кроме того, проведения эмпирического продвижения к реальности.

Селсо Фуртадо считает потребление центральным фактором в цепи случайностей, которые моделируют систему, управляющую нами, и показывают, что в нашем случае, в менее развитых экономиках, применяющих привычки богатых, деформация становится более сильной: «Применение правящими классами моделей потребления стран с гораздо бóльшим уровнем накопления, чем наш, объясняет повышенную концентрацию доходов, образование социальной гетерогенности и способов внедрения в мировую торговлю. Независимая переменная является, в последней инстанции, потоком инноваций в моделях потребления, применяемых в странах с высоким уровнем доходов. Такая культурная адаптация является противоположной известной нам концентрации доходов. Для освобождения от действия этого безнравственного культурного императива необходимо изменить модель потребления в рамках единой социальной политики и одновременно значительно увеличить сбережения, сокращая потребление групп с высокими доходами»⁷⁹.

Логический круг замкнулся. Если крупные корпорации могут моделировать спрос, удовлетворение потребителя изменяет смысл. В действительности именно мы удовлетворяем компании. «Усовершенствованный план здравоохранения» предлагает обслуживание в роскошном доме, с дорогими креслами и надушенными секретарями. При этом медицинское обслуживание не выдерживает критики не по вине медиков, но потому что он регулируется финансовой логикой *just-in-time*, применяемой в здравоохранении. Маркетинговые исследования показывают, что клиент с проблемами здоровья чувствует себя незащищено, небезопасно: давайте дадим ему впечатление пребывания в отеле с несколькими звездами. Что касается лечения, которое гораздо дороже девушек, то не оно приводит клиентов. Служба здравоохранения таким образом становится промышленностью болезней из-за простой рационализации прибыли.

⁷⁸ В статье в журнале «Business Week» приводятся в качестве примеров www.saveonphone.com, www.ripoffreport.com, www.complaints.com и другие. В Бразилии, IDEC предоставляет важные услуги www.idec.org.br

⁷⁹ Celso Furtado – O capitalismo global – Ed. Paz e Terra, Rio de Janeiro 1998, стр. 60

Существует новое поколение исследований потребления. Мы, очевидно, не говорим о новой теме. Всегда стоит перечитывать слегка саркастическое замечание Торстейна Веблена (Thorstein Veblen), который писал об очевидном потреблении в 1899 г.: «Поскольку потребление этих роскошных вещей является доказательством богатства, оно становится почетным. Таким же образом, отсутствие их потребления в должном количестве и качестве является знаком низкого положения и отсутствия достоинства»⁸⁰. Также имеются работы Райта Миллса (Wright Mills), Вэнса Пакарда (Vance Packard), Франкфуртской школы и др. Но мы работаем, как Роберт Каттнер (Robert Kuttner) или Жюльет Шор (Juliet Schor), которые раскрывают сравнительно новое представление этого коммерческого нашествия. Энрике Раттнер (Henrique Rattner) в своей недавней книге «*O Resgate da Utopia*» пишет просто: «мир не является товаром». Эта фраза хорошо передает рассеянное чувство, которое ощущается всеми нами о нарушении границ⁸¹.

Представление книги Каттнера можно резюмировать в следующем: «поток используемых аргументов и сложных математических моделей, не учитывающих условия реальной жизни, ценности и цели, не могут быть быстро превращены в сырьевые товары. Выходит, что эти ценности и цели являются тем, что американцы считают неотъемлемой частью национальной идентичности: справедливостью, свободой, верой, досугом, семьей, милосердием, любовью». Сосредоточив наши усилия на «сырьевых товарах», по мнению людей, как потребителей, а не как граждан, система углубляет эффективность производства ненужных вещей. Поскольку процесс управляется не потребностями людей, а покупательной способностью, углубляется неравенство. Неравенство порождает, помимо снижения качества жизни для всех, низкую системную производительность. Таким образом, микроэкономическая эффективность порождает неэффективность макроэкономическую: «Отрицательные социальные последствия неравенства намного превосходят выигрыш в размещаемой эффективности»⁸².

Жюльет Шор является хорошо организованным исследователем. Она написала книгу «*The Overworked American*», получившую большой международный резонанс, в которой проанализировала, как американцы относятся к труду. Тот факт, что американцы действительно стали жить ради труда, с гордостью сокращая, например, время отпуска, праздников и досуга, намного отставшие от того, что известно о других странах. Является ли это преимуществом? Для чего мы живем?

⁸⁰ Thorstein Veblen – *The Theory of the Leisure Class* - Dover Publications, New York, 1994, стр. 46

⁸¹ Henrique Rattner – *O resgate da utopia: cultura, política e sociedade* – Palas Athenas, São Paulo, 2005, стр. 196 – Журнал «*The Economist*» представляет баланс экономики на доверии и экспансию того, что американцы называют «*passion dollars*». Примирение между религиозной Америкой и компанией Disney является последним примером важной тенденции: примирения между религиозной Америкой и Америкой корпоративной. Многие крупные американские СМИ пришли на религиозный рынок. «Можете ли Вы приобрести книги о диете, в которых говорится о том, что ел Иисус?». Комментируя, что «крупные корпорации только недавно открыли Бога», в статье анализируется мощь Руперта Мердока (Rupert Murdoch), Random House, Time-Warner, Sony и других. «*Profit motive*» обратился в «*prophet motive*». Это пригодно во всех случаях. Журнал «*The Economist*», 3 декабря, 2005 г., стр. 61.

⁸² Robert Kuttner – *Everything for Sale: the virtues and limits of markets* – Alfred A. Knopf, New York, 1998, стр. 86 – В Бразилии «*Tudo à Venda*» – Cia. Das Letras, São Paulo, 1998

Констатируя, что американец буквально становится рабом своего труда, естественно, на ум приходит фильм «*American Beauty*», Шор провела другое широкое исследование, чтобы определить, действительно ли американец зарабатывает деньги, компенсирующие его усилия. Эта вторая книга «*The Overspent American*» анализирует как навязчивое потребление, так и страдания американских семей, имеющих постоянную задолженность из-за своих покупок, затрачивая 18% своих доходов на обслуживание своей задолженности⁸³. Процесс был, естественно, очень сфокусирован на *lifestyle marketing*, на создании *clusters* потребительского поведения.

Нас интересует механизм. Стоит привести более пространную цитату, которая его объяснит. «Интенсификация конкурентных затрат затронула гораздо больше, чем семейные финансы. Существует эффект *бумеранга* между государственными ресурсами и коллективным потреблением. В соответствии с давлением частные расходы увеличились, поддержка государственных ценностей и оплата налогов испытали эрозию. Образование, общественные услуги, безопасность, отдых и культура подвергаются сдерживанию. Уменьшение государственных средств приводит к еще большему давлению в пользу частных расходов. Люди реагируют на несоответствующие государственные услуги, записывая своих детей в частные школы, приобретая системы безопасности и тратя больше времени в *Discovery Zone*, чем на местных площадках проведения досуга. Личное финансовое давление также уменьшило добрую волю американцев по поддержке программ перевода средств в адрес бедных или обедневших. При драматическом уменьшении ресурсов, отмечается значительный рост бедности, ухудшения положения в бедных районах, тревожный уровень преступности и использования наркотиков. Люди с деньгами стремятся «купить» свое пространство в связи с этой проблемой. Но это не является решением для таких социальных бедствий».

«Проблемой национального дискурса является концентрация на торговом обмене, а не на качестве жизни или общественном здравоохранении. Валовой внутренний продукт – это Бог, которому мы молимся. Но ВВП является все более негодным измерителем благосостояния: он не учитывает загрязнение окружающей среды, время, проводимое родителями с детьми, крепость социальной ткани нации или возможность подвергнуться нападению при прогулке по улице. ‘Индикатор чистого прогресса’, мера качества жизни, еще считающаяся сырой, но понятной регулярно и в отрицательную сторону, с 1973 года отличается от ВВП. ‘Показатель общественного здоровья’, другой альтернативный показатель, также испытал резкое снижение с 1976 г., заняв рекордно низкий уровень в течение 90-х годов XX века. Когда мы учитываем не только наши доходы, но и тенденции свободного времени, общественную безопасность и злоупотребления детьми, мы видим, что за 20 лет положение ухудшилось, при том, что потребление возросло»⁸⁴.

---

⁸³ Juliet B. Schor - *The Overspent American: why we want what we don't need* – Harper Perennial, New York 1998, p. 19: “Debt service as a percentage of disposable income now stands at 18%, even higher than during the early 1990s recession”. Эта излишняя американская задолженность во многом способствовала финансовому кризису 2008 г.

⁸⁴ Id., *ibid.*, стр. 21

Весьма очевидно, что если погибать на работе, стремясь приобрести ненужные вещи, а затем работать, чтобы ликвидировать задолженность, порождаемую этими покупками, является совершенно понятным корпоративным мышлением полным абсолютного идиотизма, достойного сожаления, с точки зрения гражданина, *результатов*, предусмотренных экономикой, о чем мы говорили в начале данной работы.

Третье исследование Жюльет Шор достойно упоминания. Она решила изучить, какое влияние оказывает процесс на детей и представила результаты в исключительно сильной книге «*Born to Buy*»⁸⁵. Систематический анализ мира рекламы, сфокусированный на детях, показывает, что в грубой форме, происхождение рекламы относится к ограниченному числу корпораций, работающих в рамках относительно ограниченного числа продуктов, производимых этими корпорациями. В СМИ говорят о Disney, Viacom, Murdoch и AOL Time Warner. Продукция производится Mattel и Hasbro в игрушек (*American Girl* и *m.d.*), Nintendo, Sony и Microsoft в области электронных игр, Coca-Cola и Pepsi в области прохладительных напитков, McDonald и Burger King в области *fast-food* и так далее. «В мире товаров для детей на рынках доминирует несколько могущественных компаний. Это важно по нескольким причинам. Одной из них является та, что монополия обеспечивает единообразие. Экономическая теория предусматривает, что, когда встречаются два оппонента, стратегия победы заставляет их быть почти одинаковыми... Для потребителей это означает, что истинное разнообразие продуктов становится трудно найти. Если вас интересует жирная пицца, сладкие напитки, игрушки из пластика и боевые компьютерные программы для всех детей, то проблемы не существует. Не хватает других вещей»⁸⁶.

Для ребенка, который почти 38 часов в неделю подвергается воздействию СМИ, это серьезный удар. Помимо косвенного воздействия рекламы, направленной на мир взрослых, развивается впечатляющая промышленность рекламы, ориентированной на детей до трехлетнего возраста, более старших детей, называемых «*tweens*», поскольку они располагаются между молодыми подростками и собственно подростками. Содержание сфокусировано на относительно небольшом числе продуктов, прежде всего Таких, как «*fast foods*», прохладительные напитки, игрушки и одежда.

Передаваемая философия заключается в том, что ребенку должен чувствовать себя «во вне» без определенного продукта. По словам Нанси Шалек (Nancy Shalek), президента Агентства Шалек, «реклама достигает идеала, когда заставляет людей чувствовать», что без определенного продукта, они являются «лузерами». Дети очень чувствительны к этому. Если вы говорите им, что вам надо кое-что купить, они сопротивляются. Но если вы говорите им, что, если они этого не сделают, они будут «дурачками» (*dork*, в английском оригинале является гораздо более сильным

⁸⁵ Juliet B. Schor – *Born to Buy: the Commercialized Child and the New Consumer Culture* – Scribner, New York, 2004

⁸⁶ Id., *ibid*, стр. 28

словом, чем “дурачок”), они обращают внимание. Вы открываете их эмоциональную уязвимость, а это несложно сделать с детьми, потому что эмоционально они гораздо более уязвимы»⁸⁷. Без сомнения, Нэнси Шалек заслуживает весьма популярной «Prêmio IgNobel».

Жюльет Шор сектор за сектором анализирует этот мир очень документированным образом. Есть промышленность так называемой «Большой Еды – Big Food», крупные компании питания, характеризующиеся «*high-fat, high-sodium, high-sugar*», порождающие эпидемию тучных детей, которым они предлагают, в свою очередь, эстетическую хирургию, чтобы можно было есть больше. Эта схватка включает борьбу против молока и воды, которые должны заменяться прохладительными напитками с большими дозами сахара. Есть батальоны психологов, проводящих исследования на детях, чтобы определить, как достичь перехода к соучастию корпораций и детей. Наилучшим способом является вбивание клина между родителями (они старый, занудные, наполненные натуральными соками, молоком, овощами, фруктами и другими идиотизмами прошлого) и классными (“cool”) детьми, которые являются самыми одаренными, которые «не едят чего попало» (только продукты с химическим вкусом, хорошо перемешанными с сахаром).

Очевидно, происходит наступление для внедрения рекламы (и продуктов) в школах, используя, в том числе, время уроков. Многочисленные воздействия оказывают влияние на представления детей о том, что если это правильные вещи, разрешенные родителями и распространяемые в школах, то они законны. Проникновение в школы осуществляется самым простым способом, поскольку школы постоянно нуждаются в средствах, в компьютерах, а компании обменивают помощь на право войти в школу, в классную комнату и даже в содержание школьных учебников.

Автор сформулировала великолепные аргументы, в которых проявляется ее сущность, как экономиста. Во-первых, это утверждения, что телевидение является бесплатным: «Население оплачивает рекламу и программы, выплачивая большие средства за представленные продукты. Тот факт, что вы являетесь потребителем, вы платите за телевидение, смотрите вы его или нет». Идея, что реклама обеспечивает конкуренцию, а значит, приводит к лучшим продуктам, является еще одним обманом: «При современной монополизированной промышленности, высокая стоимость рекламных кампаний дает возможность гигантам оставаться у руля и не допустить новые предприятия. Если действительно мы бы хотели максимизировать инновации и улучшить продукты, то мы организовали бы систему так, чтобы реклама была менее дорогостоящей и значительно более информативной».

Другим аргументом является тот, что реклама увеличивает спрос, а за счет этого производство и число рабочих мест. «Но большинство экономистов отвергают эту логику. Они рассматривают рекламу, как определяющую выбор марки, а не

---

⁸⁷ Id., *ibid.*, стр. 65. Важно помнить, что на наших курсах маркетинга мы *учим* молодых людей пользоваться этой техникой.

увеличивающую общий объем покупок». Существует также аргумент, что рекламные компании увеличивают количество рабочих мест. Этот аргумент был выдвинут президентом крупнейшей рекламной компании, обиженным тем, что всю жизнь ему пришлось продвигать плохие продукты питания и отказаться от местной культуры и традиций. По мнению Жюльет Шор, «когда затрагиваются дети, то этот инструмент является гораздо более спорным. Действительно, есть немного оправданий в организации рекламы для детей, чтобы обеспечить прибыль агентств»⁸⁸.

Столь же сильным является аргумент, что «так делают все», и если я не сделаю... Шор взяла интервью у одной рекламистки, которая открыто заявляет, что продвигает продукты, которые ни за что не дала бы собственным детям. Ключ проблемы в том, что «в агентствах люди боятся конфликтовать с клиентами. В компаниях также существует похожее отсутствие ответственности (*accountability*). В целом, давление предназначено для того, чтобы заставить деньги преодолеть необходимость производить хорошие вещи для детей». По мнению Шор, компании находятся в плену системы: «По мере того, как падает уровень, каждая отдельная компания связана с динамикой. Если это делают конкуренты, сильно давление, чтобы делать также»⁸⁹.

Автор особенно довольна, когда описывает альтернативы: обеспечить, чтобы часть рекламных фондов предназначалась на культурные программы по информированию о самой рекламе и других продуктах; обеспечить создание местного радио и телевидения с программами, создаваемыми детьми и подростками (существует много хороших примеров); защитить право детей играть вне дома, вместо того, чтобы быть прикованными к телевизору (Швеция наполовину снизила уличные происшествия с детьми самыми простыми способами); обеспечить культурное развитие за счет участия самих детей и т.д.

В США уже поднялась волна протестов, растущая год от года, касающаяся форм организации родителей. Например, особенно полезной стала инициатива, запрещающая в штате Калифорния учебники, передаваемые компаниями. Интересно, что появилась область экономической науки, которую уже не могут игнорировать воспитатели и которая должна преподаваться, в том числе, и самим детям⁹⁰.

⁸⁸ Ряд цитат выше см. на стр. 181 и 182 указанной книги.

⁸⁹ Id., Ibid., стр. 188 и 193

⁹⁰ Книга также интересна своей великолепной библиографией, ссылками на сайты в Интернете, где могут быть получены документы о самых разнообразных аспектах проблемы (на стр. 215 и сл.). Перевод на португальский язык опубликован издательством Gente в 2009 г. под названием «Nascidos para Comprar». См. на <http://www.alana.org.br>. Alana, институт, который борется за регламентирование детской рекламы выпустил замечательный фильм «Criança: a alma do negócio», созданный режиссером Эстеллой Реннер. См. также великолепное исследование о влиянии культуры потребления в «O Estado do Mundo 2010» World Watch Institute, «Transformando Culturas: do Consumismo à Sustentabilidade», доступный он-лайн на сайте Akatu или по ссылке <http://bit.ly/9JnEDk>

В действительности, по интенсивности деятельности, которую мы осуществляем, чтобы производить ненужные вещи, по объему выбрасываемых вещей, по ущербу, наносимому потреблением экологии, которое не останавливается, но ведет нас в тупик, по стоимостям, добавляемым к ожирению и к другим болезням, порождаемым нерациональным потреблением, по расходам на безопасность и общий дискомфорт, выражающийся в неравенстве и социальном расслоении, становится все более понятной несоответствие унаследованного теоретического инструментария, который говорит нам о потребительной стоимости и об обменной стоимости, не обращаясь к искусственно создаваемой стоимости, которая указывает на *свободу выбора*, не ссылаясь на глупый выбор, к которому нас подталкивают, который отражается в ВВП в виде коммерциализированной стоимости, не учитывающей практические результаты качества жизни общества, которое указывает на растущую кривую потребления, не проводя параллели со снижением капитализации невозобновляемых ресурсов.

Реальность такова, что мы работаем все больше, чтобы произвести вещи, имеющие все меньше смысла. Процесс подготовки «эффективных» профессионалов в данном случае не имеет никакого смысла. Экономическая демократия, в важнейшей сфере потребления состоит в том, чтобы уважать право каждого находить интересующую его информацию (логика спроса), вместо того, чтобы заполнять его личное время продуктами, которые стоит оттолкнуть. Что касается вмешательства в интеллект детей для порождения потребительского инстинкта, речь идет о просто гнусном корпоративном поведении.

9 – Экономическая инфраструктура и зарубежная экономика

Впечатляет, до чего незначительно присутствует в экономической науке вопрос инфраструктуры. Конечно, есть люди, занимающиеся поиском энергии, есть и другие, которые исследуют транспортные решения, есть и такие, кто занят проблемами коммуникаций или воды. Но в общем виде говорится об инженерах, ориентирующихся на специфическую проблематику. Является ли рынок бумаг наиболее важным для экономического развития, чем рациональные транспортные решения?

Одно дело – это функционирование экономического механизма, его повседневность, его наивысший или наименьший ритм, в зависимости от конъюнктуры. Другое дело – это структура самого механизма. В этом смысле, экономика будет функционировать лучше или хуже в зависимости от большей или меньшей адекватности инфраструктуры. Корабль, прибывающий в Роттердам разгружается за какие-то часы на терминалах, специализирующихся по типам грузов, которые напрямую направляются с корабля в вагоны поездов, имея электронные этикетки, позволяющие предпринимателю отслеживать ожидаемый груз.

В другой работе мы провели исследование о том, как функционируют крупные сети инфраструктуры, позволяющие, чтобы производственная деятельность

развивалась эффективно, чтобы люди могли улучшать качество своей жизни⁹¹. Здесь нас интересуют не возможные решения для транспорта или энергетики, но необходимая интенсификация исследований инфраструктур в экономической науке, а также экономическое исследование форм управления и взаимодействия.

Традиция требует, чтобы в экономике мы концентрировались на производственных процессах, на соответствующих денежных и торговых потоках, но менее на физической инфраструктуре, обеспечивающей целесообразность производства. Всемирный Банк использует привлекательный имидж, который представляют инфраструктуры: «если не мотор, то, значит, колеса экономической деятельности». Мы можем использовать образ тела: чтобы действовать, телу требуются органы, как печень, сердце, мозг, которыми являются предпринимательские единицы. Но системное качество тела обеспечивается нервной системой, передающей информацию, системой кровообращения, обеспечивающей внутреннюю циркуляцию, скелетом, обеспечивающим структуру и управление. В действительности, хорошие компании, но плохая инфраструктура снижает системную производительность⁹².

Крупные инфраструктуры требуют присутствия государства, поскольку речь идет об очень больших инвестициях и о долговременной окупаемости, не интересующих частного инвестора. Частный сектор, в общем виде, предпочитает, чтобы государство взяло на себя крупные затраты, чтобы более дешевые энергия, транспорт и вода производились за рубежом. В указанном докладе Всемирного Банка, где были исследованы 200 млрд. долларов инвестиций в инфраструктуру в развивающихся странах, отмечается присутствие лишь 14 млрд. долларов частных средств, или 7%⁹³.

Но существуют более веские основания для присутствия государства в этой сфере. В то время как промышленность, например, развивает свою деятельность в географически ограниченных производственных единицах, инфраструктура, в соответствии со своей природой, создает сеть, определяющую целое, которые, таким образом, должны подчиняться системному представлению о развитии территории и долговременному планированию. Оба требуют качества планирования, деятельности, которая практически исчезла из поля зрения экономистов, похороненная под глупостями чикагской школы и деятельностью экономистов эпохи диктатуры. Исследование инфраструктуры, системное планирование потребностей, помимо отдельных, фрагментированных интересов подрядных компаний лишь недавно вновь привлекло внимание правительства.

Практическим результатом для страны стало то, что была резко ограничена способность к действию главного игрока в этой сфере – государства, без которого

⁹¹ Ladislau Dowbor – *A Reprodução Social: propostas para uma gestão descentralizada* – Editora Vozes, Petrópolis 2003, 3-е издание пересмотренное. См., в частности, т. II.

⁹² The World Bank – *World Development report 1994: Infrastructure for Development* - Washington, Oxford University Press, 1994 – “Recent studies in the United States suggests that the impact of infrastructure on economic growth represents startlingly high rates of return (up to 60 percent)”, стр. 15.

⁹³ Op. Cit., стр. 10

частный сектор вряд ли сможет осуществить значительное вмешательство. Осталась лакуна, при очевидно впечатляющем ущербе, который был мало изучен. Эта лакуна оказалась едва прикрытой заплатой PPP (Государственно-Частного Партнерства - *Parcerias Público Privadas*) и другими действиями.

При заинтересованности частного сектора он ищет точные ответы для уменьшения своих затрат, а не создания интегрированной сети, способной динамизировать развитие региона. Предприятия, производящие сою на Западе Бразилии, заинтересованы в строительстве железной дороги, которая объединит поля с портом Паранагуа (*Paranaguá*) или Сантос (*Santos*). Японцы заинтересованы в строительстве железной дороги, которая соединит Каражас (*Carajás*) с ближайшим портом в Сан-Луисе и т.д. Именно это произошло в Африке, где железные дороги являются каналами перевозки больших групп (полезные ископаемые или монокультуры), всегда соединяющие порт с определенным районом внутри, вместо того, чтобы связать между собой различные районы. Логика такой инфраструктуры означает вывоз богатств во вне, без стремления объединить экономическое пространство самого региона и всего целого. Обратное можно отметить в Европе, где сеть, в виде паутины объединяет все важнейшие центры и разделяется на второстепенные ответвления для каждого производящего региона, создавая систему, которая функционирует, как на важнейших направлениях, так и в капиллярности местного производства. Сети высокоскоростных поездов (*TGV*), в свою очередь, позволяют осуществлять быстрые и комфортабельные перевозки между столицами, уменьшая зависимость от автомобилей, а более того, от самолетов, являющихся несравненно более дорогими, обеспечивая экономию всему комплексу.

Здесь речь идет, с точки зрения экономического исследования, не об освоении новых территорий, но о защите уже имевшихся технических возможностей. Селсо Фуртадо исходит из двойного влияния в этой сфере: Серап, который стремился защитить макроэкономическое представление и создать условия для обеспечения активного развития, и, прежде всего, Франция, где исследования по упорядочению землепользования (*aménagement du territoire*) и соответствующей инфраструктуры всегда присутствовали в экономической науке. Это влияние обусловило мнение о региональной разбалансированности и необходимости создания условий для обеспечения достижения равновесия.

Земля незначительно присутствует в исследованиях экономического «мейн стрима», который стремится решать проблемы через создание планетарного пространства, в котором рынок решит проблемы через потоки оптимизации использования ресурсов. Важный вопрос местного развития, учет территории, рассматривается столь незначительно в экономических исследованиях, что мы

часто прибегаем к работам географа Милтона Сантоса (Milton Santos), чтобы понять пространственную динамику⁹⁴.

Результаты критические. Один столичный регион, как Сан-Пауло, не имеет ни одного учреждения, которое бы исследовала и вносила предложения о рационализации территории и создании инфраструктур. Emplasa, орган планирования, созданный для этих целей, осуществляет формальную деятельность, хотя должен был бы иметь решающее значение. В самом крупном и современном городе Южной Америки не существует ни одного центра, изучающего город. Оказались безуспешными попытки создания секретариата по городским вопросам. В результате более миллиона человек проживают в непригодной местности загрязняя реки и плотины региона, в то время, как эта вода выносится на 150 км, в бассейн реки Пирасикаба. Системы водоочистки находятся в плачевном состоянии, вызывая заболевания, чье лечение требует гораздо больше средств, чем профилактика. Ежедневно миллионы жителей Сан-Пауло садятся в свои частные автомобили, чтобы застрять в пробке на набережной, с грустью взирая на сбросы в реку Тиете (Tieté). Средняя скорость автомобиля в Сан-Пауло составляет около 14 км/ч. Это скорость телег начала прошлого века. Среднее потерянное время жителем города в транспорте достигает фантастической цифры в 2 часа и 40 минут. В это время он не работает и не отдыхает. Сеть общественного транспорта насчитывает смешные 74 км метро. Деятельностью доисторических префектов, совместно с крупными строительными компаниями, были созданы развязки и туннели, дополнительные полосы на набережной, многоэтажные накопительные стоянки, вместо того, чтобы решить проблему за счет развития общественного транспорта. В действительности целью является не повышение мобильности населения, но получение прибыли за выполненные работы⁹⁵.

На уровне страны в целом показатели лучше. Если посмотреть на карту, то мы увидим, что почти все экономические центры страны, за исключением Бело-Оризонте (Belo Horizonte), являются портовыми или полупортовыми городами. От Манауса до Беленя, через Форталезу, Ресифе, Салвадор, Рио-де-Жанейро, Сантос-Сан-Пауло, Паранагуа-Куритиба, Флорианополис, Порто-Алегре. Очевидным решением является политика, сфокусированная на модернизации портов и на развитии каботажного транспорта, связанная с развитием интегрированной железнодорожной сети, при перевозках разрозненных грузов только на короткие расстояния. Очень дорого обходится изнашивать асфальт, нефть и шины для перевозки товаров большого объема по шоссе. Это самый дорогой, почти сюрреалистический, способ. Перевозка мешка сои из Мато-Гроссо-до-Сул для погрузки в Сантосе, например, удорожает продукт настолько, что конкурентоспособности можно достичь только за счет низкой заработной платы.

⁹⁴ Milton Santos – «*O Espaço Dividido: Os dois circuitos da economia urbana dos países subdesenvolvidos*» – Francisco Alves Editora, Rio de Janeiro 1979; см. также великолепную работу «*Espaço, Ciência e Técnicas*»

⁹⁵ Недавно город Бостон разрушил свои путепроводы, эти памятники глупости и ущерба качеству жизни в городе. В городе Торонто, после разрушения путепроводов поставили их вертикально, украсив растениями в память об урбанистской глупости. Данные о потерянном времени жителем Сан-Пауло в пути находятся по адресу www.nossasao paulo.org.br. Исследование проведено в 2010 г.

При этом все становится дороже для всех. В городе надо потратить полдня, чтобы решить простой вопрос. Молодые люди погибают, как мухи, в происшествиях с мотоциклами, поскольку мало запрудить улицы, теперь необходимо заполнить пространство между рядами автомобилей. Только в городе Сан-Пауло существует более 150 тыс. мотоциклистов, перевозящих документы и небольшие посылки через весь стоящий город, создавая новое поколение парализованных людей. В среднем, в день умирает 1,5 молодых человека. Экономический выбор не является ни нейтральным, ни невинным.

СМИ и экономические журналы говорят только об инфляции, о котировках доллара, о различных финансовых продуктах, слияниях компаний, объеме экспорта. Структурные проблемы не анализируются, остается только анализ конъюнктуры. Нам требуется спасти традицию и реорганизовать возможности по планированию, создавая системное долгосрочное представление о нашем развитии. Пока то, что мы имеем, не является внешней экономикой, это внешняя *неэкономика*. Повышенные расходы, порождаемые национальной инфраструктурой, являются нерациональными. А на курсах экономики изучаются теории, никак не связанными с реальностью.

Инфраструктуры испытывают серьезное воздействие на пространственную разработку экономической деятельности. Разумные решения не требуют изобретения колеса, но нуждаются в серьезном применении результатов исследований компаративной экономики, чтобы ознакомиться с решениями, которые уже получили подтверждение в различных странах, и проведения такого же серьезного исследования потенциала взаимодействия в экономических сферах на различных национальных уровнях. Наши университеты не изучают регионы, где они расположены, хотя могли бы стать научными проводниками по мобилизации ресурсов каждого региона. БНДЭС является единственным учреждением, которое поддерживает традицию отраслевых исследований такого типа. Он мог бы стать мощным руководителем всем комплексом. План Ускорения Развития является прогрессивным спасением такого мнения. Экономическая наука располагает широким полем для деятельности, которое требуется восстановить.

На самом деле мы говорим о сохранении структурирующей роли государства, качества планирования, долгосрочного видения целого, которые исчезли из поля зрения экономической науки. Когда существует планирование и широкое видение целей, они могут быть подвергнуты анализу обществом, имеющим право голоса. Еще раз. И вновь без планирования появляются завершённые факты. Не существует демократического выбора. Есть только предпринимательство.

10 – Местное развитие

Правильно ли думать о городе, как о месте накопления? Мы, конечно, можем думать о компании, как единице накопления, а руководители компании имеют в своем распоряжении совокупность техники, чтобы обеспечить полное использование накопленных ресурсов, чтобы различные виды предпринимательской деятельности образовали соответствующий комплекс, чтобы

процессы и ритм работы различных департаментов были согласованными. Иными словами, компания провозглашает невидимую руку, но только во вне. Внутри компании царит рационализм, порой подавляющий, иногда лицемерный, иногда коррупционный, но часто просто эффективный, но в целом никто не отрицает необходимости рационального управления.

Может ли муниципалитет управляться рационально? Сама префектура является управляющей единицей и предоставляет отчеты. Но город, при его сельском окружении, может ли рассматриваться, как пространство для интегрированных и управляемых в совокупности процессов, предусматривающих повышенную системную производительность? До недавнего времени проблема не считалась важной, поскольку городское население имелось только в столицах, а основная часть населения являлась распыленным сельским населением. Результатом было то, что правительство находилось в столице, где богатые семьи сосредотачивали управление компаниями и политическое руководство. Сегодня 84% населения Бразилии проживает в городах, в 5.565 муниципалитетах, являющихся базовой единицей политической, экономической, общественной и культурной организации. Конституция 1988 г. предоставила муниципалитетам автономию. Возможно ли это, если подумать о рациональности целого – страны – не сохраняя внутренних связей между базовыми единицами, муниципалитетами?

Такое представление представляет собой перенос перспективы. В определенном смысле, мы перестали рассматривать муниципалитет, как отдаленное место, где проекты центрального правительства или инициативы крупной компании должны *прийти*, чтобы мы могли считать муниципалитет базовым блоком строительства целого. Может ли экономика функционировать хорошо, если бы ее предприятия создавались хаотично? Переносим эту же мысль на нацию, можем ли мы спросить о возможности национального рационализма без обеспечения рационализма единиц, которые его составляют.

В частности, при перенесении значительной части инициатив развития на местный уровень, происходит приближение решения о пространстве, в котором люди могут принимать эффективное участие, в том числе, в отношении вопроса о городской периферии, принявшими доминирующую форму проявления нашей социальной трагедии.

Джон Фридман (это хороший Фридман, другого зовут Милтон) со всей ясностью ставит вопрос о смещении фокуса, как целей, так и соответствующего механизма регулирования, по территориальным требованиям: «Мэйнстримовская модель экономического развития выражает требование мирового капитала о создании экономики ‘без границ’, в которой не будет места ни организованным интересам, ни власти, выступающей представителем центров принятия корпоративных решений, с одной стороны, но работников и потребителей, с другой. В капиталистической идеологии такой тип экономики называется ‘свободным’. В нем к минимуму ‘закон и порядок’ сводятся территориальные интересы, чтобы обеспечить уважение к контрактам и установление порядка на улицах. Такое представление также ведет к ожиданию, что территориальные государства смогут

наилучшим образом работать с социальными последствиями частных инвестиций и с продуктивными решениями, такими, как истощение ресурсов, безработица, обеднение, загрязнение окружающей среды, обезлесивание и другими проблемами 'общих областей'. Территориальность привлекает наше внимание к физической обстановке: основе ресурсов экономики, эстетической ценности традиционных пейзажей и к качеству жизни в созданной обстановке, где есть место всем нашим действиям, которые прямо или косвенно оказывают влияние на нашу жизнь»⁹⁶.

Фридман с силой ставит вопрос о понимании того, что помимо предпринимательского и правительственного регулирования, существует растущий процесс регулирования обществом, начиная с места проживания людей в линейке, которую он назвал "*participatory governance*". «Альтернативное развитие фокусируется на людях и на обстановке их жизни в большей степени, чем на производстве и прибыли. Таким же образом, как доминирующая парадигма касается вопроса перспективного экономического роста компании, что является основой неоклассической экономики, альтернативное развитие, основанное, как и должно, на жизненном пространстве гражданского общества, связано с вопросом улучшения условий жизни и проживания в перспективе развития жилища».

Эти цели приводят нас к концепции формирования местного регулирования с властями штата. «Несмотря на политику, проводимую в ограниченном пространстве, альтернативное развитие требует сильного государства для реализации его политики. Сильное государство, между тем, не выносит давления сверху, так здесь присутствует надменная и зачерствевшая бюрократия. Лучшим представляется подвижное государство, отвечающее и отчитывающееся перед своими гражданами. Это государство, которое опирается на инклюзивную демократию, способную управлять местной проблематикой, при воссоздании местных отделений управления и самого народа, организованного в сообщества»⁹⁷.

При этом прямое коммунитарное участие в вопросах рационального управления ресурсами, доступными в данной местности, становится комплементарным механизмом регулирования, добавленным к рынку, являющемуся основным механизмом регулирования предпринимательского сектора и административного гражданского права, управляющего действиями государственных органов. Поскольку качество жизни сообщества представляет в последней инстанции результат, требуемый от развития, организованный спрос сообщества становится «путеводной звездой» для системной производительности, также как спрос индивидуального потребителя был таковой для традиционных производственных процессов⁹⁸.

⁹⁶ John Friedmann – *Empowerment: the politics of alternative development* – Blackwell, Cambridge 1992 – Цитаты были взяты со стр. 31 и 35

⁹⁷ Idem – Термин "empowerment" очевидно переводится, как «наделение властью» и уже прижился в нашей литературе. Заметим, что Фридман работает с концепцией местного развития, но в перспективном развитии территорий (см. соответствующие определения на стр. 133).

⁹⁸ См. техническое примечание *Produtividade sistêmica do território*, 2009, стр. 4, <http://dowbor.org/2009/11/produtividade-sistemica-do-territorio-nov.html/>

Работы Роберта Путмана (Robert Putnam) в этом плане способствовали сильному продвижению, поскольку они демонстрируют до какой степени механизмы участия не только дополняют государственное и рыночное регулирование, но являются важным условием эффективности этих механизмов. Общественный капитал становится важным фактором качества управления определенной территории. Исследование об Италии уже стало классическим, но именно исследуя США, Путман демонстрирует важность способности организации общества в соответствии с его интересами – партисипативное измерение экономического и политического регулирования – как ключевого элемента рациональности развития в целом⁹⁹.

С точки зрения экономической теории, процесс интересен сам по себе, поскольку постепенно мы перегадим от понимания накопленного *физического капитала*, выполняющего центральную роль в «Капитале» Маркса, к пониманию большей роли *финансового капитала*, развивающегося к недавно пришедшему пониманию большой важности *натурального капитала*, который мы расходует на планете. Более широкое понимание *человеческого капитала*, ставшее важнейшим в технологическом развитии и *общественного капитала*, в наиболее широком виде, представляющего зрелость и связь общественной ткани, поддерживающей целое. Развитие одновременно отражает расширение экономической концепции и взаимодействия экономической науки с другими общественными науками. Концепция общественного капитала, без сомнения, в настоящее время является очень модной, но в действительности важно понять необходимость организации регионального размещения капитала в его разнообразных формах и в наиболее сложном виде¹⁰⁰.

В традиционном представлении муниципалитеты стоят в основании пирамиды, и эта теоретическая «вертикаль» глубоко связана с нашими убеждениями. В действительности новые направления указывают на горизонтальные связи между социальными игроками в рамках муниципалитета, и на межмуниципальные формы управления (например, межмуниципальные консорциумы по здравоохранению, комитеты по гидрографическим бассейнам, региональные советы по развитию, сети городов-побратимов), позволяющие создавать сложные региональные системы взаимодействия. Результатом является то, что сами сообщества перестают быть «слишком маленькими», чтобы быть жизнеспособными, поскольку могут творчески и разнообразно развиваться в различных направлениях. Ключевым моментом является то, что инициатива, участие в политике, обращенной на местное развитие, в которой люди могут принимать участие напрямую, поскольку они знакомы с реальностью, а масштаб принимаемых решений совпадает с его знанием.

---

⁹⁹ Robert Putnam – *Bowling Alone: the collapse and revival of American community* - Simon & Schuster, New York, 2000; его исследование об Италии, *Making Democracy Work*, было переведено в Бразилии, как «*Comunidade e Democracia*».

¹⁰⁰ Таково представление, которые мы излагаем в нашей работе «*A Reprodução Social*», исходя из того, что понятие *воспроизводства капитала* представляет собой лишь один сегмент, пусть и центральный, процесса развития. Таким образом, мы рассматриваем развитие, как определение различных форм капитала на различных и комплементарных территориях.

Это коренным образом изменяет то, что можно было бы назвать культурой развития. Сообщество перестает пассивно воспринимать решения, принятые далеко, как государством, которое собирается «подарить» центр охраны здоровья, или компанией, которая собирается создать новые рабочие места. Развитие перестает быть тем, чего надо терпеливо ждать, оно становится тем, что делается, в том числе при организации внешней поддержки. Политическая гражданственность дополняется гражданственностью экономической, и зарождается чувство владения собственной реальностью¹⁰¹.

Важным моментом данного процесса является изменение парадигмы коммуникации. «Пространство умерло» комментирует один американский управленец, узнав, что на планете существует моментальная связь между теми, кто работает с финансовыми приложениями. Это очевидное преувеличение. Люди все еще живут в конкретных городах, глядят на солнце с берега конкретной реки. Но тот, факт, что информация оказывается моментально доступной в любой точке планеты резко изменяет мир нашего мышления. В муниципалитете Пирауи (Piraí) в штате Рио-де-Жанейро, была создана государственная система доступа к широкополосному Интернету для общего пользования. Были сделаны небольшие государственные инвестиции, но они создали мощный производительный фактор для местного производства и торговли, которые стали взаимодействовать с поставщиками и потребителями в гораздо более широком масштабе. Несколько более высокие налоговые ставки, выплачиваемые предпринимателями, позволили сделать всеобщим доступ к широкополосному Интернету вплоть до самых бедных кварталов, за 35 реалов в месяц. Воздействие цифрового включения оказалось очень глубоким, но интересно то, что всеобщее подключение позволило улучшить всеобщую производительность всех общественных игроков муниципалитета, школ, системы охраны здоровья и т.д. Этот опыт представляет собой яркую иллюстрацию того, как могут быть управляемы пространства глобальное, региональное и местное, через современные формы коммуникаций, в процессе, где сообщество является хозяином самого процесса развития, не ожидая, чтобы многонациональная компания приложила *resort* и *fantasie* к местному населению, в виде национальных костюмов¹⁰².

¹⁰¹ В этом смысле интересной является разработка Бруно Фрея (Bruno Frey) и Алоиза Штуцера (Alois Stutzer), которые в своем исследовании о счастье и экономике, настаивают на относительной важности *процесса*, ведущего нас к экономическим результатам. Чувство соучастия, творчества в рамках какого-либо процесса часто является более важной мотивацией, чем *результат (output)* под видом экономической выгоды. Bruno S. Frey and Alois Stutzer, *Happiness and Economics*, Princeton University Press, Princeton 2002

¹⁰² Проект «Piraí Digital» привел к установлению партнерства между муниципалитетом и Universidade Federal Fluminense под руководством проф. Франклина Коэльо (Franklin Coelho). В настоящее время несколько муниципалитетов в этом районе следуют этому примеру, создавая интегрированную региональную цифровую систему. Это является примером, как государственные службы способствуют повышению производительности всех общественных игроков, обобщая *внешние экономики*. Это было системно изучено Карлосом Тригилией (Carlos Trigiglia) в его работе «*Sviluppo Locale*», Ed. Laterza, 2005 г.

Hoje vários municípios da região estão seguindo o exemplo, e criando um eixo digital integrado regional. Este enfoque, de se gerar com serviços públicos iniciativas que tornam todos os atores sociais mais

Технология «Wi-Fi» позволяет, располагая дома одним передатчиком, обеспечить всему пространству дома или офиса доступ к беспроводному Интернету. В настоящее время технология применяется в городских пространствах, позволяя людям работать или учиться повсюду. Это компьютерная версия мобильного телефона, которая перекрывает все городское пространство. Существует соревнование городов, устанавливающих передатчики таким образом, чтобы все городское пространство было перекрыто сигналом. Это называют “municipal mesh Wi-Fi networking”. Согласно статье, опубликованной журналом «New Scientist», «государственные сети Wi-Fi также оказывают влияние на Wi-Fi в жилых помещениях, в школах, книжных магазинах и кафе... Системы, охватывающие город целиком, соединяют весь комплекс точек Wi-Fi для создания единой сети («mesh»), где принимаемые радиосигналы в одной точке передаются с антенны к подключенным к сети¹⁰³.

Кроме того, технология, позволяющая соединять все городское пространство не дорогая. Например, в городе Филадельфия, в США, «около» 400 постов на 320 км² городского пространства имеют антенны Wi-Fi, покрывающие город сигналом беспроводной, широкополосной связи. Обещают обеспечить доступ в интернет со скоростью 1 мегабит/сек. менее, чем за 10 долларов в месяц (ср. с 45 долларами при соединении кабелем). Города Тайпей в Тайване, в Китае, расширяет систему при сборе в 12 долларов в месяц. Бесплатный доступ становится все более обоснованным. Никто не платит, чтобы идти по улице, не надо платить за обмен знаниями, что не исключает платных услуг для производства.

Упомянутая теоретическая конвергенция, как для совокупности исследований, ориентированных на различные вектора, создающие современность. Работы Мануэла Кастеллса (Manuel Castells) о *сетевом обществе* указывают на большую простоту этого местного регулирования, использующего горизонтальные связи совокупности игроков, участвующих в процессе развития. Исследования Пьера Леви (Pierre Lévy) о *коллективном разуме* позволяют создать взаимодействие общественных усилий за счет конвергенции информации, знаний какого-либо территориального сообщества, связанного с виртуальными сообществами. Работы Игнасиа Сакса, исходящие из озабоченности процессами устойчивого развития, демонстрируют важность недоиспользованных ресурсов, являющихся наследием дискуссий об экономическом планировании в социалистической Польше, времен Ланге и Калецкого, существующие в каждом населенном пункте¹⁰⁴.

---

produtivos, generalizando *economias externas*, é estudado de maneira sistemática por Carlos Trigiglia, no seu *Sviluppo Locale*, Ed. Laterza, 2005.

¹⁰³ Paul Marks, New Scientist, 25 March 2006 - *Cities race to reap the rewards of wireless net for all*; это соревнование за доступ к широкополосной связи идет между такими городами, как Сеул и Сингапур, в применении WiMax и других быстроразвивающихся технологий. В эпоху экономики знания свободный доступ является важнейшим для обеспечения производительности всех видов деятельности.

¹⁰⁴ Manuel Castells – *The Rise of the Network Society* – Blackwell, Oxford 1996; Pierre Lévy – *L'intelligence collective* – Ed. La Découverte, Paris, 1994; Ignacy Sachs – *Inclusão Social pelo Trabalho* – Ed. Garamond/Sebrae, Rio de Janeiro, 2003

Здесь мы в определенном смысле возвращаемся к нашей отправной точке, представлении, которое Селсо Фуртадо предложил нам о пропозитивной экономике, указывающей путь создания требующихся нам результатов, вместо того, чтобы потеряться в прогнозах о нервной реакции финансового рынка. Результатом, очевидно, должно стать наше прозаичное качество жизни с точки зрения устойчивого развития. Образ качества жизни отсылает нас к приятному кварталу, с разумным процветанием, охраной здоровья, культурным богатством, справедливости и безопасности, большое число таких кварталов организуется локально, а экономика, направленная на результаты, требует, чтобы эти результаты по большей части определялись творческими и иными имеющимися сообществами, а не воспроизводящими в обязательном порядке установленную образцовую модель, о которой говорилось выше. Таким образом, после того, как мы станем ассоциировать местное развитие с концепцией культуры развития, можно будет говорить о примирении между политической демократией и демократией экономической. Возможный приход другого мира потребует другой экономической науки, включающей эти измерения¹⁰⁵.

11 – Экономика знания

Определенным образом те же технологии, которые способствуют глобализации, могут способствовать местным пространствам, партисипативные измерения, демократическая связь. Для многонациональных компаний, новые технологии предусматривают более высокую пирамиду, при центральном правительстве мега-корпорации, протягивающем длинные пальцы к самым отдаленным местам, благодаря возможностям коммуникации по передачи приказов издалека. Требуется также мощное глобальное присутствие репрессивных властей, предусматривающее контроль за интеллектуальной собственностью, которая часто используется самими транснациональными компаниями. Мир перестал быть «плоским» (*flat*), он становится все более иерархизированным.

Для нас эти технологии делают возможным создание более широкой и более горизонтальной сети, в которой каждый населенный пункт приобретает большое значение, скрещивая особенность местных интересов с потенциалом мирового сотрудничества. Самые длинные пальцы этих корпораций не служат

---

¹⁰⁵ Исключительно богатое досье об экономических измерениях можно найти в «*Pour Changer le Monde*» номер 83 (окт.-нояб. 2005) «*Manière de Voir*», публикуется в «*Le Monde Diplomatique*», где собраны важнейшие статьи по избранной теме, каждые два месяца. В частности, две статьи Клода Жюльена (Claude Julien) и Жозе Сарамого (José Saramago), посвящены отношениям между экономикой и политикой, и показывают, до какой степени наши попытки заставить действовать политику за счет вмешательства в избирательное законодательство, не оказывая сопротивления крупному экономическому могуществу, все покупающему и все потребляющему, не решают ничего. По нашему мнению защита экономического потенциала местного управления не включает одной лишь эффективности управления, но включает также необходимость размещения большей части экономики в масштабе, где люди получают над ней больший контроль, обеспечивая, таким образом, контроль за своей собственной жизнью. Экономика, которая начинает принадлежать гражданину открывает больше пространства реальной политической гражданственности. Существует настоящий взрыв исследований на эту тему, которые способна провести экономическая наука.

децентрализации, но просто означают, что та же самая рука длиннее, а значит манипуляции происходят в большем масштабе. Местное использование потенциалом коммуникаций представляет собой динамику демократизации.

Изменение информационных и коммуникационных технологий, открывающее эти новые возможности, тем не менее, определяется более широкими технологическими изменениями, повышающими значение содержания знания всех производственных процессов и уменьшающими относительный вес материальных средств, которые когда-то составляли основной фактор производства.

Является ли знание фактором производства? Как развивается теория, которую Кастеллс (Castells) называл «новой социотехнической парадигмой»? Кастеллс вводит интересную категорию *информационных факторов производства*, которая ведет нас к одному основополагающему вопросу: регулируется ли знание адекватным образом через рыночные механизмы, как, например, ценности и услуги в рамках промышленной экономики?¹⁰⁶

Отклонение основного направления формирования стоимости товаров основным капиталом в сторону знания заставляет нас проводить глубокий анализ самой концепции способа производства. Андре Горц (André Gorz) указывает на то, что «средства производства становятся доступными и восприимчивыми для распределения. Компьютер становится универсальным инструментом, общедоступным, а через него могут распространяться и все знания и любая деятельность»¹⁰⁷.

Экономика знаний только нарождается. Лоренс Лессиг (Lawrence Lessig) проделал системный и взвешенный анализ этого самого крупного вызова, с которым сегодня мы сталкиваемся: управление информацией и знанием. Книга Лессига, сфокусированная на том, как развивается мировая коммуникация, подвергает каждый вопрос – освоение физическими средствами связи, контроль кодов доступа, управление содержанием – уровень, позволяющий реалистическую оценку и формулирование практических предложений. Его предыдущая книга «Code» стала эпохальной. Книга «*The Future of Ideas*» совершенно великолепна с

---

¹⁰⁶ M. Castells – *The rise of the network society*, т. I, стр. 75 – Кастеллс считает, что этот новый фактор производства требует вмешательства государства: “Deregulation and privatization may be elements of states’ development strategy, but their impact on economic growth will depend on the actual content of these measures and on their linkage to strategies of positive intervention, such as technological and educational policies to enhance the country’s endowment in informational production factors” (id., ibid., стр. 90).

¹⁰⁷ André Gorz – *O Imaterial: conhecimento, valor e capital* – Ed. Annablume, São Paulo, 2005, p. 21. Французский оригинал «*L’immatériel*» был опубликован в 2003 г.; неизбежная ревизия экономической науки систематизирована в великолепной работе Гара Алперовица (Gar Alperovitz) и Лью Дэли (Lew Daly) *Apropriação Indébita: como os ricos estão se apropriando da nossa herança comum*, изд. Senac, São Paulo 2010, см. аннотацию на http://dowbor.org/resenhas_det.asp?itemId=dd6ad9fb-d10b-4451-8e87-2a0b5f2eca0d

точки зрения богатства источников, простоты изложения, доказательности ключевых вопросов¹⁰⁸.

Все мы не слишком уверенно себя чувствовали в вопросе понимания этой новой динамики, колеблясь между унылыми представлениями о «Большом Брате» или идиллическими представлениями умножения источников и средств, которые бы привели к общей демократизации знания. Реальность, как и во многих других вопросах, заключается в том, что упрощений не достаточно и что мы должны «выучить уроки», исследовать происходящее.

В качестве отправной точки примем тот факт, что сегодня, когда мы платим за продукт, 25% того, что мы платим, является оплатой за продукт, а 75% идет на оплату исследований, дизайна, маркетинговой стратегии, рекламы, адвокатов, бухгалтерии, общественных связей, так называемых «недоступных» и того, что Горц называет «материалом». Это пустая цифра, но она разумна. Кроме того, здесь нас интересует не вопрос точности. Нас интересует факт добавленной стоимости того, что продукт будет все более входить во встроенную систему знания. Иначе, знание, организованная информация являются фактором производства, экономическим капиталом первого уровня. Экономическая логика знания, тем не менее, отлична от той, что действует в физическом производстве. Физический продукт, который человек отдал, перестает ему принадлежать, в то время, как знание, переданное другому человеку, продолжает у него оставаться и может вызвать у другого человека такие мысли, которые породят новые знания и инновации.

Таким образом, с общественной точки зрения общество знания плохо уживается с частным присвоением: оно включает продукт, который умножается, становясь общественным. Поэтому стоимость, добавленная к продукции инкорпорированным знанием просто превращается в цену, а, соответственно, большая прибыль получается тогда, когда этому знанию не дают распространяться. Схватка XX века, сконцентрированная на собственности на средства производства, развивается в сторону битвы интеллектов в веке XXI. Знание является фактором производства, чье потребление не уменьшает запасов, но напротив, увеличивает их. Что же будет с экономической наукой, чьим теоретическим ядром являются истощающиеся ресурсы?

Определенным образом, здесь мы сталкиваемся с большей напряженностью в обществе, развивающимся в сторону знания, но управляемым по законам промышленной эры. Важнейшим моментом здесь является то, что знание бесконечно воспроизводимо, а, значит, преобразуется в денежную стоимость, когда захватывается кем-либо, тогда, лицо, завладевшее им, ставит защитный знак, права, продаваемые для получения доступа. Для тех, кто стремится контролировать доступ к знанию, оно лишь тогда представляет ценность, когда создается искусственно, при помощи законов и репрессий, а не экономическими

---

¹⁰⁸ *The Future of Ideas: the Fate of the Commons in a Connected World* – Random House, New York. 2001, 340 стр.

механизмами, что приводит к его недостаточности. В связи с простой технической природой процесса, приложение к эпохе знания законов воспроизводства и промышленной эпохи тормозит доступ. Любопытно, что недопущение свободного обмена идеями и творчеством стало фактором воздействия со стороны корпораций, требующих вмешательства государства. Те же интересы, которые привели корпорации к глобализации территории для облегчения обращения ценностей, ведут к разделению пространства и затруднению обращения знания.

Главный вопрос о том, что мы производим, используем и распространяем знание, таким образом, включает дилемму: с одной стороны, справедливо, что тот, кто стремился развивать новое знание должен быть вознагражден за свои усилия. С другой стороны, пользование идеями, как если бы она была материальным продуктом, заканчивается тем, что убиваются инновационные усилия. Лессиг приводит нам пример кинорежиссеров в США, которые в настоящее время в съемочной группе имеют адвокатов: съемки уличной сцены, где в кадре случайно появляется наружная реклама, может привести к тому, что рекламная компания потребует компенсации; съемки в комнате подростка требуют длительного юридического анализа, поскольку каждый флажок, плакат или картинка может невольно вызвать неправомерное использование образа, вызывая новые споры. Имеет ли границы *интеллектуальная собственность*?

В одном американском университете, при приобретении научных журналов крупными экономическими группами, профессор, который распространял среди своих учеников, копии своей статьи, был обвинен в пиратстве. Он должен был потребовать, чтобы ученики купили журнал, где была напечатана его статья. Всем известен абсурдный патент, присужденный Амазону, запрещающий другим компаниям использовать для совершения покупок режим одного «клика». Здоровые рассуждения показывают, что, если хорош режим одного «клика», он должен принести прибыль Амазону, что является нормальной формой, когда компания получает вознаграждение за инновацию, но не препятствует другим использовать процесс, который уже принадлежал государственной сфере. В действительности, мы затрудняем развитие прогресса, вместо того, чтобы облегчать его.

Лессиг исходит из того – как указывается в американской Конституции – что усилия по развитию знания должно быть вознаграждено, но знание само по себе не является «собственностью» в общепринятом смысле слова. Например, многочисленные «копирайты» являются собственностью компаний, которые по каким-то причинам не заинтересованы применять и развивать соответствующее знание, замораживая, таким образом, эту область. В других странах преобладает принцип «*use it or lose it*», согласно которому человек или компания не может парализовать, через патенты и «копирайты», какую-либо сферу знаний. Знание имеет социальную функцию. Моя машина не перестает быть моей, если я оставляю ее в гараже. Идеи бывают разными, но они не могут быть заперты, нельзя запретить их развитие другими.

В основе этого представления лежит тот факт, что знание не рождается в изоляции. Каждая инновация основана на тысячах шагов, осуществленных в предыдущие

периоды, в других странах, но при растущих юридических запретах множатся сферы или случаи, в которых проведение исследований становится столь сложным, что люди просто перестают их проводить или отдают их мега-компаниям с их юридическими службами. Инновации, творческая работа являются не только «выходом», но и «входом» от бесчисленных усилий людей и разных компаний. Необходима обстановка открытого сотрудничества. Инновации являются общественно создаваемым процессом и должен иметь ограничения для индивидуального присвоения.

Проблема резко обостряется, когда не только идеи, как двигатели передачи, попадают под контроль. Когда производящая компания в Голливуде контролирует не только производство содержания (фильма), но и различные каналы распространения и даже кинозалы. Результатом является то, что оказывается резко разбалансированной свобода распространения идей. Лессиг утверждает, что зарубежные фильмы в США, которые еще несколько лет назад занимали 10% билетных сборов, сегодня занимают только 0,5%, порождая культуру, опасно изолированную от остального мира. Что происходит при трехуровневом прогрессивном контроле – физическая инфраструктура, коды и содержание – так это то, что свобода распространения идей, включая в Интернете, быстро оказывается под запретом. Крупные предприятия не прекращают изучать наши компьютеры, через «спайдеров» или «ботов», чтобы определить, не указали ли мы без необходимого разрешения название или группу с защищенными идеями.

В тексте 1813 года Томаса Джефферсона (Thomas Jefferson), процитированном в книге, есть в этом смысле весьма красноречивое высказывание: «Если существует вещь, созданная природой, являющаяся менее восприимчивой, чем все остальные, находящиеся в эксклюзивной собственности, то этой вещью является деятельность силы разума, которую мы называем идеей... Идеи должны свободно распространяться от одного человека к другому, по всему миру, для морального и взаимного образования человека, а их продвижение является условием, которое, кажется, было специально и доброжелательно создано природой, когда она превратила их, как огонь, способными к распространению по всему пространству, не уменьшая их плотность ни в одной точке, как воздух, которым мы дышим, они движутся и физически существуют, не способные к ограничению или к эксклюзивному завладению. Изобретения, по своей природе, не могут быть объектами собственности»¹⁰⁹.

Компания, прокладывающая одну из важных инфраструктур, которой является кабель, является собственником этого кабеля. Но может ли она определять, кто получит право передачи по этому кабелю? Другая компания может получить

---

¹⁰⁹ Lessig, op. cit стр. 94, цитируя Т.Джефферсона: “If nature has made any one thing less susceptible than all others of exclusive property, it is the action of the thinking power called an idea... That ideas should freely spread from one to another over the globe, for the moral and mutual instruction of man, and improvement of his condition, seems to have been peculiarly and benevolently designed by nature, when she made them, like fire, expansible over all space, without lessening their density at any point, and like the air in which we breathe, move, and have our physical being, incapable of confinement, or exclusive appropriation. Inventions then cannot, in nature, be a subject of property”. (p.94)

экономическую поддержку для заключения эксклюзивных контрактов с другими компаниями. Это своеобразный коммуникационный «хаб». Дисней, например, отчаянно сражался за такую эксклюзивность. Жестокость предпринимательских боев в этом плане открывает мало пространства для окончания всего процесса, столь замечательно описанного Томасом Джеферсоном, которым является общественная полезность оборота идей. Некое правительство может даже приватизировать ремонт шоссе и разрешить взимание за него платы, но обеспечивает его общественный характер. Ни один администратор не может запретить свободный доступ любого лица на это шоссе. Как же функционируют каналы коммуникаций? Во многих американских городах, как Чикаго, префектура прокладывает общественные кабели, чтобы обеспечить передачу и получение пользователями чего они пожелают, смягчая давление частных компаний при заключении договоров на эксклюзивный доступ для определенного типа клиентов. В Канаде этот процесс приобретает всеобщий характер в ответ на контроль, который стремятся установить компании. Как шоссе, линии коммуникаций должны быть общими. Общее пространство обеспечивает свободную коммуникацию, взаимодействие частных пространств.

Детальный анализ использования радио и телевизионных частот в этом отношении является весьма значимым. На практике, американское правительство предоставляет частоты коммуникационным гигантам, как мы делаем и в Бразилии, виртуально устраняя возможность каждого сообщества располагать собственными коммуникационными ресурсами, что в настоящее время является явлением безупречным, возможным и дешевым. Нам постоянно повторяют, что полоса частот ограничена, а потому должна быть передана лишь некоторым. Эти некоторые, естественно, монополизируют доступ.

Первым моментом является тот, что передачи имеют небольшой радиус распространения (*low power radio service*), что совершенно возможно, а значит он не может считаться пиратством. Вторым, более важным обстоятельством является то, что идея об ограниченности полосы частот защищается компаниями, но это правда лишь потому, что они применяют негодные технологии, разбазаривающие возможности полосы, поскольку имеют монополию. Они, например, не заинтересованы в том, чтобы делить частоты (*software defined radios*), позволяющие пользоваться волнами таким же образом, как и другие средства, заполняя паузы и недоиспользование для обеспечения одновременной передачи нескольких сообщений, что сейчас производится на любой телефонной линии. Лессиг очень критичен по отношению к такому впечатляющему разбазариванию столь важной ценности, какой является электромагнитная полоса, которая, естественно, не была создана никем, при этом на нее выдается государственная лицензия: «Загрязнение окружающей среды – вот как нам следовало бы определить эти старые формы использования электромагнитных частот. Высокие, бессмысленные башни наводняют эфир мощными передачами, делая невозможным расцвет применения в меньшем масштабе, менее шумных и более эффективных... Например, эфир

коммерческого телевидения является необычайно расточительным в любом отношении. Идеальным решением было бы перевести его из эфира в кабель»¹¹⁰.

Лессиг прагматик. В случае в электромагнитными частотами, например, он предлагает, чтобы в каждом сегменте присутствовала частота свободного доступа, уравнивающая частных пользователей. В различных изученных областях, он ищет решения, которые бы обеспечили присутствие для всех. Но понятна его озабоченность. В свободном переводе, «технология, при таком законодательстве, обещает нам теперь почти полный контроль содержания и его распространения. Именно этот полный контроль угрожает инновационному потенциалу Интернета»¹¹¹.

Рифкин анализирует тот же процесс с другой точки зрения, поставив во главу угла тот факт, что экономика знания изменяет наше отношение в экономическом процессе вообще. Базовым аргументом является тот, что мы проходим из эпохи, когда существовали производители и покупатели, в эпоху, когда существуют поставщики и пользователи. Изменение глубоко. На практике мы больше не покупаем телефон (либо покупка осуществляется по символической цене). Но каждый месяц мы платим за право пользоваться им, связываться. Мы также платим за доступ к немного более приличным программам телевидения. Мы уже не платим за прием врача: мы ежемесячно платим по плану, чтобы иметь право доступа к службе охраны здоровья. Наш принтер стоит сущие пустяки, но важно, чтобы мы смогли купить тонер по эксклюзивным ценам¹¹².

Примерам нет числа. Рифкин определяет эту тенденцию следующим образом: «эпоха доступа». В нашей работе «*A Reprodução Social*» мы уже исследовали эту тенденцию, которую охарактеризовали, как концепцию «арендного капитализма». Достаточно взглянуть на список тарифов, которые мы оплачиваем, чтобы иметь доступ к банковским услугам, или как пляжные кондоминиумы закрывают доступ к частице моря, а в публикациях нам «предлагают» их так, как будто сами создали эти великолепные волны. Бесплатный доступ к морю не наполняет карманы компаний. Так что давайте закроем пляжи.

Так капитализм создает дефицит, поскольку дефицит повышает цены. По этой абсурдной логике, сколь менее доступны ценности, они становятся дороже и приобретают большую потенциальную стоимость для тех, кто их контролирует.

---

¹¹⁰ Lessig, op. cit., стр. 243

¹¹¹ Idem стр. 249

¹¹² Jeremy Rifkin – *The Age of Access* – Penguin Books, New York, 2001; опубликовано в Бразилии, как «*A Era do Acesso*», Makron Books, 2001 – Эта необходимость оплачивать за пользование всем, может угнетать. Многие инвестируют свои сбережения в собственный дом, в безопасность крыши, которая не зависит от колеблющейся необходимости оплачивать аренду. Сегодня все зависит от бесчисленного числа «аренды», и мы не видим на горизонте перспективы жить более спокойно. Человек, который по какой-то причине теряет источник доходов, оказывается исключенным из совокупности услуг, требующих регулярных платежей. Положение пенсионеров с низкими доходами является особенно драматичным, и ее следует рассмотреть особо, но, в действительности, мы все более чувствуем себя попавшими в капкан.

Нет ничего проще, чем загрязнить реки, чтобы заставить нас платить за рыбалку, или покупать «произведенную» воду.

При этом исчезают бесплатные пространства, а мы оказываемся все более стиснутыми в погоне за увеличением наших ежемесячных доходов, без которых мы оказываемся лишенными целого набора основных услуг, включая участие в окружающей нас культуре. Жизнь оказывается все менее легкой прогулкой или производением, принадлежащим нам, чтобы превратиться в пробежку от одной выплаты к другой. Там где раньше люди с удовольствием играли на музыкальных инструментах, сейчас оплачивают право получить доступ к музыке. Там, где раньше играли в дворовый футбол, сегодня присутствуют на спортивном спектакле, пока пережевывают закуску, сидя на диване. Все это, благодаря *«rauper-view»*.

Теоретические изменения значительны. Собственник средств производства имел ключ от фабрики, физическую ценность, которая означал конкретную собственность. Сегодня он хозяин процесса и получает за его использование. Поскольку процессы становятся все более насыщенными информацией и знанием, большее значение приобретает интеллектуальная собственность в виде патентов и копирайтов. Поскольку знание представляет из себя ценность, которая не перестает принадлежать кому-либо, если он передает его другим – а мы живем в эпоху технологий коммуникации – простота его распространения становится огромной, а частное владение порождает задержки. Таким образом, мы видим всю тяжесть констатации Горца, приведенной выше, что «средства производства стали присвоенными и чувствительными к совместному использованию». Не напрасно, что сделка TRIPs (*Trade Related Intellectual Property*) представляет собой основные дискуссии во Всемирной Торговой Организации и находится в центре борьбы за свободное общество.

«Инновация, - пишет Стиглиц, - занимает центральное место в деле успеха современной экономики. Вопрос в том, как наилучшим образом обеспечить ее продвижение. Развитый мир заботливо создал законы, которые предоставляют новаторам эксклюзивное право на их инновации и на прибыли от них. Но какой ценой? Существует растущее ощущение, что что-то не так с системой, управляющей интеллектуальной собственностью. Опасение заключается в том, что концентрация на прибыли для богатых корпораций порождает смертный приговор для беднейших в развивающемся мире»¹¹³.

Например, поясняет Стиглиц, «является особенно справедливым, когда патенты включают то, что ранее находилось в общем пользовании и ‘приватизируют’ его – то, что юристы из Организации по Интеллектуальной Собственности назвали новым ‘*enclosure movement*’. Патенты на рис *Basmati* (который индийцы знали уже сотни лет) или на лекарственный препарат *turmeric* (имбирь) являются хорошими примерами».

---

¹¹³ Joseph Stiglitz - *A Better Way to Crack it* – New Scientist, 16 сентября 2006 г., стр. 20

По мнению автора, «развивающиеся страны являются беднейшими не только потому, что располагают меньшими ресурсами, но потому, что у них громадный провал в знании. Поэтому доступ к знаниям является столь важным. Но усиление контроля (*stranglehold*) над интеллектуальной собственностью, правила PI (так называемые TRIPS) по уругвайскому договору, уменьшило доступ к знаниям со стороны развивающихся стран. Правилами TRIPS была введена система, которая не была разработана в оптимальном виде для промышленно развитой страны, но она стала еще менее адекватной для страны бедной. Я являлся членом Экономического Совета президента Клинтона (Clinton) в эпоху завершения переговоров по *Uruguay Round*. Мы и *Office of Science and Technology Policy* выступали против TRIPS. Мы считали их негодными для американской науки, негодными для мира науки, негодными для развивающихся стран».

Занятая позиция была очень важной. Во время, когда было бы неплохо защищать интеллектуальную собственность, чтобы люди не отдавали себе отчета, что мы действительно уважаем ее монополизацию и контроль со стороны посредников. Требуются более гибкие и более разумные правила, а кроме того, необходимо уменьшить абсурдные сроки продолжительностью в десятилетия, значительно превышающие время, необходимое, чтобы компания могла окупить свои инвестиции в новые технологии. Что касается патентования естественных ценностей бедных стран, чтобы затем собирать проценты за традиционное производство, это просто вымогательство. В этом случае пиратство наступает сверху.

Так экономика знания представляет новое международное разделение труда между странами, группирующимися среди недостижимых – исследования и разработка, дизайн, адвокатские услуги, учет, реклама, системы контроля – и теми, кто продолжает концентрироваться на физическом производстве. Ранее производство сырья располагалось на одном полюсе, а промышленной продукции – на другом. Сегодня водораздел скорее проходит между производством материальным и нематериальным.

Особенно интересным чтением по этой теме является книга Чанга (Chang) «*Chutando a Escada*», в которой демонстрируется, как развитые сегодня страны присваивали знания, произведенные в любой части мира, через копирование, хищение или шпионаж, не заботясь в то время об интеллектуальной собственности. Они воспользовались лестницей, чтобы подняться вверх, а затем ушли в сторону, препятствуя другим последовать за ними. Что осталось бы от Японии или Кореи, если бы они были обязаны закрывать глаза на инновации в других частях света или выплачивать все проценты? Книга Чанга исключительно хорошо подтверждена документами и показывает, как раньше азиатов, США применяли такую же практику, также как и Англия. Свободный доступ бедных стран к знаниям является важнейшим условием их прогресса и уравнивания мира. В настоящее время он систематически затрудняется, в то время, как должен

приветствоваться и поддерживаться, чтобы уменьшить разгорающиеся социальные и экологические трагедии¹¹⁴.

На другом уровне изменение содержания производства порождает новые производственные отношения и снимает вопрос вознаграждения за работу. Измерение труда проработанными часами в этой сфере деятельности становится все менее значимым. Творческое участие инновационными идеями не зависит от того времени, которое мы проводим, сидя в офисе. Горц цитирует один отчет директора по персоналу компании «Даймлер-Крайслер»: участие «сотрудников», как их вежливо называет директор, «не будет оцениваться по количеству присутственных часов, но на основе достигнутых целей и качества результатов. Они являются предпринимателями»¹¹⁵. Таким образом трудящиеся продвигаются в предприниматели, а почему бы и не в импресарио, считает Горц: «Вместо того, кто зависит от жалованья, работать должен предприниматель, который обеспечивает свою подготовку, повышение квалификации, здоровье и т.д. ‘Сам человек является компанией’. Вместо эксплуатации речь идет об автокоммерциализации компаний ‘ОАО Я’, которые создают прибыль для крупных предприятий, являются клиентами самоимпресарио»¹¹⁶.

Здесь мы не пытаемся дать ответы на комплекс вопросов, но привести набор теоретических положений, который тревожит нас, как экономистов, и результатом которого является та обширная тенденция, которую мы называем экономикой знания. Направление производства прибавочной стоимости уходит из под контроля предприятия под контроль интеллектуальной собственности, изменяются производственные отношения, модифицируется содержание и вознаграждение при международном обмене. Таковы направления рассуждений, требующие новых инструментов анализа, а авторы, перечисленные выше, открывают пространства.

Бразилия при этом стоит перед особой ситуацией, поскольку интернационализация отношений Север-Юг, за счет создания широкого транснационального полюса на Юго-востоке страны, сталкивается, как с противоречиями, порождаемыми экономикой знания, как его нехватка и посредничество со стороны наиболее развитых регионов, так и воспроизводство сильно отставших производственных

¹¹⁴ Ha-Joon Chang – *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*, Anthem Press, London, 2002; в Бразилии, edição da Unesp, 2003; в другой книге «*Globalization, Economic Development and the Role of the State*» Чанг представляет результаты различных исследований, проведенных по поводу ущерба, нанесенного протекционизмом развитых стран, и заключает: «Мы показали, что не существует ни теоретической, ни эмпирической основы, чтобы отстаивать аргумент о том, что необходима мощная защита частных прав на интеллектуальную собственность ради технологического прогресса, а значит, для экономического развития, в частности, для развивающихся стран». «Кто пользуется» (*cui bono*) ей совершенно ясно: 97% патентов в мире принадлежат развитым странам (стр. 293). Финальный документ Рио+20 «*O Futuro que Queremos*» поддержал это в таком виде: «развитие, передача и распространение правильных экологических технологий, а также соответствующих ноу-хау, в частности, в развивающихся странах, на благоприятных условиях, в том числе на условиях концессий и преференций, как согласовано» - финальный документ, ст. 73, июнь 2012 г. <http://dowbor.org/2012/06/rio20-future-we-want-draft-text-exclusive-copy-of-the-document-2012.html/>

¹¹⁵ A. Gorz, *O Imaterial*, op. cit. стр. 17

¹¹⁶ A. Gorz, op. cit., стр. 10

отношений в регионах, поддерживающих отношения, унаследованные от прочих экономических циклов.

Проблема демократизации экономики приобретает здесь интересное измерение, поскольку доступ к знаниям, как к новому производственному фактору, может стать привилегированным вектором при производственном включении множества исключенных. Как мы видим, будучи произведенным однажды, знание может распространяться и умножаться при очень ограниченных затратах. В отличие от физических ценностей, передающий знание, его не теряет. Право доступа к знанию, таким образом, становится центральным направлением экономической демократизации нашего общества¹¹⁷.

12 – Экономика социальной сферы

Другим направлением, ускользающим из поля зрения экономической теории, является глубокое изменение в межсекторальном составе производственных процессов. Говоря кратко и приняв США в качестве примера, сельское хозяйство стало занимать менее 3% рабочей силы, а мануфактура в 2005 г. - менее 10%¹¹⁸.

Многое из нашей деятельности получило название «услуги», как будто бы это клеймо все поясняло само за себя. Кастеллс возмущается со справедливым основанием: «Под термином услуги стали пониматься многочисленные виды деятельности, имеющие между собой мало общего, за исключением отношения к сельскому хозяйству, добывающей промышленности, строительству и мануфактуре. Такая категория, как ‘услуги’ является понятием устаревшим,

¹¹⁷ Это может приобрести чисто практическое измерение. Например, Fundo de Universalização das Telecomunicações смог обеспечить общий доступ к широкополосному Интернету всему населению в рамках проекта “Brasil Digital”. Национальный План Широкополосной Связи начался в период правительства Лулы и развивался в нужном направлении. С точки зрения эволюции экономической науки, способной оценить это измерение, хорошим вкладом является книга Клея Ширки (Clay Shirky) «*Cognitive Surplus*» (когнитивный излишек) The Penguin Press, New York, 2010. Мы представляем более подробный анализ совокупности в статье «*Da propriedade intelectual à sociedade do conhecimento*», доступной на <http://dowbor.org/09propriedadeintelectual7out.doc>, а также предложения миру образования в статье «*O professor frente à Propriedade Intelectual*»: <http://dowbor.org/2011/08/o-professor-frente-a-propriedade-intelectual-7.html/>

¹¹⁸ Впервые после промышленной революции, менее 10% американских трудящихся заняты сегодня на мануфактуре. И поскольку половина трудящихся на типичном мануфактурном предприятии занято на типичных работах по предоставлению услуг, таких как дизайн, распределение и финансовое планирование, реальная часть трудящихся, занятых в производстве, может составлять только 5%. Есть ли о чем беспокоиться? Наша цифра в 10% была получена делением числа сотрудников мануфактуры, по оценке общего числа работающих (включая самозанятых, частично занятых и вооруженные силы) в 147 млн. В 1970 г. около 25% американских трудящихся работали на мануфактуре. Большинство в настоящее время работает в сфере услуг – в Америке занято около 80%. *The Economist*, October 1st 2005, p. 69. Интересно напомнить, что Мануэл Кастеллс (Manuel Castells) в своей работе «*The Rise of the Network Society*» предполагал в 1995 г., что число рабочих мест в 2005 г. в промышленности США уменьшится до 14%. Реальность, как всегда развивается быстрее, чем мы можем представить (стр. 223, т. I, Blackwell, Oxford 1996)

отрицательным и порождает путаницу в аналитике»¹¹⁹. Применяя методiku Иоакима Зингельманна (Joachim Singlemann), автор предлагает различать услуги по содействию производству (информатика, финансы...), распределительные услуги (транспорт, коммуникации и коммерциализация), общественные услуги (здравоохранение, образование и т.д.) и личные услуги (ресторанные, гостиничные, домашние...) и предлагает при более сложной экономике отказаться от парадигмы Колина Кларка (Colin Clark), разделявшего сектора на первичный, вторичный и третичный. По мнению Каstellса «такое деление превратилось в эпистемологическое препятствие для понимания нашего общества»¹²⁰.

Реальность такова, что, чем более развивается содержание знания различной деятельности, тем более скудной становится традиционная классификация. Но нас, в частности, интересует неопределенность, порожденная слишком обобщенным толкованием услуг, скрывающая важное явление, которым является их присутствие в экономической деятельности в целом, в социальной политике. Выше мы кратко отмечали эту совокупность деятельности. В данном случае нет стремления углубить их анализ, но внимательно рассмотреть некоторые особенности, оказывающие влияние на производственные отношения в секторе, и, последовательно, их экономический смысл¹²¹.

Прежде всего, напомним, что эта сфера деятельности является самой динамичной. Как мы увидели ранее, здравоохранение в США (совместно государственное и частное) представляет в настоящее время самый крупный сектор экономики страны, при 17% ВВП и дальнейшем росте, в то время, как промышленное производство составляет всего 14% и уменьшается. Каstellс ссылается на «резкое увеличение числа рабочих мест в области охраны здоровья и, в меньшей степени, в образовании»¹²². Если объединить здравоохранение, образование, культуру, местную безопасность и подобные, получится что-то около 40% всей совокупности рабочих мест. Существуют значительные вариации в зависимости от стран, можно обсуждать классификацию, но существует факт бурного роста и формирования новых производственных отношений.

Социальная деятельность имеет капиллярный характер. Здравоохранение должно достигнуть каждого человека, образование – каждого ребенка, как индивидуальное обслуживание, что обуславливает иные производственные отношения, отличные от тех, которые характеризуют фабрику со станками, рабочими, производителями, например, обувь, отправляемую в далекие супермаркеты. Здоровье нельзя хранить

¹¹⁹ “Under the term services are dumped together miscellaneous activities with little in common except being other than agriculture, extractive industries, utilities, construction, and manufacturing. The “services” category is a residual, negative notion, inducing analytical confusion”. – Castells, op. cit. стр. 77

¹²⁰ Castells, op. cit. стр. 206; Анита Кон (Anita Kon) предпринимает различные попытки классификации услуг в своей работе «*Economia de Serviços*», Ed. Campus, Rio de Janeiro, 2005, страницы 28 и последующие; классификация, являющаяся для нас наиболее убедительной, принадлежит Зингельманну, а сводная таблица находится на стр. 312 работы Каstellса.

¹²¹ Мы системно представили этот сектор деятельности во II т. нашей работы «*A Reprodução Social*» и в статье «*Gestão social e transformação da sociedade*». См. <http://dowbor.org> под рубрикой «Artigos Online».

¹²² Castells, op. cit. стр. 229.

на полках, ни перевозить в контейнерах. Качество образования зависит не только от школы, но от культурного климата в сообществах в стране, в том числе от телевизионных передач. Формы общественной организации, порождаемые этим типом деятельности, отличны от тех, что сформировались при фабричном производстве. А общественная деятельность является деятельностью ориентированной. Жизнь с хорошим здоровьем, образованием, культурой, безопасностью, а также время, чтобы ими пользоваться, - вот чего мы хотим от жизни.

Нет сомнений в том, что существует капиталистическая форма по предоставлению общественных услуг. Тем не менее, результатом является то, что вместо здравоохранения появилась индустрия болезни, вместо образования – индустрия диплома, вместо культуры – индустрия развлечений и т.д. В теории, если существует разумное сближение между целью получения прибыли и общественным удовлетворением, например, в материальном производстве, то пример булочника из Адама Смита (Adam Smith) присутствует всегда. В случае социальной политики две цели совпадают редко.

Обычно результаты катастрофичны. Президент Чили Рикардо Лагос открыл Международный Конгресс Латиноамериканского Центра Администрирования для Развития (CLAD) 2005 г., жалуясь на разрыв, произошедший между социальными услугами, приватизированными и роскошными для меньшинства, и государственными социальными услугами, имеющими недостаточно оборудования для громадной массы населения. Речь идет о сферах, которые должны работать адекватным образом, являться всеобщими, децентрализованными и при партисипативном контроле сообществ. Это сферы коллективного потребления, и они составляют общий уровень научной культуры страны, обеспечивающий прогресс всего целого. Не имеет смысла создавать роскошную лечебную медицину для богатых, если отсутствуют всеобщие системы вакцинации, профилактики заболеваний. Микробы, как и комары не придают значения размеру банковского счета.

С точки зрения производительности в использовании ресурсов, существует немного сомнений относительно их всеобщего разбазаривания, порождаемого приватизацией. В этом смысле существуют интересные соотношения. Норвегия затрачивает на здравоохранение 9,6% ВВП, при 8,0% в государственном секторе и 1,6% в частном; Канада также тратит 9,6% на здравоохранение, при 6,7% в государственном секторе и 2,9% в частном. Данные по США 14,6%, 6,6% и 8% соответственно. Норвегия занимает первое место по IDH, Канада – пятое, США – десятое. В компоненте здоровья в IDH США находятся на 33 месте. Расходы на здравоохранение в США в 2002 г. составляли 5.274 доллара на человека, в Канаде – 2.931 доллар¹²³.

---

¹²³ UNDP – *Human Development Report 2005* – стр. 219 и 236, таблица I, относительно IDH в целом, а таблица 6, относительно политики в сфере здравоохранения. На стр. 58 есть интересная вкладка о здравоохранении в США, из которой ясно, что США являются мировыми лидерами в расходах на здравоохранение, но с 2000 г. существует тенденция к снижению детской смертности (“infant death

В действительности эта сфера сильно зависит от кооперативных форм социальной организации. Когда в одной африканской стране перестали делать прививки против полиомиелита, эта болезнь, практически, находившаяся под контролем, стала распространяться вновь. Образование зависит от атмосферы, богатой и насыщенной информацией по всей территории, при наличии библиотек, театров, умного телевидения, интенсивной культурной жизни. Сама культура, преобразованная в *промышленность развлечений*, порождает пассивных и плохо информированных зрителей. Безопасность, преобразованная в промышленность вооружения ведет в тупик. В США 2,5 млн. человек находятся в заключении, у всех есть оружие, а преступность находится на высоком уровне.

Направление размышлений по использованию сферы общественных производственных отношений, типичных для промышленной эпохи, с частными системами, стремящимися к получению прибыли, приведет к разбазариванию средств, неравенству и насилию. Эта сфера требует децентрализованного, партисипативного государственного управления. Действующие частные учреждения являются некоммерческими фондами, как, например, крупные американские университеты. Частные коммерческие учреждения, включая те, что котируются на биржах, таких как Феникс (Phoenix), выдают много дипломов, но преподают мало науки. Интересно сопоставить университеты, котирующиеся на бирже, или планы медицинского страхования, контролируемые финансовыми компаниями с организацией «Детская Пастораль», которая в настоящее время работает более, чем в 3.500 муниципалитетах страны. Благодаря ее деятельности, уровень детской смертности в районах ее работы снизился на 50%, а число госпитализаций уменьшилось на 80%. Средства, затрачиваемые на одного ребенка, составляют в месяц 1,70 реала. Не существует плана медицинского страхования, при том, что изначально организация является частной, но она достигла этого соотношения затраты-результат. Так деятельность самого эффективного предприятия страны в социальной сфере не основана на конкуренции, но на системе сетевого сотрудничества.

Необходимым теоретическим обоснованием является систематический анализ секторов, составляющих социальную сферу, начиная от технических производственных отношений и, на их основе, перестраивая все общественные отношения. Таким же образом, как Маркс в XIX веке исследовал технические требования промышленного производства и их влияние на общественные производственные отношения, имеет смысл подумать о том, какой тип организации общества выстраивается социальной политикой. Как экономисты, мы далеки от ответа на этот вопрос. В Бразилии, в частности, был осуществлен (при почетном

---

rates first slowed and then reversed”). Из пожилых американцев 45 млн. не имеют медицинской страховки. Согласно Докладу, не имеющие медицинской страховки, не получают доступа к регулярному обследованию и имеют большие шансы попасть в стационарную клинику, что вызывает значительно большие расходы, как если бы они находились под контролем врачей. Данные за 2007 г. продемонстрировали, что США находятся на последнем месте среди развитых стран в области здравоохранения, хотя затрачивали по 7.290 долларов на человека. Голландия заняла первое место, хотя и затрачивала только 3.837 долларов (New Scientist, 26 июня 2010 г.) Частное здравоохранение, лечебное и стилистическое, является разбазариванием средств.

исключении) эпистемологический разрыв между экономистами, с одной стороны, серьезными людьми, занимающимися процентными ставками, обменным курсом, инфляцией и пр., и людьми с человеческим сердцем, работающими в социальной сфере, с другой. Крупные банки, тормозящие развитие и облагающие сборами всю нашу деятельность, собирающие плату за доступ к нашим собственным деньгам, представляются, как факторы роста, в то время как социальная сфера, напрямую занимающаяся тем, что мы хотим от жизни – здоровье, безопасность, культуру и т.д. – представляются, как «затраты». Этот мир стоит вверх ногами¹²⁴.

Для нас важнейшим является то, что механизмы, управляющие социальными сферами продолжают оставаться на обочине «мейнстрима» экономических исследований, как вспомогательные элементы процесса, когда речь идет о сфере, обычно занимающей вдвое или втрое больше места, чем деятельность, производящая продукты, ощущаемые физически.. Где работают социальные услуги, по капиллярности своей деятельности и коллективному характеру потребления породившие децентрализованные структуры и исключительно партисипативные, благоприятствующие формированию партнерства, а значит, являющиеся мощным общественным организатором, обогащающим экономической и социальной демократией существующие формы организации общества. Отсутствие исследований о стоимостях, создаваемых приватизацией социальных областей, вывело из сферы экономического обсуждения один из важнейших факторов, что наша страна является страной высокой стоимости и низкой системной производительности.

13 – Экономика времени

Время является нашим единственным невозобновляемым ресурсом. Его потеря нами самими или третьими фатальна. Все мы знаем, что *time is money*, но немногие задумываются о том, что они сравнивают. Время это период нашей жизни. Потерянные деньги можно восстановить. Но жизнь...

У Кейнса было весьма интересное представление о любви к деньгам: «Любовь к деньгам, как к могуществу, в отличие от любви к деньгам, как к средству получения удовольствия и жизненной действительности, будет признана, поскольку эту полукриминальную, полупатологическую слабость мы с дрожью веряем специалистам по болезням головного мозга»¹²⁵.

¹²⁴ В книге «*A Economia Social no Brasil*», изданной в 2003 г. издательством Senac, совместно с Самуэлем Килзстейном (Samuel Kilsztajn) при участии ряда авторов, мы попытались открыть больше каналов взаимоотношений между экономическим и социальным, глупо разделяемым с настоящее время. В самой сфере предпринимательства существует понимание, что необходимость становится все более ясной. В работе «*A hora da Desigualdade*», организация CEPAL приводит систематизированное представление о социальных сферах, как инвестиции и производство, но более не как затраты - <http://bit.ly/bqwYAh>

¹²⁵ John Maynard Keynes – *Economic Possibilities for our Grandchildren* – (1930), in *Essays in Persuasion*, W.W. Norton, New York, London, 1963, стр. 358 и последующие стр. В оригинале, “The love of money as a possession – as distinguished from the love of money as a means to the enjoyments and realities of life – will be recognised for what it is, a somewhat disgusting morbidity, one of those semi-criminal, semi-

Не то, чтобы мы не знали об экономической стоимости времени. Предприниматель точно учитывает время своих подчиненных, поскольку время его подчиненных вынимается из его кармана. Каттнер (Kuttner) рассказывает о визите, который он совершил в центр телемаркетинга, где девушкам дано право на паузу всего в две секунды между одним разговором по телефону и другим. По прошествии двух секунд начинаются вычеты. Документальный фильм «*The Corporation*» показывает предприятия, где операции швей крупных марок регистрируются до десятых долей секунды.

Пустая трата времени, возможно, является одним из самых мощных внешних факторов капитализма. Когда банк сокращает число обслуживающего персонала, и мы стоим в очереди, он уменьшает время на предоставляемые услуги, которые для него затратны, и увеличивает время, потерянное клиентами, которое ему ничего не стоит. Достаточно добиться того, чтобы другие банки действовали также, чтобы не создавать дурной славы. Автобусная компания предпочитает, чтобы автобус был заполнен, поскольку это улучшает соотношение пассажир/километр, даже если это будет означать время, потерянное пользователем, ожидающему на остановке. Когда мы звоним в службу услуг телефонной компании и целую вечность слушаем, насколько важен наш звонок для таинственного «мы», нет сомнений в том, что время нашего ожидания является затратами для нас, но не для «мы». Когда дома мы ожидаем прихода техника или посылку, нам сообщили, что мы должны находиться дома в рабочие часы, в любой момент. Делать нечего, мы, естественно, ждем, поскольку нам нужна услуга. Компания не указывает конкретного часа, потому что ей нужна бóльшая гибкость. Действительно, считается, что время компании бесценно, но, значит, время потребителя бесплатно.

Иметь время, чтобы заниматься приятными вещами, возможно, является важнейшей целью, когда мы организуемся, как общество. Иначе, нам надо развивать экономику времени от микроэкономической задачи, при которой компания считает наши секунды, до задачи макроэкономической, при анализе эффективности организованности нашего общества в результате расширения возможностей по использованию нашего времени.

Такое представление весьма очевидным образом сочетается с работами Амартии Сен, включающими понимание того, что бедность не обязательно является лишением права на определенные продукты, но также утрата возможности выбора. А выбор того, как мы пользуемся своим ограниченным временем, является основополагающим.

В работе Марсело Тральди (Marcelo Traldi) есть анкета об использовании времени семьями среднего класса, которая позволила сделать интересные выводы, как, например, профессионал определяет, как часы досуга, то время, когда он удобно

---

pathological propensities which one hands over with a shudder to the specialists in mental disease” (стр. 369).

устроившись дома, читает хорошую техническую книгу. Такая же деятельность в офисе считалась бы работой или даже самопожертвованием¹²⁶.

Мы унаследовали еврейско-христианскую традицию о страдании под тяжелым грузом добродетели. Чем больше страдаем мы в жизни, тем больше заслуживаем некоторого поощрения в этой жизни или в будущей. В действительности, создавать хорошую вещь, применять нашу способность к изобретательству никогда не являлось страданием. Журнал «*Business Week*» в центральной статье номера о Линуксе (Linux) высказывает удивление количеством людей, способствующих созданию и развитию бесплатного программного обеспечения, ради удовольствия создать нечто лучшее и полезное. И наоборот, безработный может, без сомнения, впасть в отчаяние из-за своих трудностей содержать семью. Но также моно почувствовать отчаяние – и это, в частности, справедливо в отношении молодых людей – если не внести своего вклада, не принять участия в каком-либо общественном процессе.

Экономика времени не существует, как научная дисциплина, но, тем не менее, она важная. Ее основанием является предпосылка о том, что время, как экономическая категория не сводится ко времени оплаченной производственной деятельности. Разумное использование времени в его различных проявлениях: во сне, чтобы восстановить силы, в развлечениях, чтобы восстановить нашу внутреннюю уравновешенность, при уходе за детьми, при посадке цветов в саду, в разговоре с друзьями, при ощущении совершения чего-то полезного в комфортной рабочей обстановке – все это составляет конечную цель: качество жизни. Мы не говорим о том, чтобы включить наш отдых и удовольствие от реализованного в экономическое безумие. Наоборот, мы стремимся показать стоимость того, что значат для нас плохо организованные экономические процессы, и защитить право на наше время.

Вернемся к работе Кейнса. Оценивая в 1930 г., какой должна стать жизнь его внуков, представив, что мы располагаем разумом, чтобы использовать технологии и прогресс производительности, чтобы меньше работать, он писал: «Трехчасовые смены или пятнадцатичасовая рабочая неделя могли бы решить проблему на продолжительный период. Трех часов в день достаточно, чтобы удовлетворить старика Адама, живущего внутри нас». Естественно, были технологические прорывы, которых он не мог предвидеть, но которые превзошли то, что он мог себе представить. И, тем не менее, мы убиваем себя работой¹²⁷.

В этой иррациональности есть и сюрреалистическое измерение, которое включает скверное распределение сил. Часть общества впадает в отчаяние из-за излишка работы, а другая часть из-за того, что не может получить работу. Минимальный

¹²⁶ Marcelo Traldi Fonseca – *Para onde vai o nosso tempo? Estudo exploratório sobre a utilização do tempo livre* – Dissertação de Mestrado em Administração, PUC-SP, 2004; см. <http://dowbor.org> под рубрикой “Pesquisas Conexas”.

¹²⁷ Keynes, op. cit. – “Three-hour shifts or a fifteen-hour week may put off the problem for a great while. For three hours a day is quite enough to satisfy the old Adam in most of us!” – Старик Адам, естественно, это тот, кто потом зарабатывает себе на хлеб.

здоровый смысл при распределении усилий, в этом смысле, является одной из главных целей общественного управления. В смысле регулирования экономики времени мы приходим к выводу, что рынок является структурно недостаточным механизмом при размещении трудовых ресурсов, требуя управляемых системных решений. В этом утверждении нет ничего нового. Но в представлении, которые мы здесь предлагаем, придавая экономическую стоимость общественному времени, безработица перестала бы рассматриваться, как положение жалкого отчаяния, в которое попали бедняги, не получившие дипломов и «способности к трудоустройству», но являющиеся лишь обузой для общества: стоимость зря потраченного времени может быть гораздо большей, чем стоимость организационных мер для обеспечения всех полезным трудом¹²⁸.

Другое измерение экономики времени включает нерациональность процесса накопления. Если взглянуть на время, как на экономическую категорию, а, значит, на разбазаривание общественного времени, как на затраты, следует подумать, например, над тем, как решить нашу транспортную проблему. Мы много работаем, чтобы заработать деньги и купить машину. В городе Сан-Пауло, из-за драматической нехватки общественного транспорта, каждый стремится иметь автомобиль. Практическим результатом, как мы видели выше, является то, что мы едем со средней скоростью 14 км/ч. Как мы видели выше, исследования организации «Наш Сан-Пауло» показали, что житель города в среднем теряет два часа и сорок минут в день на транспорт. Мы садимся в машину и останавливаемся в пробке. Тратим бензин, платим по страховому полису, за ремонт, за парковку, за лечение, не говоря о штрафах и, возможно, на психолога и на транквилизаторы, которые он нам рекомендует.

После того, как мы перепутали средства и цели, мы путаем использование нашего времени со всегда авансированным счастьем. Главной целью является «цена», за которой мы гоняемся. Это повышение качества жизни большинства, в том числе наших детей и внуков. Это качество жизни включает, например, возможность плавать в бассейне или в конце недели отдыхать на даче и т.д. Но должны ли мы быть исключительными владельцами этих инфраструктур? В действительности, мы долгие годы трудимся, чтобы заплатить за них и всегда переоцениваем текущие расходы, которые они порождают под видом содержания, налогов и др. Если мы оценим рабочее время, необходимое, чтобы приобрести их, затраченное рабочее время, чтобы содержать их, и время, которое мы ими пользуемся, мы поймем, почему у нас не хватает времени. Мы увидим, что гораздо практичнее рассчитывать на общественные решения. В Торонто, например, есть бесчисленное количество общественных бассейнов, а также школьных спортивных сооружений, открытых для всех. Человеку не надо думать о том, каков уровень pH воды, если хлор был закуплен, если смотритель бассейна получает зарплату. Вы просто надеваете джинсы, садитесь на велосипед и едете в бассейн, где встречаетесь с

---

¹²⁸ На эту тему классической является книга Ги Азнара (Guy Aznar) «*Trabalhar menos para trabalharem todos*». Предисловие Адре Горца (André Gorz). Кейнс выступал против «громкой аномалии безработицы в мире, полном потребностей».

друзьями, где ваши дети могут вдоволь накупаться, поскольку существует муниципальная служба защиты и т.д.

Когда мы разделим стоимость инфраструктуры досуга между всеми гражданами, они становятся очень скромными. При этом не надо постоянно впустую тратить деньги и время, чтобы организовать приятное времяпрепровождение. Мы не говорим о разбазаривании потребления, но о его разумной организации. При дополнении общественного времени экономическим элементом, изменяется логика общественных инвестиций. Когда мы разбираем биографию средней семейной пары, принадлежащей к среднему классу, впечатляет тот отрезок времени, когда люди буквально убивают себя работой, чтобы приобрести все эти вещи, а потом, освободившись, восстановить свое право на деньги и время, потраченные в пути.

Как оценить стоимость общественного времени? Просто идти по самому простому пути. Например, ВВП города Сан-Пауло составляет 320 млрд. реалов. На население 11 млн. человек это дает по 29 тыс. реалов в год на душу населения. В час это составляет 3,30 реала. С этими данными мы можем подсчитать стоимость потраченного времени. Один час, потерянный в пробках на 6,5 млн. человек, которые каждый день ездят на работу, составляет 21 млн. реалов, потерянных ежедневно. Можно подтвердить эти расчеты разными способами, но, самое главное, надо понять, что наше время не бесплатно, и когда кто-то его тратит, это надо учитывать¹²⁹.

Этому могут быть весьма практические возражения. Подсчитав стоимость одного километра метро, один из кандидатов в префекты Сан-Пауло решил, что это очень дорого. Вышло около 100 млн. долларов за километр. Предположим, что хорошо развитая сеть метро в среднем на переезд экономит полчаса для экономически активного жителя Сан-Пауло. Выходит 21 млн. реалов, сэкономленных в день. Этого достаточно, чтобы оплачивать строительство одного километра метро каждые 20 дней¹³⁰.

Имеется настоящий выброс исследований, по мере того, как глупость пустой траты основного невозобновляемого ресурса нашей жизни становится все более очевидной. Роберт Путнам (Robert Putnam) сожалеет, что «одним из необходимых последствий того, как мы организуем свою жизнь в пространственном понимании, является то, что каждый день мы тратим больше времени, перемещаясь в металлических коробках между вершинами наших частных треугольников. Взрослые американцы в день проводят за рулем в среднем 72 минуты, согласно

¹²⁹ Стивен Дэвис, в США, исходил из средней величины почасовой зарплаты, после выплаты налогов, и перечислял это время на досуг, что составило 13,2 долларов. Выигрыш в 5 часов в неделю означал 3.300 долларов на работающего в год. Журнал «The Economist», 4 февраля 2006 г., стр. 29.

¹³⁰ В других работах мы использовали другие похожие расчеты. В данном случае важна не точная цифра, а понимание того, что наличие времени для жизни является важнейшей ценностью, а экономическая рациональность должна сэкономить наше время, а не разбазарить его. Для более детального проведения расчетов для Сан-Пауло см. наши технические примечания в работе «*O valor econômico do tempo livre*», 2010 г., на <http://dowbor.org/10valordotempolivre.doc>

данным Исследовательского Департамента Личного Транспорта. Это составляет, согласно исследованиям ежедневного использования времени, больше, чем мы тратим на приготовление пищи и питание. Это в среднем вдвое больше того, что родители тратят на воспитание детей. Поездки на личных автомобилях составляют около 86% всех поездок в Америке. Две трети поездок на машинах осуществляются в одиночку. И этот процент постоянно увеличивается»¹³¹.

Косвенным воздействием данного процесса является растущая изоляция, в которой мы живем. Путнам настаивает на том, что это влияние на общественное взаимодействие, которое оказывают поездки на работу на личном транспорте, так называемый «*commuting*». С одной стороны он констатирует, что «каждые дополнительные 10 минут, затраченные ежедневно на *commuting*, уменьшают вовлеченность в сообщество на 10% за счет меньшего участия в собраниях». С другой стороны, он утверждает, что другим любопытным фактом является то, что речь не идет просто о времени, проведенном в машине, но о фрагментации пространства между домом и местом работы, что также плохо для жизни сообщества». В Бразилии нам хорошо знаком этот феномен, когда растут спальные города, как и любое воздействие в смысле культурной бедности, преступности и др.

Сам по себе этот процесс весьма интересен. Когда мы думаем о свободном времени, как социально-экономической категории, мы переходим к современному представлению об экономике, сфокусированной на конечном результате, на качестве жизни. Говоря экономически, это означает, что мы наделяем время большей значимостью, чем прямому найму на работу. При этом компании считают его бесплатным, так как не несут никаких затрат. Время, посвященное общественно-полезным мероприятиям не имеет денежного выражения. Это забота о семье, уход за нашими садами, посадка деревьев на улицах и т.д. При этом мы избегаем, чтобы действующие экономические механизмы привели к его пустой трате.

Также весьма значительным является вмешательство в наше сознательное время. Например, стоимость рекламы учитывает затраты различных СМИ, распространяющие рекламные сообщения. Тот факт, что рекламное сообщение вторгается в программу, которую я смотрю, заставляет меня действовать пультом, перескакивая от одной глупости к другой на разных каналах. Это потеря времени. Кто платит за это время, за отдых, которого меня лишают? Естественно, рекламные менеджеры скажут, что они сами «представляют» программу. Поскольку немногие разбираются в экономике, этот аргумент проходит. В действительности, стоимость рекламы включается в цены самых разнообразных продуктов. Когда конкурент дает рекламу своего продукта, другой конкурент отвечает, чтобы не потерять ни одного кусочка рынка. В звучащей какофонии никто не обращает внимания, но никто не выходит из процесса. Это традиционный возглас «Сядь!», который выкрикивают болельщики на стадионе, так как никто не может сесть в одиночку,

---

¹³¹ Robert D. Putnam – *Bowling Alone: the Collapse and Revival of American Community* – Simon and Schuster, New York, 2000, стр. 212

поскольку не увидит игры. Что же здесь теряется кроме наших денег? Как мы видели выше на примерах Жюлиет Шор, это наше время.

Воздействие на наше сознательное время, когда мы могли бы сделать что-то, что нас бы порадовало, или было бы полезным – это имеет цену. Даже если мы хотим быть хоть немного спокойными, например, слушая музыку, нас постоянно отвлекают от этого рекламными объявлениями. Мы могли бы не обращать внимания на рекламу, но мы не так устроены: мы такие, что всегда обращаем внимание на то, что происходит вокруг нас. Именно это и позволяет им осуществлять их вмешательство. В результате возникает напряженность между тем, что мы хотим делать сознательно и постоянным вмешательством ненужных сообщений. Речь буквально идет о мусоре, который мы должны выбрасывать каждое мгновение. Это утомительно. Американцы называют эту напряженность «сенсорной перегрузкой». Всем нам она стоит денег, порождает усталость и общее ощущение назойливости потребления. Стоит ли нам платить за это?

Кажется, что люди все время обращают внимание друг на друга. Есть симпатичная книга Эдуардо Жианетти (Eduardo Gianetti) под названием «*Felicidade*». Кто бы мог представить, что экономист думает об этом? Замечательная книга написана Бруно С. Фреем (Bruno S. Frey) и Алоизом Стуцером (Alois Stutzer) «*Happiness and Business*». Особенно интересна работа Тима Кассера (Tim Kasser) «*The High Price of Materialism*», которая представляет множество исследований об соотношении уровня удовлетворения жизнью и ориентацией на накопление материального богатства. Росиска Дарси написала приятную книгу «*A Reengenharia do Tempo*».

Демократизация экономики представляет значительно больше, чем новый политический баланс: она представляет понимание чувств вещей, новую встречу экономических и человеческих целей. Очевидно, существует *психопатология экономики*, которую забыл описать Фрейд, но она проявляется на апоплексическом лице водителя, который ругает другого, или на усталом лице работающей женщины. Жизнь не должна быть глупой. Технологии не должны нас поработить. Но происходит именно это.

Нашей целью является не перечисление пробелов в экономической науке, но демонстрация того, при помещении во главу угла экономических итогов ценностей, которых мы желаем, в частности, качество жизни, как экономические категории, возникают сферы, которые мы обычно не учитываем. Сохраняя традицию исследования досуга и свободного времени по Лафаргу (Lafargue), по Расселлу, а позднее, по Де Мазе (De Masi), мы начинаем отдавать отчет ожиданиям, которые мы имеем, как человеческие существа. Придать экономическую ценность свободному времени является практической формой потребовать от субъектов экономики время, которое они заставляют нас тратить. Это форма, чтобы спасти право на время, не считающееся экономическим. Экономика является лишь средством, целью является жизнь. Подчинить корпорации нашим человеческим целям, вместо того, чтобы принять них призыв к бессмысленной гонке – это имеет смысл.

14 – Экономическая теория устойчивого развития

Кажется весьма странным, но сущность экономической теории, с которой мы работаем, не учитывает снижения капитализации планеты. С точки зрения практики, домашнего хозяйства, мы живем, как бы продавая мебель, домашнее серебро и считая, что на эти деньги можно хорошо жить и что, поэтому мы хорошо сохраним наш дом. Мы разрушаем почву, воду, жизнь в морях, растительное покрытие, запасы нефти, озоновый слой, сам климат, но при этом мы учитываем только индекс роста.

Выше мы видели, в пункте «Измеряя результаты», что предприняты разнообразные инициативы по изменению учета, чтобы показать создающееся снижение капитализации. При этом нас интересует искажение экономических теорий и необходимая переориентация. Экономическая наука сконцентрировалась на различных инструментах, позволяющих работать экономическому механизму и регулировать его ритм: инвестиционный индекс, налоговый индекс, индекс инфляции, динамика занятости, платежный баланс, уровень задолженности и последующий индекс роста. Естественно, что нас это заботит, поскольку, если машина не работает, то мы никуда не доедем. Тем не менее, все большее число людей задает очевидный вопрос: куда мы едем?

Снова речь идет о том, что мы должны иметь системное долгосрочное представление. «Мейнстрим» экономики наложил запрет на долгосрочную перспективу и видение целого, чтобы не ставить перед собой неприятную проблему структурного воздействия нашего развития. Адам Смит с теорией разделения труда, Мальтус с анализом демографической динамики, Маркс с анализом преобразования производительных сил, Шумпетер с анализом динамики технологического обновления исследовали реальность, ставя во главу угла рассуждений структурирующие или реструктурирующие элементы экономики. Они могли ошибаться в прочих выводах, но категории, которые они использовали, показали им структурную динамику.

Одной из самых благодатных инноваций для обновления экономической науки стала такая группа, как Римский Клуб, который даже ошибаясь в проектировании, поставил на повестку дня вопрос о представлении целого и на длительную перспективу. Тысячи исследователей занялись организацией точных цифр. А главным ориентиром теоретического обогащения в этом направлении была, без сомнения, озабоченность ухудшением ситуации, а кое-где разрушением, окружающей среды. Очень важно вспомнить, что еще недавно в отношении экологической тематики звучала отрицательная реакция, как группы руководителей указывали на славное будущее каждого шага технологического развития, пока «зануды» настаивали, вскрывая негативные стороны. Возможно, одной из самых трагических граней неолиберальной экономики и самой инфантильной с научной точки зрения, является факт указания на производство (рост ВВП), делая вид, что затраты отсутствуют (снижение капитализации планеты, поляризация между богатыми и бедными, общее разбазаривание ресурсов, беспорядок в общественных отношениях). Когда мы ограничивали наши

исследования количественным сравнением с предыдущим кварталом, с тем же кварталом предшествующего года, производство коммерческих ценностей и услуг, действительно, становится возможным пренебречь многим.

Впечатляет, что еще остается Доклад Брутенда (Relatório Brundtland), двадцать лет спустя его подготовки. Это является результатом не только точного анализа, но также благодаря тому, что структурные проблемы не изменяются от ночи на день. «Увиденная из космоса, Земля является хрупким и маленьким шаром, над которой царят не действия и работа человека, но упорядоченная совокупность облаков, океанов, растительности и почвы. То, что человечеству не удается действовать в соответствие с этим естественным порядком вещей, коренным образом изменяет планетарные системы. Многие из этих изменений несут угрозу жизни. Это новая реальность, от которой не возможно убежать, ее надо признать и встретить лицом к лицу». Таким образом, понимание должно быть системным¹³².

Что касается долгосрочности и структурного воздействия, Доклад красноречив: «Мы пользуемся экологическим капиталом, взятым взаймы у будущих поколений, не имея никакого намерения или перспективы, вернуть его... Эффекты нынешнего расточительства быстро ликвидируют выбор будущих поколений. Многие лица, ответственные за принятие решений, умрут, до того, как планета почувствует самые серьезные результаты кислотных дождей, потепления Земли, уменьшения озонового слоя, общего запустынивания или исчезновения видов».

Оглядев нашу планету с точки зрения видения общего и долгосрочности, авторы, естественно, пришли к выводу о необходимости включения в исследование социального измерения экономических процессов: «Бедность является одной из основных причин и одним из основных последствий экологических проблем в мире. Поэтому бесполезно пытаться очертить эти проблемы без более широкой перспективы, которая бы включала вопросы, присущие мировой бедности и международному неравенству... Экология и экономика все более связаны в рамках отдельных мест, регионов, национальных территорий и всего мира в единую сеть причин и следствий»¹³³.

Таким образом, интересно посмотреть, смогут ли экологическая теория и представление об устойчивом развитии вернуть экономическую науку на ее истинный курс. Установив необходимость видения целого, преодолев узкий экономический взгляд, мы стали вновь понимать взаимосвязь процессов общественного переустройства. Учитывая долговременную перспективу, мы сохранили как структурные требования, как и историческое понимание. Это неизбежно ведет нас к необходимости сохранения ценностей, целей всего этого. А

¹³² CNUMAD (Комиссия ООН по Экологии и Развитию) – «*Nosso Futuro Comum*» - FGV, Rio de Janeiro, 1988, стр. 1 - Это исследование также известно, как Доклад Брутенда, по имени Гро Брутенда (Gro Brundtland) который координировал работу. Великолепное и актуализированное представление, как о проблемах, так и об альтернативах может быть найдено у Лестера Брауна (Lester Brown) в работе «*Plano B 4.0*» от 2010 г., полностью доступной «он-лайн» на http://www.worldwatch.org.br/plano_b.pdf. В настоящее время базовая работа по этому вопросу.

¹³³ Idem, цитаты взяты со страниц 4 и 8 Доклада.

определение ценностей и общественных целей являются неизменными политическими ориентирами, нуждающимися в решениях, принятых демократическим путем.

Книга Эдварда Вильсона (Edward Wilson) «*O Futuro da Vida*» прежде всего красивая. В ней содержатся все данные о нашей экологической драме, но текст течет, а автору удается дать хорошую информацию и заставить нас полюбить тему. Образ, результатом которого становится понимание общего в нашей экологической проблематике, очень богат.

Вильсон не является мечтателем, противником технологии. Но он признает проблемы, которые эта технология породила, а также необходимость ее помощи нас, чтобы их решить. Одной из упомянутых проблем является наш след (*footprint*): человек, чтобы выжить, занимает пространство своего жилища, пространство, которое он обрабатывает и другие, в целом составляющие 2,1 га на человека в мире в среднем. Североамериканцу требуется больше – 9,6 га. Если следовать за американской моделью, уже сегодня нам бы понадобились 4 планеты Земля.

Истина в том, что мы сильно запоздали, чтобы отдать себе отчет о трудностях, с которыми мы столкнулись: «До сих пор человечество выполняло роль разрушителя планеты, озабоченное собственным сиюминутным выживанием... Мы знаем, что должно быть сделано, возможно, и успеем сделать вовремя»¹³⁴.

Таким образом, экологическая тематика приводит нас к проблеме ценностей, «зачем?» в нашей деятельности: «Как в случае всех крупных решений, это вопрос морали. Наука и технология являются частью того, что мы можем сделать, а моралью является то, что мы соглашаемся с тем, что мы должны или не должны сделать. Этика, являющаяся источником моральных решений является нормой или моделью поведения, основанного на одной ценности, а ценность, в свою очередь, зависит от целей. Цели, личные или глобальные, происходящие из сознания или записанные в священных книгах, выражают наш образ и образ нашего общества. В целом, этика развивается поэтапно, от собственного образа к цели, к ценностям, к этическим предрассудкам и моральному умозаключению»¹³⁵.

Мы вновь возвращаемся к центральной теме представлений Селсо Фургадо о ценностях занимающих главное место в экономической конструкции. Экономическая теория присутствует в работе Вильсона, но он отдает себе отчет о том, насколько она отдалена от реальности: «В исследовании, опубликованном в 1998 г. Норман Майерс (Norman Myers) и Дженифер Кент (Jenifer Kent) из университета Оксфорда оценили мировые субсидии сельскому хозяйству в 390 – 520 млрд. долларов, 110 млрд. на ископаемое топливо и атомную энергию и 220 млрд. на воду. Эти и другие комбинированные субсидии превышают в сумме 2

¹³⁴ Edward O. Wilson – *The Future of Life* – Alfred A. Knopf, New York 2002 – “Humanity has so far played the role of planetary killer, concerned only with its own short-term survival... We know what to do, perhaps we will act in time”. – стр. 102; I. Сакс, в свою очередь, перефразирует Обаму: “Yes, we can... We still can”, пока еще можем.

¹³⁵ idem, стр. 130

трлн. долларов, бóльшая часть которых наносят ущерб как нашей экономике, так и нашему правительству. Средний американец платит две тысячи долларов в год на субсидии, развенчивая веру в то, что американская экономика работает, как конкурентный, действительно свободный рынок»¹³⁶.

Процесс особенно жесток, поскольку извлекая капитал, который нам оставила природа, корпорации получают прибыль из ценностей, которых они не создавали, производя лишь их добычу. Никто не потребует от них возмещения разрушенного капитала. Наоборот, мы еще выдаем им субсидии, порождая в целом обстановку непомерных прибылей, которая позволяет им занимать все большее пространство в политической власти, деформируя этими действиями демократические процессы.

Экологический вопрос, таким образом, заставляет нас пересмотреть экономическую парадигму. На одном международном семинаре, организованном Senac, об управлении водой, эта проблематика предстала очень ясно: вода является бесплатной ценностью, превращаемой в ценность экономическую, когда ее перестает хватать, и, являясь базовой ценностью по своему характеру, как в связи с прямым потреблением людьми, так и для производственных процессов, требуются формы регулирования ее использования. Тот, кто загрязняет воду, уменьшает всеобщий доступ к ней, но делает более прибыльным владение ей, порождая порочный круг. Экономические механизмы не могут решить этой проблемы. Нам требуется соответствующая политика, институциональные решения, социальное регулирование.

Базовые данные следующие: производство одного килограмма пшеницы требует тысячу литров воды, один литр молока требует две тысячи, один килограмм сахара – три тысячи, один килограмм риса – до пяти тысяч. Производство хлопка для пошива одной майки составляет семь тысяч литров, двадцать пять гамбургеров – одиннадцать тысяч, килограмм кофе – двадцать тысяч. По мнению Фреда Пирса (Fred Pearce) «мир производит вдвое больше продуктов питания, чем одно поколение назад, но тратит для этого в три раза больше воды (...) International Water Management Institute (IWMI) считает, что в Индии добывается 250 кубических километров грунтовых вод, примерно на 100 кубических километров больше, чем выпадает с дождями». Практическим результатом является то, что огромные запасы воды, накопленные веками, быстро уменьшаются. Там, где раньше были колодцы применяются насосы, выкачивающие воду со все бóльших глубин. Там, где в колодцах вода находилась не глубине в 10 метров, сегодня надо углубляться до 400 м, но и там уже бывает сухо. Небольшие современные насосы, которые индивидуальные сельхозпроизводители покупают в Индии, выкачивают

---

¹³⁶ Idem стр 184 – цитируемая работа Нормана Майерса и Дженифера Кента «*Perverse Subsidies: how tax dollars can undercut the environment and the economy*», Washington, Island Press, 2001 г. Вильсон, рассматривая поведение корпораций, для которых мы стараемся подготовить хороших экономистов, определенно встает на их сторону: «Рискуя оказаться политически корректным, я завершаю (эту книгу), отдавая дань уважения протестным группам... Группы протеста являются системой привлечения внимания к природной экономике. Это иммунологический ответ живого мира. Они просят, чтобы мы их выслушали» (стр. 188)

12 кубических метров в час. Умножьте это на миллионы сельхозпроизводителей...»¹³⁷

Логика системы безупречны. Один фермер сказал на интервью: «Да, я озабочен тем, что вода может исчезнуть, но что я могу сделать? Мне надо жить, и если я не качаю воду, это сделаю мои соседи». Пирс комментирует, что все имеют неограниченный доступ к оборудованию, и перепроизводство практически неизбежно. Это классический случай трагедии с общими ценностями».

Тушаар Шах (Tushaar Shah) из IWMI «считает, что Индия, Китай и Пакистан совместно выкачивают, возможно, около 400 кубических километров подземных вод в год, что вдвое превышает возмещаемое дождями... «За пределами Азии аналогичные революции происходят в населенных странах, как Мексика, Аргентина, Бразилия и Марокко. Даже США опустошают бесценные запасы грунтовых вод, чтобы производить зерновые и мясо для экспорта».

Международный масштаб становится очевидным: «Без нашего ведома, большая часть богатого мира импортирует урожай, произведенный за счет излишней добычи подземных вод – хлопок из Пакистана, рис из Таиланда, томаты из Израиля, кофе из Эфиопии, даже апельсины из Испании и сахар из Австралии».

Эти вычисления радикально изменяют форму подсчетов нашего потребления воды. «Типичный западный человек, с его мясоедством и расточительством молока, в день потребляет воды в сто раз больше своего веса».

Есть ли альтернативы? Любопытно, что надо несколько вернуться назад. Раньше индийцы строили многочисленные небольшие плотины, чтобы удерживать воду в долинах, что усиливало насыщение ей почвы и наполняло подземные слои. Небольшие водохранилища, созданные таким образом, называются «*tanka*». Это название англичане стали использовать, как «*tank*», которое в португальском языке стало «*tanque*», а в русском «танк». (Слово «*tanque*» в военном смысле стало использоваться в 1915 г., как кодированное название нового оружия).

Процесс был переименован в «водосбор» (*water harvesting*): «В разных районах Дели, где старые «*tanka*» и пруды были чистыми, мусор убран, накапливается вода питающая подземные слои. Эта столица могла бы получать треть необходимой воды, собирая дождевую воду».

Этот процесс требует очевидной коммунитарной организации. По мнению Шаха, «в Индии важным фактором является коммунитарный контроль. Немногие индивидуальные фермеры могут успешно собирать воду и содержать ее под землей, она немедленно уйдет в более просторный резервуар. Но, если этим

---

¹³⁷ Fred Pearce – *When Rivers Run Dry* – Beacon Press, New York, 2006, 320 p. (in *New Scientist*, 25 February 2006); Журнал «*New Scientist*» можно найти по www.newscientist.com. Об инициативах ASA см. www.asabrasil.org.br, см. также исследования Лестера Брауна (Lester Brown) о «пищевом пузыре», который лопнет в связи с перепроизводством воды. www.earth-policy.org/indicators/water/2006.htm

занимается вся деревня, результаты бывают великолепными. Слои воды поднимаются, оживают пересохшие ручьи, появляется вода для орошения, преобразующая плодородность полей».

По мнению Шаха, движение за сбор дождевой воды «мобилизует энергию общества в масштабе и с интенсивностью, которые могут стать самым эффективным ответом на экологический вызов в любом районе планеты». Такое представление также служит напоминанием первых усилий ASA (управление полужасушливым), почти тысячи организаций гражданского общества, которые борются с засухой, собирая воду в цистернах.

С точки зрения экономической теории, этот пример важен. В обобщенном представлении экономического «мейнстрима» всегда присутствует образ булочника Адама Смита, который, чтобы увеличить собственную конкурентоспособность должен был производить больше хлеба, хорошего качества, по лучшей цене, в противном случае появились бы другие булочники. Так, когда каждый ищет свой интерес, это выражается в росте всеобщего блага. Такой подход действителен в отношении булочной и той эпохи. Тем не менее, в случае индийского сельхозпроизводителя, который мы рассматривали ранее, такие умозаключения приводят к иным результатам. Главным аргументом является то, что он должен в любом случае кормить свою семью. Его соседи также извлекают воду из тех же слоев. Иначе говоря, каждый стремится к своему интересу, поэтому результатом является всеобщий тупик, поэтому основное умозаключение «мэйнстрима» совершенно преобразуется. Решения появляются при коммунитарной инициативе по защите общего блага, при предпочтении парадигме сотрудничества относительно парадигмы конкуренции. Дороги переменялись.

В теориях возникает громадная лакуна: экономика общего блага. При представлении книги об управлении водой, мы подчеркнули этот новый вызов: «Мы знаем, как управлять обувной или автомобильной компанией, знаем, как организовать министерство, но со стороны многочисленных общественных благ, *commons*, мы становимся все более уязвимыми и несостоятельными. Надо начать дискуссию об инновационных формах управления, которые бы одновременно обеспечили экономическую состоятельность, сбалансированный подход и экологическую стабильность»¹³⁸.

И вновь заметим, что хорошим материалом, дающим представление об экономике стабильности и устойчивости, является работа Германа Дали. В своей книге «*Beyond Growth*» Дали характеризует экономику устойчивого развития, как основанную на иных целях: развитие должно быть *устойчивым*, или иначе, должно быть обусловлено масштабом, который планета может выдержать в течение длительного времени. Это, в свою очередь, требует, чтобы мы проявляли уважение к представлению о *достаточности*, поскольку мы не можем увеличивать неопределенность в нашем потреблении, не разрушая основы воспроизводства, мы

---

¹³⁸ Ladislau Dowbor e Renato A. Tagnin (Orgs.) – *Administrando a água como se fosse importante* – Senac, São Paulo, 2005, стр. 12

должны обеспечивать *эффективность* в использовании ресурсов, чтобы уменьшить негативное влияние и снизить впечатляющую расточительность в нашей нынешней форме экономической организации. Мы также должны обеспечить *справедливость* при распределении, чего рыночные механизмы не гарантируют¹³⁹.

Традиционно, теории, посвященные эксплуатации и неравенству, концентрируются на проблеме распределения. Это, без сомнения, вопрос центральный: капитализм, в том, что мы о нем знаем, рассудительно размещает ресурсы в производстве, но не умеет заниматься распределением, где наоборот преобладает тенденция к концентрации власти, усиливающей концентрацию доходов. Или, система является структурно незавершенной, поскольку распределение является тем, что завершает цикл воспроизводства через потребление. Но следует идти дальше. По словам Дали, «неспособность рынка решить проблему создания оптимальной или, по крайней мере, приемлемой шкалы принимается во внимание далеко не всеми». Таким образом, «решения, оказывающие влияние на устойчивое развитие должны быть открытыми и позволять осведомленное участие затрагиваемых и заинтересованных сторон»¹⁴⁰.

Боб Гудзвард (Bob Goudzwaard) и Гарри де Ландж (Harry de Lange) расширяют это понятие «оптимальной шкалы». Каждый раз становится все более понятно, что расширение спроса ведет нас в тупик в смысле экологического истощения планеты, роста неравенства, социальной разобщенности. Таким образом, на обсуждение предлагается важная проблема: что означает достаточно? Это представление исходит из факта, что «из-за нашего общественного побуждения к достижению все большего, мы напрямую наносим ущерб нашему благосостоянию. Нам требуется новое представление о жизни, понимание, при котором слово ‘достаточно’ (*enough*) играет положительную роль. Внедрение такого представления создает новые возможности для соседских взаимоотношений (*neighborliness*), для демонстрации нашей озабоченности своим состоянием, чтобы было больше времени, доступного в нашей гонке. Такое представление позволит не только освободить бедных, но также и богатых». Мы говорим о необходимости восстановления утраченной очевидности: «не люди для производства, а производство для людей»¹⁴¹.

Здесь мы не пытаемся вкратце представить некоторые проблемы окружающей среды, мы пытаемся разъяснить важность экологической проблематики для переосмысления понимания экономической науки. Здесь опять идет речь о том,

¹³⁹ Herman E. Daly – *Beyond Growth: the economics of sustainable development* - Beacon Press, Boston, 1996 – особенно обратите внимание на стр. 50 и 224.

¹⁴⁰ Idem стр. 50: “The market’s inability to solve the problem of just distribution is widely recognized, but its similar inability to solve the problem of optimal or even sustainable scale is not as widely appreciated”. Финальный документ Рио+20, параграф 47, подчеркивает важное значение *corporate sustainability reporting*, *The Future we Want*, июль 2012. Жизненно важно, чтобы корпорации начали предоставлять информацию об их влиянии на экологию.

¹⁴¹ Bob Goudzwaard and Harry de Lange – *Beyond Poverty and Affluence: toward an economy of care* - WCC Publications, Geneva, 1986, стр. 159 и 74. Книгу предваряет предисловие Мориса Стронга (Maurice Strong), который координировал Есо-92 в Рио-де-Жанейро. См. также замечательное исследование «*What Next?, no Development Dialogue*», июнь 2006 г., Dag Hammarskjöld Foundation.

чтобы констатировать, что исследования, исходящие из конкретных проблем, как устойчивость, ведут к перестройке экономики на более прочной основе, как концентрация на возникающих реальных опасностях, на желаемых результатах, на ценностях, которые служат им опорой и на необходимых механизмах для их осуществления. И серьезное включение в исследование и в экономику экологического измерения, а не легкое прикосновение «зеленого» в некий предпочитаемый предмет, предполагает полное понимание различных тенденций в совокупной проблематике.

Кеннет Булдинг (Kenneth Boulding) резюмирует проблему просто: «Чтобы поверить в неограниченный рост в ограниченном мире, требуется быть либо безумцем, либо экономистом»¹⁴². Здравый смысл указывает на то, что на планете с ограниченными ресурсами простое соревнование, когда каждый стремится захватить максимум возможного, является системным абсурдом. Таким же образом, как мы стремимся мучительно усвоить, что политика требует договоренностей, чтобы уравновесить различные интересы, доступ к скудным ресурсам планеты требует договоренностей, которые бы уважали всеобщие потребности. Другими словами, требуется воспользоваться принципами демократии для контроля за ресурсами, которые в конечном итоге принадлежат всем нам.

15 – Макроэкономическая политика

Среди прочих сфер макроэкономика является той, что окружена тайнами. Однако, в основе процесс не отличается от ведения домашнего хозяйства. Если мы хотим купить новую кухонную мебель, надо экономить. Если мы покупаем без соответствующей экономии, то залезаем в долги. То, что мы ежегодно тратим должно соответствовать тому, что мы производим, что мы приносим домой в виде заработка, прибыли или пенсионного пособия. Если что-то остается, то возникают сбережения. Если не хватает, то надо будет либо заплатить на будущий год, либо взять заем. То есть счет должен быть закрыт. Макроэкономика просто имеет дело со счетом страны и все чаще со счетом всей планеты.

В различных производственных циклах все должно быть закрыто, поскольку то, что требует усилий, представляет собой стоимость. Когда мы говорим, что государственное образование бесплатно, мы имеем в виду, что его оплата идет не напрямую, а через налоги. Таким образом, часть того, что мы производим, как общество, перераспределяется для прямого использования в форме прибылей и зарплаты, а другая часть в косвенной форме, в виде государственных услуг. Если нас интересует коммерческая информация об автомобилях, и мы покупаем специализированный журнал, затраты прямые. Если нам дают информацию об автомобиле по телевизору, то стоимость является частью рекламного бюджета, который мы оплачиваем через различные продукты. Наш платеж скрыт в конкретном продукте. Нам кажется, что это бесплатно, а компании предпочитают,

---

¹⁴² “In order to believe in unlimited growth in a limited world, one has to be either a fool or an economist”. In “Göran Backstrand and Lars Ingelstam, *Global challenges and responsible lifestyles, What Next?*, Development Dialogue, June 2006, стр. 125

чтобы мы считали именно так. То есть, мы платим напрямую или опосредованно, но платим в любом случае. Каждый общественный продукт требует усилий, и основной целью макроэкономики должно быть то, чтобы эти усилия были направлены по-умному в то, что технически мы называем «рациональное размещение ресурсов».

Стоит ли размещать ресурсы в технологии? Конечно, поскольку технологический прогресс позволяет получить большую прибыль, но с тем же усилием. В этом смысле не только фабрика, но и образование также представляют из себя инвестиции, поскольку они обеспечивают прибыль в наиболее разумных формах труда. Машина стала продвижением вперед, поскольку, например, мы начинаем шить одежду с большей эффективностью, обеспечивая, чтобы наши усилия «были доходными». Телефония или интернет дают нам возможность получить больший доход, потому что вместо того, чтобы перемещаться самим, мы за мгновения и гораздо дешевле перемещаем информацию. Так повышается наша системная производительность, что дает нам возможность больше инвестировать и получать больше продуктов и услуг. Имеет смысл размещать ресурсы так, чтобы они дали больше ресурсов. Базовое правило состоит в поиске места для размещения ресурсов, где они могут быть наиболее полезными для общества в целом. Это является, или должно являться, сердцевиной макроэкономической политики.

Ценности и услуги являются результатом усилий самых разных субъектов экономики. Воздействие на развитие будет различным, в зависимости от того, кто завладеет наибольшим объемом произведенного богатства. Финансовые спекулянты ради наибольшего обогащения стремятся застопорить деятельность, после стерилизации накоплений, в то время как наибольшее вознаграждение мелких производителей, например, может активизировать занятость и внутренний рынок, Макроэкономическая политика осуществляет общее регулирование. Изменения в лучшую или в худшую сторону зависят от того, из чьих рук в стране поступит производственный импульс.

Сам по себе макроэкономический механизм не сложен. Часть произведенного богатства напрямую поступает в семьи в виде зарплат, прибылей или иных форм доходов, предназначенных для потребления. Другая часть переходит в руки правительства и преобразуется в не прямое потребление семьями под видом предоставления государственных услуг, образования, здравоохранения, безопасности и т.д. А значительная часть ресурсов превращается в инвестиции, государственные или частные, позволяя расширить общие возможности производства.

Кто заслуживает больше продукта? В этом процессе существует этическое измерение, связанное с необходимостью обеспечить минимально сбалансированный всеобщий доступ к общественному продукту. Например, невозможно оставить человека без медицинской помощи, потому что он беден. Или не дать детям молока под предлогом, что вина лежит на экономических механизмах. Избыток богатства в одних руках также представляет из себя этическую дилемму, поскольку имеет происхождение в неконтролируемых

экономических механизмах и превращается в политическую власть, стремящуюся усилить разбалансированность. Излишек богатства, как и чрезмерные лишения, являются губительными для любого общества. Мы вернемся к этому вопросу в последней глава данной работы.

С чисто экономической точки зрения считается положительным, если люди получают вознаграждение в соответствии со своим вкладом в общественное развитие. Таким образом вознаграждаются и стимулируются лучшие усилия. Совокупностью наших драм является то, что некоторые лица или социальные группы производят немного, но захватывают многое. Ядром макроэкономической политики является задача сбалансировать ситуацию и скорректировать дисбаланс.

Важным отличием является то, что один субъект экономики может разбогатеть, создавая новые богатства, или разбогатеть, захватывая богатства других. В нашем вопросе «Что такое капитал?» мы использовали следующий образ: если человек инвестирует в строительство нескольких домов и по какой-то причине оказывается банкротом, мы скажем, что он потерял деньги. Но практическим результатом будет существование новых домов, где смогут жить конкретные люди, а значит, общественный продукт увеличился. Но когда мы покупаем доллары, думая, что их курс повысится, и курс доллара действительно повышается, деньги, которые мы заработали, соответствуют снижению покупательной способности того, кто их продал. Это является перемещением обогащения, так как общество ничего не получило и ничего не потеряло. Финансовые посредники, например, настаивают на определении спекулятивной деятельности, как «инвестиций», в то время, как речь идет лишь о финансовом использовании. Технически, инвестиции являются тем, что предусматривает рост производительности общества.

Или, говоря микроэкономическими терминами, разбогател тот, кто выиграл деньги, купив доллары в нужный момент. Богатство страны, тем не менее, не возросло ни на один цент. Целью макроэкономики является размещение ресурсов наиболее разумным способом, учитывая растущее благосостояние всего населения, а не спекуляция. В течение долгого времени Бразилия жила с одним типом спекулятивного процесса, которым является инфляция, а затем с другим процессом, основанном на высоких процентных ставках: оба процесса послужили обогащением для меньшинства, но экономика не выиграла ничего.

Центральной проблемой является то, что наша экономическая теория отдельно исследует элементы, которые приобретают смысл только при определенном совместном анализе. Такими элементами являются учетная ставка, инфляция, обменный курс, налоги и задолженность. Из этих элементов складываются доходы, потребление, инвестиции, занятость и производство.

Естественно, здесь не стоит создавать теорию этой политики, но можно объяснить необходимость сделать прозрачными связи между макроэкономическими решениями и интересами конкретных экономических субъектов, зависящих от них. Важнейшим в макроэкономической политике является то, речь идет о последней инстанции, контролирующей инструменты распределения общественного

продукта. Иначе говоря, его абстрактное исследование может интересовать создателей моделей, но модели редко помогают понять реальность, а еще менее изменить ее. В целом, впрочем, использование моделей служит в основном, чтобы придать технический образ рациональности, где существует благоприятствование только избранным экономическим субъектам. Интересы остаются в тени, что мало способствует демократии.

Недостаточное понимание политического измерения макроэкономических процессов порождает неопределенность. Представим аполитичное пространство, где технические решения основываются на экономической теории, что заканчивается затушевыванием реально существующей динамики, основанном на корпоративном давлении. Таким образом, решения экономического порядка принимаются в соответствии с политическими причинами и критериями, если для этого не существует соответствующих механизмов принятия демократических решений. Насколько важна эта сфера принятия решений. Сама политическая демократия утрачивает значительную часть своего смысла.

Очень конкретным примером является инфляция. Селсо Фуртадо решил вновь вывести вопрос из фокуса. Вместо того, чтобы создавать стройные теории о динамике цен, просто задавался вопрос, «кто этим пользуется?», знаменитое «*cui bono?*». Был сделан вывод, что имеющие фиксированные поступления, как у работников с фиксированным жалованьем или пенсионеров, или еще у малых предприятий, не имеющие возможности влиять на цены – их поступления снижались при каждом повышении цен. А тем, кто имеет переменные поступления, как предприниматели, банкиры и др., не требуется ждать никаких событий. Они просто повышали свои цены, сопровождая и, если возможно, удерживая их несколько выше других. Практическим результатом является то, что инфляция представляет собой перенос доходов от бедных к богатым. Видя, кто этим пользуется, можно сказать, кто это делает. Эпоха гиперинфляции, которую мы пережили в за десятилетия является возмутительным процессом концентрации доходов а руках самых богатых.

Эта базовая ориентировка, *cui bono*, представляет собой важнейший момент. В общем виде то, что нам говорят сегодня, что это является целью, предусматривающей достижение общего блага за счет стабильности процесса. Стабильный процесс, где экономические результаты регулярно оседают в одном и том же кармане, непременно заставляет сомневаться в том, о какой стабильности идет речь. Стабильности для кого?

Инфляция стала ясной после того, как мы поняли, кому она служит, что в свою очередь привело нас к пониманию, что она поддерживается крупными предприятиями и банками. Мы можем провести такой же опыт с процентными ставками.

Период взрывного повышения процентных ставок, с 1994 по 2002 гг., совпадает с одной фазой, которую примечательно определили, как «стабильную». Этот период начался с государственным долгом в 150 млрд. реалов и закончился с

государственным долгом в более, чем 800 млрд. реалов. Иначе говоря, что-то произошло с 650 млрд. реалов. Резкое увеличился долг, являющийся государственным, а, следовательно, ложащимся на плечи каждого из нас. Куда ушли эти деньги?

Процентные ставки в это время колебались в пределах от 20% до 30%, поднявшись до 45%. Речь идет не о процентных ставках, применявшихся на рынке частных финансовых посредников (в частности, в избранный картель крупных банков), но о процентных ставках выплачиваемых правительством финансовым посредникам. Поскольку те ставки, которые банки выплачивают нам, нам – простым смертным, очень низки, зарабатывание денег банками становится сложным. Они привлекают наши сбережения, платят нам вознаграждения, например, на уровне 10% в год, вкладывая эти средства в государственные ценные бумаги под 20% или больше. Правительство должно выплачивать банкам эти ставки, повышая налоги или постоянно повышая задолженность. Были сделаны эти две вещи. При повышении налогов финансовым посредникам и крупным вкладчикам выплачивались астрономические проценты, но поскольку средств не хватало, разница ликвидировалась за счет увеличения задолженности. Именно мы платили налоги после объявления о вознаграждении. Мы платили в случае выплаченных процентов и должны платить в будущем, в случае, если проценты выплачены не были, а были присоединены к долгу.

Поскольку собираемых с нас налогов не хватало, чтобы одновременно оплачивать расходы правительства, различные услуги и обслуживание долга, постарались увеличить налоговую нагрузку. Она увеличилась с 25% в 1994 г. до 37% в 2002 г. Увеличение на 12 процентных пунктов. На конечном этапе это представляется, как годовой счет в размере 240 млрд. реалов. Из этой суммы 160 млрд. реалов – это деньги, которые налогоплательщики выплатили правительству, чтобы оно могло заплатить по процентам банкирам и крупным вкладчикам по *нашим* вкладам. То, что зарабатывалось инфляцией, стало зарабатывать процентами, благодетельствуя, в основном, одним и тем же людям. Этот механизм в Бразилии симпатично называется «*рынком*». Министр финансов получил приветствия за то, что он поддерживал такую стабильность. Определить *cui bono*, во благо кого, является важнейшим моментом, и должен был стать важнейшим элементом того, как экономическая наука рассматривает счета. Еще более важным является ее изменение, чтобы она стала прозрачной для общества. Кто пользуется и какой частью общественного продукта.

Задолженность не всегда бывает плохой. Если дополнительные средства инвестировать, например, в технологическую модернизацию малых и средних предприятий, или в информатизацию школ, или в поддержку семейного сельского хозяйства, мы бы совершили серьезный скачок в экономическом развитии, разрешив, таким образом, создавать больше ресурсов, чем созданная задолженность. Именно так и думает, и не без оснований любой человек, который хочет открыть предприятие. Он просит деньги в долг и возвращает деньги за счет дополнительного дохода, производимого предприятием.

В случае нашей государственной задолженности, тем не менее, не было увеличения инвестиций со стороны государственного сектора при стагнирующем общем инвестиционном индексе. Также не было повышения зарплаты служащим. Поэтому большая часть переведенных ресурсов в виде налогов не была применена правительством. То есть, бóльшая часть задолженности послужила обогащению, не будучи использованной в производстве. Иными словами, обогатились элиты, увеличилась власть финансовых посредников и рантье, а инвестиции в производство стагнировали, в свою очередь демонстрируя хрупкость экономического роста. Кроме того, производство оказалось в тупике, поскольку многие владельцы предприятий решили вложить свои средства в высокодоходные государственные ценные бумаги, вместо того, чтобы инвестировать в производственные процессы¹⁴³.

Что касается налоговой нагрузки, положение различное, поскольку наемные работники декларируют свои доходы в источнике, у работодателя, который заинтересован задекларировать каждый сентаво, чтобы уменьшить свои налоги. Увеличение налоговой нагрузки, таким образом, напрямую ударило по наемным работникам, которые осознали, что их участие в доходах страны, а, значит, и в потреблении, упало с 45 до 37% за этот период. Финансовые посредники, с другой стороны, платят очень небольшие налоги, особенно после того, как освободились от CPMF. Таким образом, увеличение налоговой нагрузки вылилось в последней инстанции в передаче, через правительство, денег наемных работников в карман банкиров и рантье.

Здесь мы говорим об увеличении задолженности на 650 млрд. за указанный период, и о передаче более 100 млрд. реалов в год за последние годы, что является радикальным перемещением, и глубоко регрессивным, макроэкономической политики. А финансовые посредники, которые зарабатывали море денег на инфляции, стали получать деньги в такой новой форме. Концентрация доходов в стране не является одним лишь «наследием» прошлого: это динамика в высшей степени современная. Неравенство реконструируется в каждый момент.

Параллельно проходил интенсивный процесс приватизации, объем которого составил более 100 млрд. реалов. Полученных денег не хватило, ни чтобы выплатить выросшие долги, ни чтобы увеличить стагнировавшие государственные инвестиции. Куда же пошли эти деньги? В большей части они были использованы теми, кто осуществляет размещение финансовых средств, расширяя силу рантье и финансовых посредников. Здесь мы не ссылаемся на тот факт, что приватизационные сделки были просто невероятными для тех, кто получил государственные ценности по низким ценам. Мы ссылаемся на тот факт, что помимо долга в 650 млрд., была выплачена масса денег под видом процентов, в то время, как налоги и долг продолжали расти. Государство обесценилось в запасах накопленных средств.

---

¹⁴³ Рубенс Рикуперо (Rubens Ricúpero), работая в UNCTAD, показал, как подобный механизм работает в международном плане. См. *Trade and Development Report 1998*, UNCTAD

Иначе говоря, из страны начался громадный отток государственных и частных средств в область финансового посредничества, мешая развитию производственного процесса и создавая гигантскую ловушка для последующего правительства.

Как стране была навязана эта странная сделка? Процесс очень интересен и показывает взаимоотношения экономики с политикой в целом. Страна вышла из периода высокой инфляции. Все были очень воодушевлены. Принимался любой антиинфляционный аргумент. Высокие процентные ставки считались средством борьбы с инфляцией.

Этот довод показывает, как в экономической теории можно пользоваться старыми, даже очень ортодоксальными, аргументами в новой ситуации, которая в научных терминах является мошеннической, но работает с политической точки зрения.

Каково реальное соотношение между процентной ставкой и инфляцией? Сегодня Амир Хаир (Amir Khair) легко показывает, что в эпоху глобализации, при открытии конкурентных рынков (китайского, в частности) не существует опасности возвращения «дракона», хотя он и угрожающе появляется во всех журналах. Впрочем, поскольку обменный курс укрепляет реал, удешевляя импорт, не существует способа для повышения рыночных цен, который бы не затронул импортных товаров. Иначе говоря, в эпоху глобализации ситуация изменилась, нам не нужны повышенные процентные ставки, чтобы сдерживать инфляцию, поскольку международная конкуренция играет решающую роль.

Другая причина, представленная Полом Сингером показывает, что высокий уровень частных процентных ставок (обусловленный повышенными официальными ставками) ведет к увеличению стоимости производства, а значит, благоприятствует инфляции, вместо того, чтобы снижать ее.

Третий важный довод является результатом глобализации финансовой спекулятивной системы. В эпоху гиперинфляции финансовым посредникам Бразилии было не выгодно участвовать в глобальной системе финансовых спекуляций, поскольку валюта была не стабильна. Поэтому стала необходима низкая инфляция для участия финансовых посредников (национальных или международных) в мировом финансовом казино. С того момента финансовые посредники оказались заинтересованы в стабилизации цен, а при этом угроза возвращения высокой инфляции оказалась нереалистичной. Тем не менее, призраки возвращения высокой инфляции после многих лет денежного травматизма продолжает работать в политическом плане¹⁴⁴.

---

¹⁴⁴ Один факт, который прошел в Бразилии незамеченным. Дело в том, что в 1993 г. было около 40 стран с одинаковой инфляцией, как Израиль, Никарагуа и др. Гиперинфляция снизилась в период с 1993-1994 гг., как можно по статистике МВФ. Журнал «The Economist» дал такой комментарий: «Многие страны были недовольны тем, что, как они не старались снизить инфляцию МВФ требовал ее еще большего снижения. Требования МВФ, возможно, имели смысл в 1992 г., когда были показатели инфляции 44 стран превышали 40%, но в настоящее время это имеет гораздо

В результате была организован гигантский перевод сбережений населения в адрес ничего не производящих финансовых посредников и рантье во имя самой высокой цели – защиты народа от инфляции. Низкие показатели развития представлялись, как «необходимая жертва». Процесс был законным, учитывая то, что в Бразилии считается законным то, что финансовые группы организовались под видом картеля и завладели государственной политикой финансового регулирования¹⁴⁵.

Хотя СМИ стали могущественным сторонником это процесса, который было бы слишком сложно проанализировать тем, что хотел разобраться. В течение восьми лет нам ежедневно вбивали в голову мысль о том, что эпоха, которую мы рассматриваем, была эпохой «финансово-экономической стабильности», что с учетом цифр, приведенных ранее, является полным абсурдом, поскольку те, кто берет в долг и снижает свою капитализацию таким образом, роет могилу себе или будущему правительству.

Здесь не стоит критиковать правительство, особенно потому, что следующее правительство попадало в капкан и могло изменить немного. Для нас важно понять то, что происходит с процентной ставкой, долговым бременем, инфляцией, обменным курсом, инвестициями и экономическим ростом. Нам требуется исследовать, как эти макро-переменные зависят одна от другой в действительно существующем экономическом процессе, и как политические процессы и информация СМИ усиливают динамику разбалансирования.

Это требует изучения макроэкономической политики, не разрабатывая сложных эконометрических моделей о том, как будет реагировать таинственный персонаж, который обычно называют «рынком», но изучая конкретно, как изменялись доходы каждого из экономических субъектов, получателей выгоды, за указанный период и объяснить, как макро-переменные изменялись в зависимости от этих интересов¹⁴⁶.

В экономике не существует чудес. Драматическое обогащение финансовых посредников в стране имеет также драматическую стоимость в других областях. При том, что обогащение от перевода не создало нового богатства. Произошло то, что называется стерилизацией накоплений.

меньше смысла, когда только в паре стран существует очень высокая инфляция” – «The Economist», 24 июля 2004 г., стр. 65. Факт одновременного снижения гиперинфляции в десятках стран ясно показывает, что в Бразилии также не было чуда. Финансовая глобализация может существовать даже, если курс валют меняется ежедневно, что ограничивает возможности системы.

¹⁴⁵ В Конституции в этом отношении существует ясное положение. Ст. 170 определяет общественную собственность и свободную конкуренцию. В ст. 173, пар. 4, говорится: «Закон запрещает злоупотребление экономической властью, стремящейся к доминированию над рынками, борьбе с конкуренцией и произвольным повышением прибыли». Картель является преступлением.

¹⁴⁶ Такое прагматическое представление была важнейшей для создания надежной формы, с которой Бразилия встретила мировой финансовый кризис, начиная с 2008 г. Прекрасная презентация этой политики содержится в статье Нелсона Барбозы (Nelson Barbosa) и Жозе Антони Перейры де Соуза (José Antonio Pereira de Souza) <http://bit.ly/9KXRro>, и в нашей: «*Brasil, um outro patamar*» <http://dowbor.org/10agendabrasil.doc>.

Чтобы говорить, развивается ли экономика хорошо или плохо, надо знать, кто в экономике чувствует себя хорошо, а кто плохо. И если тот, кто чувствует себя хорошо в экономике является тем, кто имеет влияние на СМИ, возникает общее впечатление, что «дела» идут хорошо. Тем не менее, с течением времени возникают «пробелы». Например, кто будет оплачивать эти долги?

При этом определяется необходимая противоположная тенденция: стремление к снижению процентных ставок, увеличение массы зарплаты, борьба с всемогуществом спекулятивных СМИ, обложение налогами финансовых поступлений, открытие линий финансирования официальных каналов для производственной сферы и т.д.

Неужели это новая теория? Здесь нет никакой необходимости в сложных теориях и моделях. Хотя такая сложная эконометрическая работа в основном входит в то, что Гэлбрайт назвал «небольшим мошенничеством», давая впечатление технического оправдания, чтобы то, чем является политический выбор по завладению ресурсами через определенных экономических агентов и то, что гораздо больше отражает отношения власти, чем экономическая рациональность. И перед сложностью вычислений, разрозненные группы начинают представлять, что существует глубокая экономическая рациональность, где в основном присутствует ловкачество. В действительности необходимы новые теории, которые Селсо Фуртадо называет «средствами», но просто честное информирование о преимуществах и ущербе различных социальных групп, представляя в организованной форме участие различных экономических субъектов в общественном продукте. В этом смысле методологическая переориентация в основном состоит в правильном представлении счетов. Это в значительно большей степени является проблемой учета, честности и открытости, чем экономической теории.

В общем виде, поскольку речь идет о важнейшем вопросе о том, кто завладевает и какой частью результата усилий всего общества, является жизненно необходимым для демократических процессов сделать счета прозрачными. Возможно, здесь речь идет о более важном вопросе взаимоотношений между экономической демократией и демократией политической.

16 – Теория мировой экономики

Для многих глобализация является явлением старым. Но это означает не видеть последних преобразований. Огромна революция в области технологий знания, или в самом механизме продвижения знаний. Это требует структурных преобразований, применение которых мы только начинаем понимать. Помимо всемирной коммуникации через Интернет, весь мир моментально устанавливает контакт со всем миром, а сами производственные процессы распространяются на интенсивную деятельность в сфере информации и знаний, стремясь к объединению средств и целей. Могущество крупной корпорации, в то же время становится одновременно и глобальным, и капиллярным, при мощном присутствии мировой политики и возможности поставлять, например, маленькие бутылочки Кока-колы для бедных в отдаленных местах в Индии. Таким образом, преодоление

национальных границ, чтобы создать глобальную экономику, является изменением пространства и времени в совокупности экономической деятельности, при ослаблении национальных правительств, открытие пространств для местной экономики и для новых решений сетей организаций гражданского общества. То, что мы говорим о глобализации является в реальности драматическим упрощением сложного переподчинения территориальных функций, которое происходит в настоящее время¹⁴⁷.

Нас завалили теориями о глобализации. Но здесь также видение целого находится в стадии формирования. В действительности, при исследовании конкретных макротенденций (*megatrends*) появляется относительно более четкое представление. Финансовые вопросы, например, которые мы рассматривали ранее, имеют большое значение. Также важным является перенос значительной части экономической деятельности в сферу, которую мы называем экономикой знания, а в более широком понимании господство «недосягаемых» в производственных процессах. Такое господство в том числе определяет новое разделение труда, новая «специализация неравенства» в мировом контексте. Культура также стал выполнять ключевую роль в глобализации экономики, формируя планетарное пространство индустрии развлечений, быстро передвигаясь в сторону мировой «пастеризации», или «макдональдизации», как в культурном, как в плане потребительского поведения. Резкое развитие всемирных коммуникаций породило новую политическую, экономическую и медийную власть, которая принадлежит крупным корпорациям. Это преобразование еще мало изучено¹⁴⁸. Эта власть, в свою очередь, порождает прямое воздействие на окружающую среду через чрезмерную добычу ресурсов и создание устойчивых моделей потребления, а, косвенно, через создаваемое неравенство, при котором инерция созданной динамики далеко превосходит ритм коррекций курса.

Время в этом процессе не является нашим союзником. Целый ряд перемен планетарного характера, как глобальное потепление, или разрыв питательной цепи в океанах, идет такими темпами, что, когда мы замечаем их необратимый характер, точка невозврата уже бывает пройдена. Политическое понимание необратимости состоит в том, что, когда правительства и другие социальные игроки наконец выходят из состояния пассивности, процесс далеко зашел за пределы возможности коррекции.

Стоит лишь назвать некоторые из этих макротенденций, и мы сразу поймем глубину перемен на нашей замечательной планете. Появляется новый мир, не из-за

---

¹⁴⁷ Мы не будем углубляться в детали этого «переподчинения пространства экономического развития», которое мы представили в «*Desafios da Globalização*», Ed., Vozes, Petrópolis, 1998 г. См. также на <http://dowbor.org>, под рубрикой “artigos online” нашу работу «*Da Globalização ao Poder Local: a nova hierarquia dos espaços*», 1995 г.

¹⁴⁸ Впечатляет, что сеть мировой корпоративной власти лишь недавно (в 2011 г.) стала исследоваться и представляться учеными через исследование Федерального Швейцарского Института Технологических Исследований (ETH в немецкой аббревиатуре) <http://dowbor.org/2012/02/a-rede-do-poder-corporativo-mundial-7.html/>. Результаты представлены в документальном фильме «*Inside Job*» (Внутренняя работа) также в 2011 г.

какого-го позитивного представления, которое мы планировали достигнуть, но как простой результат неконтролируемой динамики. А концепция глобализации, является гигантским прикрытием совокупности этих трансформаций. Она слишком общая, чтобы помочь выстроить новое понимание происходящего.

Интересной формой подхода к столь широкой и разнообразной проблематике для синтетического представления является, в хороших традициях Маркс, попытка определить возникающие противоречия.

Когда мы говорим о необычайном ускорении истории, например, мы забываем, что половина мирового населения все еще живет в условиях семейного сельского хозяйства, что почти треть готовит на дровах, что сотни миллионов людей все еще пытаются выжить кустарным береговым рыболовством, что четверть мирового населения не имеет доступа к электричеству. Иначе говоря, глобализация не является единообразным процессом, напротив, она порождает глубокую пропасть между меньшинством стран, располагающих сетью транснациональных компаний, развивающихся все быстрее в ритме новых технологий, и огромной массы населения мира, остающейся лишенной традиционных форм выживания, но не имеющей доступа к необходимым средствам, чтобы участвовать вновь. Прибрежное население планеты уже не обнаруживают, или обнаруживают все меньше, рыбы в море, не имеют и доступа к занятости или к миллионным доходам хищнического промышленного рыболовства. Население сельскохозяйственного мира Африки, Латинской Америки или Азии оставляют традиционные условия жизни, требующие сопротивления монокультурному земледелию, обезлесиванию и ужасам современных войн, и скапливаются в городах, где прошлое их уже не защищает, а настоящее их не приветствует.

Представить себе на этой планете, которая продолжает накрываться, и при демографических тенденциях, известных нам, что богатые страны могут удобно жить в некоем планетарном закрытом кондоминиуме, отгородившись от терактов в США, подавляя восстания во Франции, уничтожая нелегальных иммигрантов на границах, строя нелепые стены на границах, запретив доступ к технологиям и иногда собираясь на встречи G-20, чтобы простить отдельные долги, составляет часть слепоты сегодня очень ощутимой¹⁴⁹.

Другое противоречие возникает в напряженности между ритмом продвижения новых технологий и значительно более медленным ритмом культурных и институциональных перемен. Надо ли клонировать человеческие существа? Правомерна ли электронная слежка за сотрудниками компании? Надо ли контролировать (представим, что у нас есть такие возможности) генетическую манипуляцию, которая становится всеобщей? Нормальна ли продажа информации о нашей ДНК клиниками или лабораториями? В действительности всеобщие знания по тонкой химии, по биологии и по физике делают возможность создавать

---

¹⁴⁹ В исследовании по поводу демографических тенденций планеты, представленном МВФ, говорится, что в ближайшие годы ежегодный рост на 76 млн. человек, 95% которого произойдет в бедных регионах. IMF, *Finance and Development*, сентябрь 2006 г. Прогнозы на 2050 г. предсказывают около 9 млрд. населения. В 1900 г. нас было 1,5 млрд. человек.

на любом огороде наркотики, яды, смертельное оружие различных типов, в то время, как контроль за ним остается прежним. Россия и США наводняют планету вооружением, чтобы потом продавать контртеррористические меры¹⁵⁰. Эта проблема является центральной и включает, в частности, экологическое разрушение планеты, поскольку технологические возможности добычи полезных ископаемых резко возросли – вспомните о промышленном рыболовстве с использованием системы позиционирования GPS, в то время, как наши системы контроля продолжают оставаться доисторическими и фрагментированными странами.

Похожая напряженность исходит из дифференцированного воздействия новых технологий на занятость, а кто говорит занятость, имеет в виду общественное включение, права на доступ в социальную политику и, все более, элементарное выживание семьи. В рамках того, что ООН квалифицирует, как «*jobless growth*», безработица не образуется по причине отсутствия роста, но по причине самого роста. Для наиболее развитых стран, развитие технологий перемещает рабочие места с конвейерных линий в сферу дизайна, управления, адвокатуры, учета, маркетинга – так называемых «недостижимых» - частично уравнивая процесс. В развивающихся странах в мире в целом, динамика обращается вспять, Так как не только люди имеют ограниченный доступ к узкому сегменту высокотехнологичных рабочих мест, порожденных столь защищенными новыми технологиями, как и местные предприятия страдают от наводнения продукцией, выпущенной с помощью множества технологий и немногочисленной рабочей силы, замещающей местное производство. Производственный процесс компании Nike в США является показательным: немногочисленные и благородные рабочие места в США, временная занятость в Индонезии, нашествие импортной продукции, порождающей безработицу в обувной промышленности во Франции, это хороший пример.

Совместное влияние этих тенденций порождает очень сильную напряженность, а она в мире изучена весьма неплохо: дистанция между богатыми и бедными. Великой трагедией, естественно, является то, что пока возможности добычи богатства и дохода со стороны крупных корпораций расширились в ускоренном ритме за счет привлечения новых технологий, скромный набор инструментов для перераспределения доходов и социальной политики наоборот разрушались. Существуют мощнейшие мировые корпорации, занимающиеся извлечением доходов, но у нас нет мирового правительства, чтобы перераспределять их¹⁵¹.

---

¹⁵⁰ В период с 2000 по 2004 гг. Россия осуществляла 32% экспорта вооружения (продавая из старых запасов), США – 31%, Франция – 8%, Англия – 5%. Эта группа стран несет ответственность за ¾ декларированного экспорта. Китай занимает всего 2%. Доклад о Человеческом Развитии 2005 г., в котором имеются эти показатели (стр. 293, таблица 23) бьет тревогу по поводу больших объемов незарегистрированного экспорта. Нелегальная экономика представляет собой громадный, плохо изученный сегмент, легко и бесконтрольно перемещающийся в мировом пространстве. Псевдо-легальность также процветает: Япония и Исландия убивают китов под предлогом исследований для их же защиты. Никогда еще не было столько исследований.

¹⁵¹ Прибыли корпораций относятся к эффективности их управления, что создает позитивный имидж. Исследование корней корпоративного дохода является другой сферой проводимого исследования.

Процесс деформации трояк: асимметрия технологического прогресса в мире, который имеет, в том числе, и отрицательные последствия для большей части населения мира, несоответствие между темпами развития корпораций и развитием соответствующих механизмов регулирования, а также глубоко неравное воздействие на занятость, неформальную и нелегальную деятельность. Три эти макротенденции ведут к растущему неравенству между странами, а также между богатыми и бедными в каждой стране.

Великолепный баланс содержится в исследовании «*The Inequality Predicament*», созданном Экономическим и Социальным Советом ООН, через десять лет после встречи в верхах в Копенгагене. Представление выходит далеко за рамки концепции бедности, содержит обширные данные по «неэкономическим показателям неравенства».

В смысле экономического неравенства, результатом является то, что «анализ уровня неравенства предлагает, чтобы неравенство в доходах и потреблении между странами был относительно стабильным в течение последних 50 лет», что само по себе впечатляет, учитывая быстрый технический прогресс в этот период. Развивается ситуация в наиболее бедной части населения. Тем не менее, «при углублении анализа, создающийся образ не столь положителен. Во-первых, большую часть улучшений в распределении мировых доходов можно объяснить быстрым экономическим ростом Китая и, в меньшей степени, Индии, при значительном изменении, отражающем поступления самых бедных сегментов общества, за счет групп средних доходов в этих двух странах. Во-вторых, часть 10% самых богатых из населения мира возросла с 51,6% до 53,4% в общем объеме доходов мира. В третьих, если не учитывать в анализе показатели Китая и Индии, имеющиеся данные показывают подверженность увеличения неравенства в доходах комбинированному эффекту повышенного несоответствия доходов в самих странах и отрицательного воздействия системы распределения при более быстром росте населения в самых бедных странах. В четвертых, разрыв в росте доходов между самыми богатыми и самыми бедными странами увеличился за последние десятилетия»¹⁵².

Добыча одного барреля нефти в Саудовской Аравии стоит менее 10 долларов, компании продают его за 100 долларов. Неэффективно управление, рассматриваемое нами, но эффективна политическая сила. Прибыли крупных учреждений по финансовым спекуляциям напрямую связаны с контролем над технологическими процессами и с возможностями, предлагаемыми оффшорными зонами. Продукция продается по ценам в десятки раз более высоким, чем себестоимость, только потому, что она была произведена под соответствующим «грифом». Другие сферы деятельности порождают прибыль, используя хрупкость юридических систем. В отсутствии мирового правительства, глобальные корпорации перемещаются практически бесконтрольно. Для тех, кто не понимает механизма или последствий, тенденцией является считать хорошими тех, кто получает много денег. Системным результатом является хаос. Об ослаблении правительств в этом процессе можно узнать из великолепной статьи Джеймса Петраса «*The Great Transformation*» (2012 г.) <http://criseoportunidade.wordpress.com/>

¹⁵² UN – Department of Economic and Social Affairs – *The Inequality Predicament: report on the world social situation 2005* - United Nations, New York, 2005, стр. 44 – Вспомогательная таблица показывает, что в период с 1960-1962 гг. по 2000-2002 гг., подушевой ВВП 20 самых богатых стран вырос с 11.417 долларов до 32.339 долларов (подсчитано по курсу доллара 1995 г.), в то время, как

В отношении внутреннего экономического неравенства стран, данные World Income Inequality Database (WIID) показывают, что неравенство во внутренних доходах стран уменьшалось в 50-е, 60-е и 70-е гг. XX века в большинстве развитых, развивающихся стран и стран с централизованной экономикой. Начиная с 1980 г., тем не менее, этот показатель уменьшился или стабилизировался и среди множества стран вновь возобновился рост неравенства. Также новым явлением является рост неравенства в развитых странах: «Исследование эволюции экономического неравенства в девяти странах OCDE, в общем подтверждает представление о том, что произошли значительные изменения в распределении доходов во всех рассматриваемых странах, при возможном исключении Канады»¹⁵³.

Латинская Америка продолжает оставаться представленной хорошо: «Одной чертой, которая отличает уровень неравенства в Латинской Америке от других регионов, является участие в доходах 10% самых богатых семей». «Самым глубоким является неравенство в Бразилии, где подушевой доход самого богатого населения, составляющего 10%, в 32 раза превышает доход 40% самых бедных. Самый низкий уровень неравенства в доходах в регионе существует в Уругвае и в Коста Рике, странах, где соответствующий подушевой доход 10% самых богатых в 8,8 и 12,6, соответственно, превышает доходы 40% беднейшего населения»¹⁵⁴.

Развитие было отмечено там, где осуществлялись программы борьбы с бедностью: «На мировом уровне значительный прогресс произошел в сфере уменьшения бедности в течение двух последних десятилетий, в большой степени, как итог реализации более сфокусированных программ и политики борьбы с бедностью»... «Прогресс в Китае и в Индии оказал значительное влияние на формирование позитивного образа на глобальном уровне. Поскольку в этих двух странах проживает 38% мирового населения, быстрое развитие их экономики привело к значительному сокращению числа людей, живущих на уровне абсолютной мировой бедности. С 1990 по 2000 гг. Этот уровень снизился с 1,2 млрд. до 1,1 млрд. В Китае соотношение между людьми, живущими менее, чем на 2 доллара в день, снизилось с 88% до 47% с 1981 по 2001 гг., а число людей, живущих менее, чем на 1 доллар в день уменьшилось с 634 млн. до 212 млн. В Индии, соотношение живущих менее, чем на 2 доллара в день уменьшилось с 90% до 80%, а число живущих в условиях исключительной бедности уменьшилось с 382 до 359 млн.». Основное положительное влияние, таким образом, было оказано Китаем¹⁵⁵.

Здесь нашим главным интересом являются не цифры и соответствующее драматическое положение, но тот факт, что оно ясно представляет необходимость организованной последовательной борьбы с бедностью. Поскольку неравенство, вместе с разрушением окружающей среды, в настоящее время является важнейшей

соответствующие средние показатели по 20 беднейшим странам увеличились с 212 долларов до 267 долларов. (Таблица III.2, стр. 45).

¹⁵³ Idem, стр. 48

¹⁵⁴ Idem, стр. 49-50

¹⁵⁵ Idem, стр. 51

проблемой, экономическая наука должна сконцентрировать самые серьезные усилия на понимании активной политики борьбы с бедностью.

Вторым моментом является то, что недостаточно наблюдать за экономическими механизмами, поскольку неравенство представляет собой весьма широкий процесс. «Возможно даже более важным, чем растущий уровень бедности, является возникновение и укрепление (*entrenchment*) нового определения бедности во многих странах. Изменения, достойные описания, включают растущую тенденцию к входу и выходу людей из бедности, увеличение городской бедности и стагнация в сельской бедности, а также увеличение соотношения неформальных трудящихся в числе городской бедноты и большая часть бедных безработных. (...) Из всех видов неравенства внутри и между нациями, неспособность части населения мира, осуществляющей поиск работы, является, возможно, наиболее глубоким вовлекающим фактом»¹⁵⁶.

Данные, приведенные выше, относятся к распределению доходов. Исследование WIDER (*World Institute for Development Economics Research*) Университета ООН указывает на другие драматические обстоятельства, которыми является концентрация накопленного богатства. В действительности обе методики связаны, поскольку бóльшие доходы богатых позволяют им аккумулировать больше собственности, больше финансовых приложений, в то время, как деятельность бедных оказываются парализованной. Таким образом, накопленное богатство ("*net worth: the value of physical and financial assets less debts*", что соответствует тому, что доклад определяет, как "*a comprehensive concept of household wealth*") или накопленное семейное богатство, стремится еще больше парализовать общество и приводит, в частности, к образованию гигантских состояний, имеющих мало общего с вкладом этих людей или их семей в производство общественного богатства¹⁵⁷.

Аккумулированное семейное богатство оценивается в 125 трлн. долларов на 2000 г., что составляет 144 тыс. долларов на человека в США, 181 тыс. в Японии, 1.100 долларов в Индии, 1.400 долларов в Индонезии. Такое завладение богатством формирует геоэкономику типа «Alfavelle-Alfavela»: региональное распределение накопленного богатства (*asset holdings*) показывает, что богатство по большей части сконцентрировано в Северной Америке, Европе и странах Азии с высокими доходами, которые совместно располагают почти 90% мирового богатства. Несмотря на то, что в Северной Америке проживает только 6% взрослого населения мира, она располагает 34% семейного богатства.

Естественно, что концентрация богатства в странах следует той же тенденции, поскольку богатые семьи стремятся накопить еще больше. Таким образом, внутреннее разделение в странах углубляется: «Часть из 10% самых богатых различна: в Китае это 40% и 70% и более в США и некоторых других странах»...

¹⁵⁶ idem, стр. 54-55

¹⁵⁷ James Davies, Susana Sandström, Anthony Shorrocks, and Edward N. Wolff - *The Global Distribution of Household Wealth* - 2006, II – www.Wider.unu.edu/bewsletter/newsletter

«Наши данные демонстрируют, что десятая часть богатейших людей обладали 85% мирового богатства в 2000 г. 2% самых богатых взрослых в мире имели более половины мирового богатства, а 1% самых богатых имел 40% всего богатства семей. По контрасту, нижняя половина взрослого населения мира имела 1% мирового богатства. Стоимость Gini относительно мирового богатства оценивалась в 89, и такая же стоимость Gini была бы получена, если 100 долларов, распределить между 100 человек таким образом, чтобы один человек получал 90 долларов, а оставшиеся 99 по 10 центов».

Любопытно, что когда речь идет о распределении доходов, о налоге на состояние, о налоге на наследство, СМИ говорят о популизме и демагогии. Не видеть драматических событий, растущих в современных темпах, означает опасную слепоту.

Нам не только надо самым внимательным образом следить за динамикой общественных процессов, но должны придать центральное место организации важнейших процессов воздействия: «Повестка дня *благопристойной работы* предусматривает столкновение с различными вызовами, порождаемыми глобализацией, включая потерю рабочих мест, несправедливое распределение выгоды и дезорганизацию (*disruption*), произошедшую в жизни стольких людей. Ответ на эти вызовы требует участие игроков на всех уровнях»¹⁵⁸.

Главный вызов продолжает оставаться вблизи того, о чем Самир Амин (Samir Amin) говорил десятилетия назад: экономика глобализуется, в то время, как инструменты воздействия продолжают оставаться национальными. Международные системы регулирования, как ООН, МВФ и др. продолжают оставаться инструментами частичного разрешения проблем между нациями – нет ничего, что уподоблялось бы мировому правительству. Создание блоков является паллиативом, или путем более обширного строительства. США очевидно представляют себя в качестве кандидата на пост «мирового регулятора», но вряд ли будет хорошим решением, если одна страна будет командовать другими странами, с учетом увеличивающегося числа нарушений дисциплины в правительствах и корпорациях.

Возникают интересные альтернативы в совокупности инициатив, связанных с Мировым Социальным Форумом. Это первая планетарная попытка создания системы защиты планеты и изменения курса развития и включает десятки тысяч организаций гражданского общества, при растущем, но все еще хрупком, присутствии в решениях соответствующих стран и международных организаций. То, что появлялось в прессе в целом, это глубоко искаженное ежегодное мероприятие, но реальностью является создание исключительно быстрой интерактивной сети защиты прав, осуждения манипуляций СМИ, экологической

---

¹⁵⁸ *The Inequality Predicament*, p. 58 – В докладе не высказывается сомнений о необходимости организованной политики вмешательства: «Мировой рынок работает в интересах самых богатых стран; бедные страны имеют меньше шансов быть облагодетельствованными глобализацией и являются более уязвимыми перед ее рисками и ошибками». (стр. 43).

информации – список бесконечен, создающей пространство для строительства нового мирового порядка.

На другом уровне существуют исследования о создании планетарной интерактивной сети в самых разнообразных сферах: сегодня любая средняя больница имеет договоры об обмене врачами, университеты создают сети научно сотрудничества. ПКУ Сан-Пауло за один год осуществил 1600 мероприятий по международному сотрудничеству. Города начинают образовывать сети, позволяющие организовать обмен инновациями в сфере управления и т.д. Таким образом, при том, что наше внимание в сфере мировой экономики продолжает оставаться в руках министерств иностранных дел, в международной торговле, в транснациональных корпорациях и в многосторонних организациях, современная коммуникация порождает исключительно плотную международную экономическую ткань микро международных отношений миллионов учреждений.

Анализ этой эволюции представлен в книге «*Re-imagining Political Community*» по политической теории международной демократии¹⁵⁹.

Прежде всего, важным моментом является отсутствие международных и демократических механизмов принятия решений: «Даже если демократия достигнет значительных результатов в процессе управления государством, она все еще не используется в управлении межгосударственными отношениями в том, что касается региональных и мировых проблем». Задача организации глобального управления, таким образом, становится центральным вопросом: «Сегодня мировое сообщество отчаянно ищет новое глобальное политическое равновесие. Для кого-то идеальным было бы установление миропорядка, при котором несколько сотен крупный предприятий диктовали нормы, способствующие продвижению их собственных интересов в сильных и могущественных государствах... Равновесие власти сместилось в сторону капитала, как в национальных правительствах, так и национальных трабальстских движениях. В результате, автономия демократически избранных правительств все более ограничивается экономической властью, не репрезентативной и не избранной». Авторы цитируют декларацию руководителя компании Coca-Cola об этом «перемещении власти»: «Говоря искренне, я думаю, что это перемещение приведет к будущему, когда институты, имеющие наибольшее влияние, будут далеки от компаний». Именно корпорация начинает играть ведущую политическую роль¹⁶⁰.

Надежды авторов обращена к коммуникативному потенциалу громадного разнообразия институтов: «Проблемы, вызванные быстрым ростом сложных взаимосвязей и взаимоотношений государств и общества, при очевидном пересечении национальных и международных сил и процессов, продолжают оставаться нерешенными», но ставится вопрос о том, «до какой степени

---

¹⁵⁹ Работа организована Даниелем Аркибуги (Daniele Archibugi), Дэвидом Хелдом (David Held) и Мартином Кёлером (Martin Köhler) «*Re-imagining Political Community: Studies in Cosmopolitan Democracy*», Stanford University Press, California 1998 г. Цитаты в основном взяты из разделов, написанных Дэвидом Хелдом и Джеймсом Розно (Rosenau).

¹⁶⁰ Idem, стр 3, 18 и 42

государство-нация может продолжать оставаться в центре демократического осмысления».

Это представление указывает на демократические процессы, начиная с основы общества: «Поскольку потребности и желания населения наиболее эффективно выражаются через организованные акции. Организационный взрыв нашего времени не менее важен, чем демографический взрыв... Формирование организаций проникает на все уровни человеческой деятельности: в районные организации, коммунитарные группы, региональные сети, в национальные государства и транснациональные режимы вплоть до международной системы».

Таким образом возникает иная философия управления институтами: «Для приобретения долговременной легитимности и поддержки весьма возможно, что существующие механизмы управления скорее будут эволюционировать снизу, чем сверху. Как таковые, как механизмы, способные порождать согласие управляемых, они являются самоорганизующимися системами, подготовленными к управлению, которые развиваются через разделенные потребности групп и в присутствии развития, ведущего к созданию и использованию совместных инструментов контроля». По мнению авторов речь идет о поддержке этой динамики в организованном виде¹⁶¹.

Таким образом теоретическая повестка дня мировой экономики приводит нас к вопросу о мировом демократическом управлении, при выработке предварительных политических предложений, рассматривая две принципиальные макротенденции системы, которыми является ухудшение экологии и неравенство, которые, впрочем, хорошо изучены. Элементы, характеризующие процесс глобализации: финансовый аспект экономики, вертикализация труда, власть корпораций, концентрация мирового контроля информации и др., требуют проработки для воссоздания критических направлений выживания. Ослабление ООН, в частности, на этапе, когда происходит рост глобальных угроз и когда демократические процессы принятия решений становятся жизненно необходимыми, просто пугает.

Глобализация экономики без соответствующей глобализации демократических механизмов принятия решений является громадной частью экономической деятельности, уходящей из-под какого-либо контроля. Процесс развития организаций гражданского общества, действующих в планетарном пространстве и стремящихся выразить общественные интересы, лишь частично компенсирует сложившийся институциональный вакуум. Существует глобальная экономика. Существует глобальное управление.

---

¹⁶¹ Имеет смысл привести оригинал: “In order to acquire the legitimacy and support they need to endure, successful mechanisms of governance are more likely to evolve out of bottom-up than top-down processes. As such, as mechanisms that manage to evoke the consent of the governed, they are self-organizing systems, steering arrangements that develop through the shared need of groups and the presence of developments that conduce to the generation and acceptance of shared instruments of control” - p. 33

17 – Парадигма сотрудничества

Наиболее важное системное изменение в экономической теории относится к постепенному уменьшению конкуренции, как главного инструмента экономического регулирования, помимо важнейшей концепции в анализе мотивации, движущей силы, стоящей за нашими экономическими решениями.

Унаследованным представлением является то, что, если все мы очень стараемся получить наибольшую личную выгоду в экономической гонке, то это приводит к ускорению всего целого. Смешивая представления Адама Смита о сумме личных выгод, Джереми Бентама (Jeremy Bentham) и Стюарта Милла (Stuart Mill) об утилитаризме и Чарльза Дарвина (Charles Darwin) о выживании самых сильных, мы начали своеобразную войну всех против всех, которую американцы называют *global rat race*, но ее возможности, как регулятора, исчерпываются, что заводит нас, в том числе, в планетарный тупик, становящийся все более трагическим.

Что проявляется со все большей силой, так это то, что мы обречены, если хотим выжить, на развитие разумных форм сочетания различных экономических, экологических, социальных и культурных целей, а, соответственно, и разумных форм сотрудничества между различными игроками, участвующими в социальном строительстве этих целей. Системный перевод состоит в последовательной замене парадигмы конкуренции на парадигму сотрудничества.

Хазел Хендерсон (Hazel Henderson) рассказывает, как она «пришла» в экономику. В квартирах Нью-Йорка стояли небольшие мусоросжигатели. Они решали личные проблемы, но результатом была грязная одежда, грязные дети в парках, куда выбрасывалась зола, респираторные заболевания и т.д. Когда она выразила свой протест властям, то ей объяснили, что мусоросжигатели создают рабочие места, динамизируя экономику. Хазел была изумлена: создавать с большими усилиями бесполезные или вредные вещи, разве такое может быть хорошо, поскольку динамизирует экономику? А разве не в счет усилия матерей, которые стирают одежду, а дети тоже не в счет, раз за них не платят? Не экономический механизм покончил с мусоросжигателями, но движение матерей, организованное в соответствии с их интересами.

Хазел стала заниматься экономикой и постепенно пришла к представлениям, которые сейчас она излагает в своей книге «*Construindo um mundo onde todos ganhem*» - (Создавая мир, где выиграют все) о популярной в настоящее время концепции *win-win*¹⁶². Базовая идея проста и поясняется популярным образом двух осликов, которые сначала тянут друг друга в противоположных направлениях, чтобы добраться каждому до своего стога сена, а потом понимают очевидное: вместе съедают один стог, а потом вместе съедают второй. Хазел считает, что «вожди современной информационной эпохи функционируют лучше, основываясь

¹⁶² Hazel Henderson – *Construindo um mundo onde todos ganhem* (Building a Win-Win World), ed. Cultrix, São Paulo 1996, www.pensamento-cultrix.com.br

на принципе, что выигрывают все (*win-win*), но пока еще доминирует парадигма мировой экономической войны»¹⁶³.

«Книга ‘Создавая мир, где выиграют все’ написана на современном материале и показывает противостояние между парадигмой экономического роста, при внешнем управлении и технологическом воздействии, который заканчивается бессмысленной мировой экономической войной и ростом народной озабоченности в рамках возникающей парадигмы и движений за устойчивое человеческое развитие... Системное изменение парадигмы максимизации мирового экономического соревнования при росте национального валового продукта к парадигме развития на основе большей кооперации, стабильности, что в более раннюю эпоху, потребовало бы столетий, является, по крайней мере, возможным во взаимозависимой мировой системе, находящейся в нынешних условиях в процессе быстрой эволюции»¹⁶⁴.

Существует измерение, учитывающее в процессе даже этические вопросы: взаимодействие для создания нового или просто полезного является одним из наиболее важных источников удовольствия. Современная концепция лидерства, в том числе, изменяет представление руководителя, отдающего распоряжения, на представление координатора, организующего процессы сотрудничества. Великолепны чувства команды, прекрасно выполнившей работу¹⁶⁵.

Конечно, жизнь – это не море роз, в ней стремится верховодить глупая хитрость тех, кто в процессах сотрудничества видит возможность повысить собственные преимущества: для таких людей сотрудничество состоит в том, чтобы заставить других сотрудничать для его блага. Представление о том, что в борьбе выживает сильнейший, без сомнения, является всеобщим. Она пропитывает школу борьбой за первенство или за лучшую оценку. Соревнование за выживание, которым являются выпускные экзамены, присутствует в каждой телевизионной передаче. Идеей является «победа» над остальными, при том, что схватка может быть полезной, но результаты окажутся скверными для всех.

Стоит процитировать Дэвида Кортена (David Korten). В своей книге «*O Mundo Pós-Corporativo*» Кортен исходит из того, что он воспринимал мир только с биологической точки зрения, как пространство, где происходит соревнование видов за выживание: в действительности, птицы, питающиеся фруктами, распространяют семена, растущий корень нуждается в микроорганизмах, чтобы

¹⁶³ Hazel Henderson – *Construindo um mundo onde todos ganhem* (Building a Win-Win World), ed. Cultrix, São Paulo 1996, www.pensamento-cultrix.com.br

¹⁶⁴ Henderson, *ibid.*, стр. 19 и 24

¹⁶⁵ Уже упомянутая работа Фрея и Стучера развивает эту тему: «Люди начинают чувствовать себя счастливыми не только от того, что результат был достигнут, но и из-за самого процесса... Считовски предлагает, чтобы ‘различие между той работой, что нравится и не нравится, может быть важнее, чем различие в созданном экономическом удовлетворении несоответствиями наших доходов’. Люди также могут чувствовать себя удовлетворенными, действуя правильно и будучи честными, не зависимо от результата... Так, помимо достигнутого результата, пользу приносит процесс принятия решений». (“*Thus utility is reaped from the decision-making process itself over and above the outcome generated.*”) – *Happiness and Economics*, *op. cit.*, стр. 153)

усваивать азот и т.д. То есть измерение сотрудничества является доминирующим в процессе и обеспечивает системное развитие жизни на планете. Соревнование не отбрасывается: совершается попытка осознать его размеры в измерении сотрудничества.

По мнению Кортена, рынок, в рамках точно очерченных условий, может представлять собой обстановку системного сотрудничества, но этого не происходит в реальной экономике: «Рынки являются впечатляющим человеческим институтом чтобы аккумулировать ресурсы, избранные многими лицами, чтобы достигнуть рационального размещения и использования производственных ресурсов, чтобы противостоять критическим условиям. Признавая идеальную мощь рынка, капитализм рядится в рыночную риторику, но стремится только к собственному развитию, поэтому его институты стремятся систематически разрушать здоровые рыночные функции. Уничтожается регламент, защищающий интересы людей и окружающей среды, изменяются экономические границы, чтобы стать недостижимым для государства, потребителям не дают доступа к важнейшей информации, существует стремление монополизировать благотворные технологии и использовать слияния, приобретения, стратегические альянсы и другие антиконкурентные действия, чтобы подорвать способность рынка к самоорганизации»¹⁶⁶.

Реальностью является то, что экономика изменяется, в целом, быстрее, чем наша способность организовать ее. Сегодня деятельность становится гораздо более широкой, сложной и интерактивной, требующей, чтобы экономика сотрудничества, материализованная в общественном капитале, становилась все более важной. В крупных предприятиях такая необходимость в целом была осознана, приводя к сокращению иерархического диапазона, к организации команд и так далее. Начиная с 80х годов XX века расширилось понимание необходимости сотрудничества не только *внутри* компании, но и между компаниями, отдавая должное концепциям «капитализма альянсов», «приготовления к сотрудничеству» между предпринимателями, *managed market* и так далее.

Относительно предприятий, книгой, отметившей изменение представлений, стала «*Alliance Capitalism*» Микаэля Герлаха (Michael Gerlach). В ней анализируются действительно существующие формы сотрудничества между предпринимателями, в частности, в Японии, и предлагается, что «экономическая теория может и должна противостоять ограниченности атомизированных и анонимных рынков, имея в виду объяснить институциональные формы, развивающиеся в современной экономике, чтобы преодолеть эту ограниченность. Интересно, в частности, то, что роль долгосрочных контрактных отношений и корпоративной организации, как альтернатив конкурентному рынку. Капиталистические рынки и предприятия представляются именно такими, не как отдельные явления, живущие по своей собственной логике, но как сложные институциональные комплексы,

---

¹⁶⁶ David Korten – *The Post-Corporate World* – Berrett-Koehler, San Francisco, 1999., p. 62 – Бразильское издание Editora Vozes, Petrópolis, 2003

подчиняющиеся определенному общественному порядку и базовым правилам, по которым действуют игроки».¹⁶⁷

В книге «*Terceira Italia*» сформировано понимание того, что помимо процессов сотрудничества между предприятиями, необходимо организовать сотрудничество с государственными инициативами и Третьим Сектором, что могут осуществлять экономики, являющиеся внешними для данного предприятия, но внутренними для данного региона, повышая производительность всеобщего труда. Книга Карло Карло Тригильи (Carlo Trigiglia), упомянутая выше, раскрывает такое понимание территории, как пространства организации сотрудничества.

Это практическое измерение основано на структурных переменных в процессах общественного воспроизводства, рассматриваемых в настоящей работе. Сделав возрастающее знание главным фактором производительности и поскольку передаваемое знание не пропадает ни у кого, но, наоборот, стремится к увеличению, естественной эволюцией является не та, когда мы оказываемся в чаще патентов и запретов, но создавая пространство, открытое для сотрудничества, как мы видели, например, в случае с Linux, Wikipedia или в формах сотрудничества в Pastoral da Criança. Борьба, основанная на «это мое» теряет смысл, когда речь идет о знании.

Другой динамикой, обеспечивающей большее присутствие сотрудничества, является коммуникация: так просто сотрудничать, включая между весьма отдаленными друг от друга субъектами, поскольку средневековая идея изолированного и самодостаточного замка каждый раз все более нелепая, поскольку взгляд компании и его «капитана» предпринимателя становится все более ограниченным, если он вступает в борьбу со всеми, закрывая свои секреты. В этом смысле межуниверситетские сети сотрудничества демонстрируют самые разумные и современные пути, хотя значительная часть университетского мира также стремится закрыться в своих башнях¹⁶⁸.

Третья динамика связана с нашей базовой формой демографической организации города с сельскими пригородами. Мы уже не являемся разбросанным сельским населением, и даже в сельском пространстве происходят процессы модернизации села, как утверждают исследователи Unicamp. В этом смысле, как мы видели,

¹⁶⁷ Michael L. Gerlach – *Alliance Capitalism* – University of California Press, Berkeley, 1992, стр. 39 – Герлах констатирует, что обмен, основанный на анонимности рынка «в действительности редок и ограничен довольно узкой полосой повседневных транзакций» (стр. 41). См. также работу Джейма Э. Остина (James E. Austin) «*The collaboration Challenge*», опубликованную Drucker Foundation, а также институционалистское видение Дугласа С. Норта «*Institutions, Institutional Change and Economic Performance*», Cambridge University Press, 1990. В отношении предпринимательской политики см. великолепную работу «*Wikinomics*» Дона Тапскотта (Don Tapscott) и Энтони Вильямса (Anthony Williams): авторы демонстрируют, как сотрудничество, не будучи мечтой политических иллюзий, отдает отчет рационализму экономической деятельности и становится всеобщим.

¹⁶⁸ См., в частности, OCW (*Open Course Ware*) MIT, открытой системы доступа к научному производству, бурно развивающая в настоящее время. Об этом см. нашу работу «*O professor frente à propriedade intelectual*» (2011) <http://dowbor.org/2011/08/o-professor-frente-a-propriedade-intelectual-7.html/>

каждый город с его пригородами может считаться экономической единицей, способной быть более или менее производительной, как система, если она сможет организовать себя в пространстве сотрудничества и взаимодействия в рамках своей территории и в районе, где она находится.

И, наконец, четвертая динамика, которую мы также уже рассматривали, связана с переносом межотраслевой совокупности экономической деятельности, все более сфокусированной на социальной политике, как здравоохранение, культура, информация, досуг и другие. Эта деятельность, более, чем промышленное производство, включает процесс интенсивного сотрудничества, они не регулируются исключительно прибылью и жизненно зависят от формирования общественного капитала и партисипативных процессов принятия решений. Соппротивление самым современным формам управления естественно. Когда-то шли сражения против обязательной вакцинации детей, во имя того, что каждый имел право принимать решение в зависимости от своих предпочтений. Понятно, что вакцинация части населения не искоренит никакую болезнь.

Эти четыре тенденции экономики знания, коммуникативности, урбанизации и социального приоритета, породили совершенно условия в совокупности процесса общественного воспроизводства, а старая практика, направленная на конкуренцию, на секретность, на создание закрытых клубов, представляет собой всего лишь применение старой экономической идеологии в новой реальности. Иначе, парадигма сотрудничества, помимо формирования этических принципов и материализации ценностей членов общества, стремящихся к приятной жизни, к разумной и полезной деятельности, вместо того, чтобы каждый день убивать по одному льву, представляет собой в настоящее время экономический здравый смысл в отношении к результатам всего общества.

Возвращаясь к принципу «общественной рентабельности», о котором говорит Селсо Фуртадо, взаимодействие должно развиваться вокруг простой цели рационального размещения ресурсов ради повышения качества общественной жизни.

В настоящее время, без сомнения, крупные фармацевтические предприятия проводят мероприятия по установлению взаимодействия между собой, что позволяет получить баснословную прибыль при ограничении доступа к свободному производству лекарств, что, в свою очередь, позволяет повышать цены. В Бразилии происходит интенсивное сотрудничество банкиров по созданию системы ограничения доступа к кредиту, установлению повышенных процентных ставок и очень дорогих тарифов, что позволяет им уводить значительную часть богатства, произведенного обществом, не имея потребности производить его. Крупные медийные группы взаимодействуют с крупными компаниями, которые покупают рекламное пространство и адаптируют содержание информации к интересам предпринимателей. Нет недостатка в примерах образования таких закрытых кругов вокруг миноритарных интересов.

Путнам хорошо резюмирует этот вопрос в своей уже упомянутой нами работе «*Bowling Alone*», напоминая, что Ку-Клукс-Клан был организацией гражданского общества, но его целью было *исключить* сегмент общества, вместо того, чтобы *учесть* в сбалансированном виде различные интересы. Это не взаимодействие, это корпоративизм в его худшем проявлении. Иначе, формирование необходимых процессов взаимодействия в современной экономике проходит через прорыв в различные укрепления, создаваемые картелями, трестами и другими клубами богатых, нарушающими равновесие развития. Невозможно избежать активного поиска самых демократических, децентрализованных и партисипативных экономических процессов.

Кортен ищет решений в определении пространств местного развития, в которых субъекты экономики знакомы и могут выстроить системы взаимодействия: «Преодоление кризиса зависит от степени мобилизации гражданского общества, чтобы овладеть властью, узурпированной корпорациями и мировыми финансовыми рынками. Наша самая большая надежда на будущее связана с развитием местной экономики, предпочтительно основывающейся на местных ресурсах, чтобы отвечать на жизненные потребности местного населения в формах, позволяющих поддерживать равновесие в данной местности. Такие изменения институциональных структур и приоритетов могут открыть путь для ликвидации скудости и крайнего неравенства в человеческом опыте, создавая истинную гражданскую демократию и высвобождая еще не реализованный потенциал и индивидуальное и коллективное творчество»¹⁶⁹.

В этой области не существует простых решений, но парадигма взаимодействия, без сомнения, дает новое понимание, где простая конкуренция не является решающим фактором, а рынки все менее влияют на процессы. Обновленное представление включает привлечение планирования, механизмов местного партисипативного управления, образование системы взаимодействия предпринимателей, а *также* традиционные рыночные механизмы, там, где они могут быть полезными, помимо механизмов международного согласования, которые все более становятся необходимыми, указывая на совокупность для обеспечения артикуляции различных механизмов регулирования вместо упрощенных альтернатив *огосударствления против приватизации*¹⁷⁰.

Наше упрощенное предчувствие, те неразъясненные, носильные аргументы, которые имеются где-то в глубине нашего интеллекта, утверждают, что политика не работает, и, что рыночная экономика, определив правила игры, равные для всех субъектов экономики, все еще является лучшим механизмом регулирования. Реальность такова, что должна измениться сама политика, развиваясь в направлении партисипативной демократии, пока рыночные механизмы (эффективные, с наличием конкуренции) действуют в каждый раз более ограниченном пространстве традиционной экономики, замененные силой

---

¹⁶⁹ Korten, op. cit. стр. 7

¹⁷⁰ Довод об артикуляции механизмов регулирования был рассмотрен в нашей работе «*A Reprodução Social*», т. II.

корпоративных артикуляций, трестов и картелей. Экономическая демократия является необходимым дополнением, который может рационализировать, как политику, так и экономику.

18 – Экономика организаций гражданского общества

Парадигма взаимодействия материализовалась, в частности в организациях гражданского общества, в так называемом «третьем секторе», сфере, включающей совокупность реакций, не определяемых традиционными парадигмами стремления к прибыли или государственных полномочий.

Неточность концептуальных определений в этой сфере начинается с названия, указанного выше, «гражданское общество». Мы не будем вступать в обсуждение этого, поскольку громадное разнообразие видов деятельности, обозначенных этим наименованием, бросает вызов любому точному определению. Здесь достаточно сказать, что мы имеем в виду организации гражданского общества, неправительственные организации, коммунитарные организации и т.д. В действительности, мы продолжаем определять эту сферу префиксом «не», как в нашей терминологии (неправительственная), или в американской терминологии (*non-profit, некоммерческая*), или в концепции «Третьего сектора» (т.е. не-государство, не-предприятие). Эти различные сферы деятельности, рождающиеся сильными, приобретают самые понятные форматы, они будут определяться относительно других учреждений, о которых мы имеем достаточно ясное понимание, государство, предприятие, пусть и методом исключения.

Для экономистов эта сфера представляет одни неудобства. У государства есть логика, определенная административным публичным правом. Его продукт учитывается через стоимость, даже когда речь идет об инвестициях. У компаний иная логика, но она также понятна: зарабатывать деньги, руководствоваться торговым правом, а их вклад оценивается добавленной стоимостью, даже если продукт окажется ненужным или вредным. Третий Сектор нарушает эту упрощенную логику. Его инициативы зарождаются в спонтанном движении группы людей, озабоченных социальными проблемами, что не находит подходящих решений ни у государства, ни у предприятия, хотя они и хотят дать ответ.

Эта сфера имеет очень слабое правовое определение, она опирается на законодательство, относящееся к некоммерческим ассоциациям, иногда они приобретают форму *Oscip* (Организаций Гражданского Общества с Общественным Интересом), в других, могут принимать форму кооператива, а еще самоуправляемой компании, в новом направлении, именуемом солидарной экономикой¹⁷¹. Не всегда правильно суммировать созданную ими стоимость, поскольку они опираются на деятельность волонтеров, на разного рода пожертвования. Еще сложнее оценить их продукт: *Greenpeace* проводит громадную деятельность по защите экологии, но, поскольку она не подверглась

¹⁷¹ Paul I. Singer – *Introdução à Economia solidária* - São Paulo, Ed. Perseu Abramo, 2002 г.

монетаризации, мы вряд ли можем определить спасенную стоимость. Никто не учитывает вклад в ВВП организации «Pastoral da Criança», и, тем не менее, если суммировать рабочие дни, которых не теряют семьи, лекарства, которые им не надо покупать, или отсутствие необходимости госпитализации, мы получаем, без сомнения, впечатляющий вклад в системную производительность в бесчисленных районах. Правозащитные организации выполняют жизненно важную функцию, выступая против той легкости, с которой правительства и корпорации нарушают права человека, но никому не приходит в голову учитывать их усилия.

В основе этого вопроса лежит тот факт, что неорганизованные права человека не материализуются. Государство представляет собой структурированную сущность, как в случае с единством предпринимателей. Гражданское общество может быть многочисленно, но оно рассеяно в смысле разнообразия интересов, которые еще и рассеяны. На плебисците о сохранении Амазонии практически все население проголосовало бы «за», но в данном случае преобладает определенный и организованный интерес лесозаготовительной компании или компании, производящей сою или скот. Мощнейший, но рассеянный интерес населения не превращается в конкретное действие, за исключением случая, если у людей, заинтересованных в решении какого-либо определенного вопроса нет представителя, который бы провел соответствующие исследования, рассказал о данной проблеме через СМИ, смог бы сделать соответствующий юридический запрос. Таким образом, гибкость в создании организаций, которые бы служили нам помощниками, чтобы собрать интересы, рассеянные, но важнейшие, стало жизненно важным для функционирования общества.

Политический вклад организаций такого типа подвергается критике. Некая компания, осуществляющая деятельность, создающую рабочие места, и пусть даже оказывающую сильное воздействие на экологию, считает, что не должна более ни перед кем отчитываться. Кто избрал экологическую ассоциацию, которая надумала протестовать? В действительности, законность организации гражданского общества состоит в том, что ее единственная сила исходит от общественной поддержки, которая привлекает внимание к проблеме. Она занимает свое место не в связи с финансовой мощностью, либо от страха быть оштрафованной, но от уважения, которое она заслуживает. В этом смысле она является глубоко демократическим инструментом, который дополняет коренным образом традиционные механизмы общественного управления.

Лестер Саламон (Lester Salamon) из John Hopkins University получила сложную задачу систематизировать данные о третьем секторе, продолжая руководить своими международными исследованиями, во время которых создавалось базовое исследование, которое сегодня позволяет нам определить, где мы находимся. Первым моментом является относительное значение этой деятельности, которые многие продолжают рассматривать, как маргинальную: в развитых странах ей охвачено 7% рабочей силы, а если добавить волонтеров, то этот показатель увеличится до 10% трудящихся. В Латинской Америке этот сектор еще слаб,

представляя соответственно 2,2% и 3%. Для Бразилии соответствующие цифры – 2,2% и 2,5%¹⁷².

По мнению многих, деятельность организованного гражданского общества (НГО) просто освобождает государство от его обязанностей, для других они являются «bandaid» при корпоративных нарушениях. Таким образом, их экономическое «не-место» соответствует их «не-месту» политическому. Эти упрощения в действительности имеют отношение к факту идеологической борьбы XX века, о которым мы еще будем говорить. Речь идет о новых процессах. С одной стороны, мы говорим об обязанностях государства, не упоминая, до каких пределов они должны осуществляться. С другой, с точки зрения Милтона Фридмана, речь идет об уводе денежных средств, которые должны были направляться в карман руководителей компаний и акционеров. В реальности, доходы организаций гражданского общества в Бразилии составляют около 15,5%, поступающих из государственного сектора, 10,7% от предпринимательской филантропии, а 73,8% из собственных средств, поступающих в оплату за предоставляемые ими услуги¹⁷³.

Завышенная оценка производительного вклада общественных организаций происходит потому, что их деятельность происходит в основном в области немонетарной экономики, а, значит, испытывает такие же искажения при подсчете результатов. Если обратиться к качеству жизни в широком смысле, а не только к росту ВВП, воздействие становится заметным немедленно. Возвращаясь к примерам, приведенным выше, скажем, что «Pastoral da Criança» может мобилизовать ограниченный объем ресурсов, но если мы проанализируем конкретные результаты для детей и их семей, включая в сфере денежных выплат, влияние очень велико. Требование общества об очистке реки для организации досуга, уменьшения уровня заболеваний и большой экономии, в связи с тем, что профилактика всегда гораздо дешевле, чем очистительные мероприятия.

Как мы видели, в развитых странах, объем коммунитарной деятельности также, как участие государства, гораздо значительнее. Государство на 40% финансирует НГО, а плата за предоставляемые услуги составляет 50%; частные пожертвования находится на том же уровне, что и в Бразилии – около 10%, а потому считаются относительно небольшими, хотя информация распространяется через маркетинговую сеть социального предпринимательства. Значительное участие государственного сектора в финансировании НГО в развитых странах напрямую связано с подтверждением исключительной системной производительности, которой достигают эти организации.

В приведенном выше примере об НГО по финансовому посредничеству, в связи с тем, что эти организации существуют в сообществах и контролируются ими, применение ресурсов становится гораздо более рациональным и соответствующим местным потребностям. Во многих случаях, когда одно сообщество собирает

¹⁷² Lester Salamon и др., *Global Civil Society: dimensions of the nonprofit sector*, стр. 387 и др., соответствующие данные приведены за 1995 г. – особенно интересная глава о Бразилии написана под руководством Лейлы Ландин (Leilah Landim).

¹⁷³ Idem, стр. 404 и 405

деньги на какое-либо мероприятие, которое оно считает важным, государство со своей стороны принимает участие, поскольку понимает, что если одно сообщество приняло решение вынуть деньги из своего собственного кармана, тогда необходимо действовать. Результатом является то, что государственные средства, применяемые таким образом, работают гораздо производительнее в смысле практических результатов для сообщества.

Одним из важнейших моментов в этой области экономики часто являются трудности по оценке результатов. Культурная программа поддержки юношества может показаться потерей денег. Как оценить рост общественного капитала, чувства самоуважения или неистраченные средства? По тому, что было изложено выше, в главе 3, при измерении системного производства какой-либо территории, мы можем оценить результаты. В целом, сегодня существует понимание того, что количественных измерений недостаточно, также не является реальным представлением о том, что только конкретные результаты могут быть измерены. Перекрестные количественные и качественные измерения позволяют прийти к более реалистическому результату. Многие специалисты, отчаявшиеся ставить цифры в своих отчетах для представления счетов, например, о какой-либо культурной инициативе, могут просто спросить жителей сообщества, удовлетворены ли они. Простое удовлетворение, оцениваемое исследованиями восприятия являются наилучшей мерой правильности применения средств, без необходимости сложных вычислений рентабельности.

Наиболее практической формой достижения высокой производительности инициатив сообщества является развитие систем общественной информации в интересах самого сообщества. Хазел Хендерсон приводит нам интересное размышление, начиная с примера, знакомого нам, с транспортной пробки. Мы можем представить, что невидимая рука решает проблему, или разрешаем каждому действовать, как ему заблагорассудится. Результатом, возможно, станет еще бóльшая пробка, в соответствии с самыми очевидными представлениями о транспортных альтернативах. Мы также можем допустить, чтобы каждый сам сделал свой выбор, но обеспечить, чтобы по радио передавались сообщения о состоянии движения в каждом районе. Последний вариант, который Хазел называет индикативным планированием, оставляет инициативу за гражданином, но гарантирует, что он сможет сделать лучший выбор, благодаря информации, а не вслепую.

Первое положение порождает хаос и представляет в весьма показательном виде либеральную систему, при которой каждый стремится увеличить свои преимущества, не будучи должным образом проинформированным о том, что предпринимают другие. Например, возникает стадное чувство в финансовой сфере, где изменения котировок приводят к тому, что все спекулянты двигаются в одном направлении, обостряя отсутствие равновесия, от которого они хотят защититься. Другой момент – это централизованное планирование, устанавливающее порядок при отсутствии учета разнообразных интересов действующих лиц и где гражданин теряет инициативу. Возникают бюрократические системы, какие мы наблюдали в странах Восточной Европы. Много порядка и мало инициативы.

Третья система исходит из понимания, что хорошо информированный гражданин сможет принять решения, совпадающие с его личным интересом при соблюдении системной логики процесса. Другими словами, адекватная и хорошо распространяемая информация одновременно составляет инструмент гражданства и рациональности развития.

Современные общества являются слишком сложными, чтобы ими можно было управлять авторитарной властью. Технологические инструменты, используемые нами имеют слишком большую мощность, чтобы можно было внедрить культуру «годится все», как при пользовании электроэнергией, либо при сбережении воды, либо при обработке поля, необходимо, чтобы каждое предприятие, каждое государственное учреждение, каждая организация гражданского общества имела представление о совокупности происходящего¹⁷⁴.

В традиционных производственных секторах, цена представляла и продолжает представлять в некоторых секторах, важный элемент рационализации. Тот, кто производит слишком дорогие кроссовки, столкнется с трудностями при их продаже, а потому должен будет адаптироваться. В более рассеянных областях, связанных с системной производительностью какой-либо территории, организованная информация является инструментом регулирования, представляющий цену для традиционного сектора. Компания, располагающая управленческой информацией, сможет снизить расходы и адаптироваться к рынку. Общественная инициатива требует надежной информации, чтобы обеспечить собственную рациональность в виде системного анализа территории: источников загрязнения окружающей среды, пособий по бедности и т.д. Вопиющим фактом здесь является то, что мы не располагаем территориальной и общей информацией, чтобы направлять общественные действия на территории¹⁷⁵.

Здесь не имеет смысла подводить итог широкой гамме инициатив, открывающейся в сфере солидарной экономики, мероприятий гражданского общества в целом. Для нас важным является указать на определенную широкую сферу экономики, чье экономическое измерение требует осмысления, а сама она ясно подчиняется различным механизмам регулирования, как в традиционном государстве, так и на частном предприятии

Если сопоставить развитие этого сектора деятельности со структурной динамикой, поддерживающей парадигму сотрудничества, рассмотренную выше – урбанизацию и развитие коллективного потребления, информационные технологии и общественная коммуникация, развитие социальной политики, благоприятствующей децентрализованным и партисипативным процессам;

---

¹⁷⁴ Хорошо организованная информация облегчает рациональный выбор различных социальных субъектов, но не подменяет инициативу государства и стратегическое планирование. В приведенном выше примере о затруднениях движения хорошее планирование общественного транспорта могло бы обеспечить простое решение проблемы.

¹⁷⁵ Отталкиваясь от примера, приведенного выше, Хазел Хендерсон, мы разработали целый ряд практических предложений в нашей работе *«Informação para a Cidadania e o Desenvolvimento Sustentável»*, на <http://dowbor.org>, под рубрикой «Artigos online».

первенство экономики знания, способствующей развитию обменов – то мы сделаем вывод, что здесь идет речь не о незначительном суб-процессе государственного сектора, но о создании, со стороны сообществ, минимально необходимой организации общественных усилий. Между бюрократией централизованного государства и жестокостью корпоративных интересов существует пространство для разумной жизни.

Можно шагнуть за эту мысль. В исследованиях, в которых мы проанализировали тысячи успешных инициатив, мы пришли к выводу, что подавляющее большинство охватывает не только организованное гражданское общество в виде партнерства между ним и традиционными государственным и частным секторами. Другими словами, организации гражданского общества представляют собой мощный общественный элемент для более широкой совокупности, чем государство или компания, которому в качестве балласта служит здравый смысл и рациональность.

Когда мы оцениваем опыт хорошо работающей общественной организации от очень бедной Кералы, до очень богатых Швеции или Канады, единым знаменателем является организованное и требовательное гражданское общество, вынуждающее государство представлять счета об использовании средств и создающее обстановку, в которой частные предприятия вынуждены уважать общественные и экологические интересы региона, где они действуют. Организации гражданского общества, в этом смысле, являются все более необходимыми.

С точки зрения экономической демократии такой вклад является наиважнейшим. Гораздо проще манипулировать отдельными людьми, пусть и миллионами, чем организованными общественными интересами. По мере того, как механизмы рыночной конкуренции заменяются олигополиями, картелями и т.п., при мировой власти – бóльшая часть крупнейших экономик мира в настоящее время являются компаниями, а не странами, с руководителями, которых никто не выбирал – организованный выразитель интересов общества становится необходимым для функционирования экономики.

19 – Этика в экономике

Этическая база эпохи конкуренции несложны: кто выиграл, то заслуживает того, что он выиграл, при уважении правил игры, определенными юриспруденцией. Этика в эпоху конкуренции содержится в самом производственном процессе: кто выигрывает, естественно, получает право на преимущество, а это преимущество законно. Право победителя. Сумма индивидуальных преимуществ давала максимальное общественное преимущество. Есть два коренных упрощения, относящихся к реально существующему миру. Проблема заключается в том, что крупные победители стали достаточно сильными, чтобы менять правила и становиться еще сильнее. Теперь это уже не игра, когда сильнейший еще и диктует правила.

Если тот, кто выигрывает, того заслуживает, то проблема окончательного результата обходится стороной. Но если в игре всегда выигрывает банк, что-то не

так с картами. А когда мы смотрим на окончательный результат экономической игры, в которой планета оказывается буквально разграбленной и все время одними и теми же, действительно, что-то идет не так. Экономика освобождается от проблемы этики, отделив экономические процессы от результата. Если миллионы умирают от СПИДа и не могут купить лекарства, это их проблема: почему они не организовались, чтобы стать богатыми и иметь возможность заплатить за «коктейль» из лекарств? За год умирают миллионы детей, потому что не имеют доступа к чистой воде? Так что правила игры таковы: кто лучше, тот и выигрывает. Победителю – приз. 435 семей в настоящее время располагают суммарным богатством, превышающим доходы 3,5 млрд. человек из беднейшей половины населения мира. Они самые умные, а потому заслуживают? Или искажение происходит из контекста правил игры?

Важность небольшого мошенничества Банка Швеции, который придумал поставить имя Нобеля на свою премию, велика. Но дело в том, что настоящий Нобель ассоциируется с наукой, с открытием законов, «истин». Это приводит к мысли, что экономическая наука может сойти за объективную в самом глубоком смысле, подчиняясь объективным механизмам, как химия и физика. Следующим шагом, естественно, является то, что любое варварство может быть оправдано, так как не зависит от чьего-либо злого умысла. Это закон. А экономисты представляются учеными, которые понимают «законы», жрецами, видящими ясно там, где другие сбиваются. Не важно, если несколько жрецов противоречиво истолковывают реальность: это демонстрирует, сколь глубока и сложна материя. Но истина заключается в том, что нет ничего сложного в ребенке, который умер от голода или от нехватки чистой воды. У нас есть знания, ресурсы и организаторские способности, чтобы быстро вылечить его, но это значит, что нам придется нарушить правила игры. Кроме того, любая помощь может дать бедным свободное время, а это богатые считают возмутительным.

Экономисты, как ученые, не занимаются поиском законов природы. Это люди, которые исследуют механизмы, основанные на общественной практике, устанавливаемой в зависимости от политической власти различных экономических субъектов. Экономика функционирует на основании определенных правил игры, но правила игры создаются в неравных условиях власти. Не существует ни одного экономического закона, который бы определил, что учитель начальных классов государственной школы получал столько, сколько он получает в Бразилии. Ни то, что финансовые посредники в определенный исторический момент настолько набивают карманы, что вызывают торможение экономики. Единственный закон, существующий здесь – это закон сильнейшего. А раз экономика каждый раз уходит от демократического процесса во имя «свободного» рынка, то противовеса не существует.

Понятно, что существуют механизмы, которые преподает простой здравый смысл. Их надо изучать и уважать. Если человек очень беден, он не получит доступа к образованию, а потому не будет иметь хорошей работы и так и останется бедным, кроме 1% вероятности, если случится чудо или особым способом он пробьется в жизни и станет героем репортажей. Если будет плохой урожай риса, на рынке

будет меньше риса, что позволит посредникам повысить цены, потому что существует игра предложения и спроса. Она существовала задолго до капитализма на любом восточном базаре. Исследовать эти механизмы, определять предпочтения очень интересно, но нет ничего нового в том, чтобы «открывать» эти процессы. Стиглиц получил «Нобеля» по экономике, показав, что экономические субъекты имеют неодинаковый доступ к информации, что является истиной, но не является никаким открытием. Адвокаты также изучают до глубин юридические тонкости. Они начинают понимать механизмы, которых не понимают другие. Они приходят к обратным выводам в зависимости от интересов тех, кто их нанимает на работу, но по этой причине никто не создаст Нобелевскую премию по адвокатуре.

Результатом запутанности противоречивых объяснений, которые мы находим в экономике, является разнообразие интересов, чем сложность самих явлений. Синдикат банкиров объясняет механизмы, принятые банками, чтобы сделать всеобщими высочайшие процентные ставки в стране. Экономист из Febraban отвечает о невозможности выдачи кредита, держа в руках впечатляющий список трудностей, используя при этом совершенно извращенную логику, которая также представляется, как объективный экономический анализ. Правительство стремится заключить с банкирами, Центральным Банком и Министерством Финансов секретный пакт, но объясняет, что все это в реальности служит, чтобы защитить бразильское население от нового скачка инфляции. С научной стороны Сингер показывает, как мы уже видели, что при таком уровне процентных ставок не могут развиваться производственные процессы, и что такие проценты, вместо борьбы с инфляцией, стимулируют ее. Амир Хаир утверждает, что в эту эпоху открытой экономики и при наличии продуктов из Китая у наших дверей, есть возможность пугать опасностью инфляции. Синдикат остается со своими жалобами, а банкиры со своими прибылями, правительство с голосами избирателей, а исследователи со своими идеями, уважаемыми, но не востребуемыми. Где же здесь экономические законы? Законы...

Что здесь действительно действует, так это то, что существующие правила обеспечивают разбазаривание ресурсов планеты и исключают громадную массу населения из доступа к достойной жизни. Но они не правы. Не то чтобы не существовало механизмов, требующих учета, но которые не имеют широкой известности. Если, например, существует большой доход у бедных сегментов, населения возникает бóльший спрос на товары первой необходимости, но процессы принятия решений должны развиваться для обеспечения *результатов*. Более, чем об *output*, говорят об *outcome*.

Мы живем на этапе, когда все стоит денег. Именно все: и электронная церковь, и отношения учитель-ученик, и отношения в семье, и любовные связи, и политические отношения. Компании, загрязняющие реки делают экономические вычисления. Экономика учит, какова возможность того, что выбросы в реку будут обнаружены, каков будет штраф. Это сравнивается с тем, сколько будет стоить установка оборудования очистки воды, распределенная на стоимость единицы продукции. В расчеты не входит, сколько людей заболеет, какая часть природы в реках погибнет, т.е. окончательный результат для общества. Эти расчеты являются

строго экономическими. Единицей расчетов является само предприятие. То, что происходит вне предприятия, в расчеты не попадает. Тот, кто оплачивает штрафы, живет по закону. А если надумают увеличить штрафы, существуют лоббисты, которые действуют, чтобы удержать штраф на его смехотворном уровне, или даже отозвать сам закон.

На теоретическом уровне мы всегда сталкиваемся с Милтоном Фридманом, его многочисленными последователями, которые объясняют, что в поле законности не существует озабоченности тем, чтобы корпорация думала об этике, но если отдельные люди, которые в ней работают хотят заниматься благотворительностью, это их право. Заставить юридическое лицо заботиться о социальных и экологических вопросах, поясняет лауреат «Нобеля» по Экономике, “*is certainly not democratic*”¹⁷⁶.

Рассуждения не сложны. Когда какой-то кондоминиум или компания сбрасывает своих отходы в реку, а потом экологическому органу приходится заниматься очисткой, затраты становятся несравненно выше, а поскольку все имеет свою цену, гражданам приходится расплачиваться через налоги. Это глупое решение, поскольку оно является более дорогим для всех, кроме компании, построившей кондоминиум. Вместо того, чтобы затратить условно 100 единиц, общество тратит 500, распределяемых между всем налогоплательщиками. Затраты, распределенные между многими лицами, менее заметны. Компании, которые будут заниматься очисткой, тоже заработают и будут поддерживать систему. Дополнительные затраты, образующиеся на разных уровнях учитываются, как ВВП, создавая впечатление, что наш *жизненный уровень* повысился (речь идет о ВВП на душу населения). Тот факт, что понизилось *качество жизни* не входит в подсчеты¹⁷⁷.

Весьма впечатляющим является тот факт, что мы считаем естественным присутствие этики в обучении медицине, но второстепенным в курсе экономики. Возможно, чтобы не обескураживать учащихся, не говоря о преподавателях. Доминирующая теория изъяла этику из сферы обсуждения за счет коренного упрощения: если обогащение произошло нелегальными методами, для этого существует правосудие и полиция, а значит, речь идет о криминальном вопросе. А если законными, то оно законно, и поэтому этический вопрос также не ставится.

Об этом существует огромная литература, начиная с Адама Смита, утилитаристов, до глупостей книги «*Free to Chose*» Милтона Фридмана. Все эти теоретические построения, тем не менее, основываются на исчезнувших предпосылках. В основе находился рыночный механизм со свободной конкуренцией, или не имеющей не одного достаточно мощного игрока, чтобы «сформировать» рынок с свободным набором факторов, с открытой информацией, с обменом, открыто проводимым на

¹⁷⁶ Интервью Милтона Фридмана в документальном фильме “The Corporation”.
www.thecorporation.com

¹⁷⁷ Переводя затраты на государство, компания становится более прибыльной и предоставляет этот аргумент, как доказательство эффективности. Государство, несущее эти расходы, становится менее эффективным, как если бы эти затраты создавались им самим. Говорить плохо о государстве стало любимым «видом спорта» у тех, кто создает эти расходы.

«рынке». В чистой игре результаты были бы такими же. А государство, как регулятор, обеспечило бы уважение правил игры всеми.

Понятно, что в этом рассуждении есть определенные проблемы. Во-первых, потому что представляется, что правила игры созданы законным политическим представительством без влияния самих экономических групп. Поскольку в реальности в настоящее время политическое представительство приобретает через выборы, где правят деньги, принимается тот закон, который нужен компании. Тот факт, что законность испорчена, считаясь неэкономической проблемой, это указывает на другую проблему: экономика стремится придать этический подход самой экономической деятельности, отмежевываясь от результатов деятельности в других сферах, как, например, политика. Заниматься политикой систематически и организовано, затрачивая на это массу денег, чей источник включен в цену, которую потребитель платит за продукт, и одновременно заявлять, что он не несет ответственности за эту политику, очевидно, является вопросом сложным¹⁷⁸.

Важно вспомнить, что мы заплатили за купленные продукты деньги, которые компания переведет политикам, чтобы заставить демократию работать себе на пользу. Это частный налог (нет возможности избежать такого применения нашим деньгам в рамках существующих правил), который служит завладению политикой крупными экономическими группами. Если мы сделаем выбор в сторону государственного финансирования избирательных компаний, произойдет снижение расходов, и они станут транспарентными.

С другой стороны, сами производственные процессы порождают различные типы социального и экологического воздействия, которые нельзя игнорировать, которые в настоящее время исследуются, как «внешние воздействия», как будто в экономических процессах присутствует некий «внешний фактор». Один производитель короткоствольного оружия заявил в интервью, что «он сам не нажимает на курок». Мировые продавцы оружия, которые сегодня, например, наводняют Африку миллионами автоматов, утверждают, что просто продают продукт, отвечая на спрос. Производители сигарет разъясняют, что просто продают сигареты, а здравоохранением должно заниматься правительство. Philip Morris подготовил доклада для правительства Чешской Республики, доказывая, что продажа сигарет снижает их затраты на пенсии, сокращая жизнь пожилых людей. Иначе говоря, здесь мы приобретаем положительный внешний фактор.

Родия и Караибский Союз освободились от очень токсичного органического хлора в низине Сантоса, «продав» ядовитое вещество местным хозяевам грузовиков, готовым вывезти его в любое место, в том числе, в Вале дос Пилоэс. При этом компания считала снявшей с себя ответственность и представила подписанные

---

¹⁷⁸ Ив Дезале (Yves Dezalay) заполнил здесь важную лакуну, изучая господство законодательной промышленности корпораций, которые сегодня контролируют крупные группы, предоставляющие юридические услуги: *Les Marchands de droit: la restructuration de l'ordre juridique international par les multinationales du droit* (Торговцы правом: реструктуризация международного юридического порядка юридическими многонациональными компаниями) Fayard, Paris, 1992, диссертация, написанная под руководством Пьера Бордие (Pierre Bourdieu).

квитанции. Это была непрямая сделка. Экономическая этика потребовала удлинения ответственности до достижения идеала, который сегодня цинично называют *plausible deniability*, разумный отказ от ответственности.

Важным моментом у Стиглица стало описание другого механизма, совершенно искажающего правила игры, которым является неравенство в уровне информации от различных субъектов экономики. Это столь дорого для фабричного производства, как химическая продукция, не идентифицированные консерванты, план здравоохранения, рекомендуемый определенное лечение или анализы, не говоря о финансовом посредничестве в том виде, как рассчитывается наш счет за телефон, расходы на адвокатов и др.

Простое могущество крупной корпорации, с ее финансовыми ресурсами, адвокатские компании, доступ к СМИ и к юристам, коренным образом разбалансирует соотношение сил. Так «рыночные механизмы» становятся сознательными процессами организации привилегий, при политических договоренностях, договорами между предпринимателями, доступе к СМИ, контроле над партиями и правовым сегментом и т.д. Организованные возможности крупных корпораций является несравненно более высокими, чем возможности обычного гражданина или небольших и разбросанных компаний. Любой человек, который пожелал выйти из отношений с телефонной компанией знает, что он бессилен перед лицом корпорации.

Еще более важным возможно является тот факт, что наши технологические процессы становятся все более мощными и порождают растущие драмы. Иначе говоря, утрата контроля за политикой имеет все более острые последствия. Этот вопрос был поднят в отношении промышленного рыболовства в океанах, разрушении растительного покрова и многих других секторов. Любопытный факт: посмотрев фильм с рыбкой Немо американские дети захотели получить такую же. Раньше проблемы бы не возникло, отец купил бы рыбку. Сегодня, в эпоху новых технологий, компании вылавливают бедную рыбку в промышленных масштабах в Тихом Океане, чтобы «насытить» детский рынок, что через короткое время может привести к исчезновению Немо. Есть данные, что в 2005 г. было убито 73 млн. акул, потому что японцам нравится есть их плавники. Технологии позволяют нам работать в масштабе, создающем впечатляющую прибыль, но при необратимых процессах. Масштаб вмешательства, которое допускают новые технологии, выводят из строя механизмы равновесия рынка (через конкуренцию) или природы (естественное восстановление ресурсов).

Все это позволяет понять, почему прибыль, как системный рационализаторский элемент экономики, стал, по имеющимся данным, недостаточным, недействующим или контропроизводительным. В последней инстанции учитывается практический результат. Он драматически увеличивает дистанцию между богатыми и бедными, ведет к разрушению природы морей, растительного покрова на земле и опустынивание целых регионов. Мы создаем глобальное потепление и климатический хаос и т.д. В частности эта система не умеет распределять, поскольку могущество, создаваемое в производственных процессах усиливает

неравенство между игроками, увеличивая привилегии. Демократизация экономики является не просто привлекательной идеей, это жизненная потребность. Фискальный пакт, способный вернуть государству его возможности по распределению наталкивается на постоянные атаки корпораций, о том, что налоги изымают «их» деньги.

Экономика сотрудничества основывается на договоренностях, а договоренность, не содержащая информации о результатах, об устойчивости процесса и о *распределении* продукта, не имеет смысла. Когда мы вводим понятие распределения в определение правил игры, вопрос *для кого*, мы также начинаем дискуссию о том, *что* будет производиться, при каком воздействии на экологию и на общество. В этом смысле экономическая этика перестает быть основанной на законе сильнейшего и начинает регулироваться бóльшим системным интересом. В свою очередь, создание более сбалансированного общества и более благоприятных условий жизни расширяет возможности нашего выбора и обращается в бóльшую личную свободу. Амартия Сен является мастером!

Каждый из нас, личность, воспитатель своих детей, преподаватель, предприниматель, служащий, профсоюзный деятель или кто бы ни было должен ориентироваться на разумное равновесие между собственными, совершенно законными, интересами и общим благом. Проблемой традиционной корпорации является сложность включения общего блага в ее цели. Мы можем подумать о том, чтобы создавать все более строгие законы, но в реальности, по мере усложнения вышеупомянутых механизмов, мы можем утонуть в правилах и запретах.

Мы все ищем пути, идем на ощупь, стремясь возвести мосты между экономической деятельностью и этикой. «Вернуть ценности в экономическую жизнь неизбежно является частью наших поисков жизни после капитализма», - пишет Дэвид Кортен. «Чем более глубоко определены ценности этими правилами, они быстрее ассимилируются народной культурой, как необходимый образец, и принимаются экономической жизнью, тем меньшей будет потребность осуществления государственного контроля».

В этом отношении начинается продвижение вперед. У многих предприятий уже имеются программы социальной и экологической ответственности. Правда также то, что многие занимаются этим скорее в косметических целях, желая обелить свое имя, чем действительно повысить свою реальную полезность для общества. Но в целом процесс идет вперед, поскольку общество начинает получать результаты об уровне качества жизни и становится более сознательным, в частности, благодаря организациям гражданского общества¹⁷⁹.

---

¹⁷⁹ Интересным документом является «*Vision 2050*» от 2010 г. Он представляет видение совокупности крупных корпораций, отдающих себе отчет в вызове, в рамках «*World Business Council for Sustainable Development*». Руководители по большей части оказываются неспособными что либо сделать даже в рамках своих корпораций, но понимают, что происходит: “We have what is needed to live well, within the limits of the planet: the scientific knowledge, proven and merging

В теоретическом смысле Амартия Сен сыграла главную роль, поставив в центр рассмотрения проблему свободы, что, в свою очередь, позволило представить нашу центральную проблему, которой является неравенство и разрушение окружающей среды при понимании восстановления гражданственности, права каждого гражданина сделать свой выбор. По мере того, как сужаются тиски бедности, а мы говорим о столь значительной величине, как две трети населения мира, также сужается выбор и возможности людей проявить инициативу в отношении собственной жизни. Похожий процесс углубляется в отношении экологической тематики.

Для Сен наиважнейшим является «способствовать созданию условий, в которых у людей возникает возможность оценивать тип жизни, который они хотят вести. Экономические и социальные факторы, как базовое образование, элементарные услуги по здравоохранению и надежное рабочее место являются важными не только сами по себе, но по той роли, которую они могут сыграть, чтобы дать людям возможность смело и свободно жить в мире. Эти доводы нуждаются в более широкой информационной основе, сконцентрированной, в частности, на возможностях людей избрать тот образ жизни, который они смогут ценить»¹⁸⁰.

Это заставляет Сен признать теоретический обман, состоящий в том, чтобы оправдывать бедность народов, как неизбежное страдание на пути достижения экономической эффективности. Такой знакомый аргумент для экономистов военной диктатуры: «Качество жизни может быть значительно повышено, несмотря на низкий уровень доходов, за счет соответствующей программы социальных услуг. Тот факт, что образование и службы здравоохранения также являются продуктивными для экономического развития, это подтверждает факт о необходимости вычлнить эти социальные вопросы в бедных экономиках, *без ожидания первым делом разбогатеть*»¹⁸¹.

Другими словами, реакция на насущные потребности бедноты освобождает вашу возможность выбора и конструктивную инициативу, при примирении этики и экономики. Такое представление сформировалось на основе эмпирических знаний через «*Relatórios sobre o Desenvolvimento Humano*», как мы видели выше, но также открыло возможность для проведения теоретических исследований, осуществляющих экономический анализ в направлении приоритета права выбора массы изгоев планеты¹⁸².

---

technologies, financial assets and instant communications. Nevertheless, today our societies are on a dangerously unsustainable track.” <http://bit.ly/9HalKR>

¹⁸⁰ Amartya Sen – *Desenvolvimento como Liberdade* – Companhia das Letras, São Paulo, 1999, стр. 82

¹⁸¹ id., ibid, стр. 66

¹⁸² См. например работу Карлоса Лопеса (Carlos Lopes) «*Cooperação e Desenvolvimento Humano: a agenda emergente para o novo milênio*», Unesp, São Paulo, 2005 г. См. также работу Патрика Вивере (Patrick Viveret) «*Reconsiderando a Riqueza*», UNB, Brasília, 2006 г. и уже упоминавшуюся работу Жана Гадре (Jean Gadrey). Издательство Companhia das Letras в 2010 году опубликовало работу Амартии Сен и Бернардо Кликсберга (Bernardo Kliksberg) «*As pessoas em primeiro lugar: a ética do desenvolvimento e os problemas do mundo globalizado*», которая является великолепным исследованием целого.

Этические вызовы умножаются. Речь идет, например, о праве будущих поколений, которым наносится ущерб нашей небрежностью и разбазариванием невозобновляемых ресурсов (этих поколений пока нет с нами, чтобы они могли высказаться против), манипуляциями жизнью, сюрреализмом «интеллектуальной собственности» (включая нашу прическу!), за наше право знать о содержании продуктов и стоимости, которую мы выплачиваем и т.д. Мы создали демократию, в которой экономические группы, завладевшие политическими процессами являются группами безответственными, в то время как не имеют слова будущие поколения, бедное меньшинство и природа, погибающая безмолвно.

Для нас важнейшим является добиться того, чтобы правила игры изменились, чтобы в экономике начала работать этика, учитывая всю совокупность процесса развития, а не только отдельные результаты последствий. Больше не идет речь о доброте, но об элементарном здравом смысле.

С теоретической точки зрения речь идет о повороте утилитаристской парадигмы, формирующей этическую основу современного экономического «мейнстрима». Понимание того, в чем состоит интерес каждого, дает возможность осуществить возможное общественное удовлетворение, этой суммы эгоистических требований, порождающих действующий альтруизм. Проходящая трансформация указывает на систему, в которой процессы взаимодействия, социальной заинтересованности в результате сказываются на большем потенциале реализации каждого, ощущении инициативы и свободы выбора. Максимизация индивидуальных интересов в мире, где отдельные лица уже не являются людьми из плоти и крови, но громадными юридическими лицами, приводит к подавлению личных интересов. Мы должны исходить из создания социальных и экологических условий, в которых человеческий интерес может проявляться эффективно.

20 – Экономическая демократия

Следовательно экономическая демократия начинается с этичности результатов. Нам не требуется знать намерения корпоративных руководителей, которые оказывают в регионах поддержку школам, если в совокупности результатом является углубление неравенства и экологический ущерб. А природное достояние планеты принадлежит человечеству, многочисленным поколениям грядущего, другим формам жизни, без которых мы не сможем выжить, а не отдельной частной группе.

Демократия в этом процессе является центральной, поскольку, когда существуют партисипативные формы принятия решений, учитывающие различные интересы результат бывает более сбалансированным. Неорганизованные интересы не влияют на процесс принятия решений, что приводит к большим проблемам, поскольку они проявятся, когда ущерб достигает отчаянного уровня. Поэтому экономическая демократия состоит в том, чтобы ввести в процессы принятия решений различные интересы и, в частности, те, которым может быть нанесен ущерб. Здесь также менее говорится о доброте, но об институциональной разумности. Говорят, что

прежде чем думать о безнравственности, мы должны дать хороший шанс невежеству.

В Швеции иностранные рабочие, даже не имея гражданства, имеют право голосовать в местах проживания. Это кажется заведомо странным, поскольку они не являются гражданами страны. Причина, приведенная шведскими властями, весьма показательна: эти люди скорее прочих столкнутся с трудностями, а потому особенно важно обеспечить решение их проблем. В настоящее время от политических и корпоративных лидеров требуется, чтобы они меньше заботились о преимуществах для своих партнеров, но больше об экономических и социальных проблемах.

В общем виде, на уровне институциональных решений, мы очевидно движемся к необходимости двойного обогащения, относительно традиционной централизации государства-нации: с одной стороны, усиление планетарного управления, поскольку несоответствие между уровнем экономики, глобализированной относительно национальных систем управления, порождающей пробелы в управлении, каждый раз становящиеся все более опасными. С другой стороны, необходимо приложить гораздо больше усилий на местах, где партисипативная демократия может проявляться ярче, образуя на планете своеобразную интерактивную сеть городов, укрепляя таким образом основы демократии. Могут быть и другие пути, но основным является то, что мы должны исследовать возможные институциональные измерения более демократичных процессов принятия решений в сфере экономики¹⁸³.

Именно экономическая демократия сказывается на качестве включения в производственный процесс, в сбалансированный процесс результатов усилий и в доступе к информации, которая обеспечит право выбора.

Включение в *производственный процесс* является центральным вопросом и было недооценено, поскольку обычно оценивается богатство или бедность, или доступ или его отсутствие к ценностям и услугам, являющихся *результатом* производственного процесса.

Район Сан-Жоакин (São Joaquim), на юге штата Санта Катарина (Santa Catarina) был беден, где жили мелкие производители, не имевшие перспектив, при индексе человеческого развития самом низком в штате. Как и другие районы страны, Сан-Жоакин и соседние муниципалитеты надеялись, что развитие придет извне в виде инвестиций крупных предприятий или правительственного проекта. Несколько лет

---

¹⁸³ Отнюдь не вторичным является вопрос наличия минимума демократического пространства в процессе принятия решений на предприятиях, что порождает авторитарную, исключительно иерархичную предпринимательскую культуру. Система, основанная на консенсусе, столь важная в лучших примерах эффективного развития, в Эмилии Романьи (Emilia Romagna) или в скандинавских странах, не слишком радует этот тип предпринимателей. Искушение иметь «своих» политиков, подчиняющихся инструкциям, даже в ущерб законным интересам других лиц, очень велико. О демократизации управления предпринимателями смю великолепную книгу Роберта А. Дола (Robert A. Dahl) «*A Preface to Economic Democracy*», University of California Press, 1985 г.

назад жители района решили, что не будут больше ждать и сделали иной выбор для решения своих проблем: самим справиться. Они определили основные параметры местного климата и поняли, что он очень благоприятен для выращивания фруктов. Организовались и на имеющиеся средства установили партнерство с исследовательскими учреждениями, организовали кооперативы, открыли совместные каналы коммерциализации, чтобы не зависеть от посредников и сегодня являются одним из районов, быстрее всех развивающихся в стране. Они не зависят ни от одной крупной корпорации, которая могла бы и поменять район. Они зависят от самих себя.

Это понимание, что мы можем стать хозяевами наших собственных экономических и социальных преобразований, того, что развития нельзя ждать, но надо делать, является одним из самых глубоких изменений, происходящих в стране. Оно уводит нас от подхода критических наблюдателей всегда неэффективного правительства, или от пассивного пессимизма. Оно возвращает гражданам понимание того, что он может взять в руки свою судьбу, если существует местное общественное развитие, способствующее прогрессу, вступающее в резонанс с различными усилиями.

Недавно ОИГ перешла к концепции *благопристойной занятости*. В рамках этой концепции и исследований Игнасия Сакса мы можем утверждать, что развитие производственной инициативы не может измеряться одним произведенным продуктом (*output*), поскольку качество производственного процесса в рамках полученного удовлетворения участниками (*outcome*) является частью оценки. Жители Сан-Жоакин, возможно, получили бы больше яблок на гектар, если бы их колонизировала какая-нибудь *United Fruit*. А компания обеспечивала бы больший возврат своим акционерам в США. Но разве это цель? Производители фруктов в Сан-Жоакин с гордостью принимали визитеров, приехавших познакомиться с их достижениями, и чувствуют результаты, как плоды своих возможностей. Удовлетворение трудом, чувство владения процессом, разве это не является частью результатов? А сам *процесс*, который стал демократизированным, это ли не результат?

В настоящее время крупная корпорация ведет себя все более, как государство, как гигант, который дает нам занятость, которое стремится дать нам почувствовать себя членами элиты за использование его марки. Мы не можем забывать более, что существует группа мега-предприятий, чей продукт лучше, чем у большинства других на планете, и что их экономическое влияние приобрело столь важное политическое измерение, что растущее число людей в мире считает традиционную политику все менее нужной, вызывая ее оскудение. Тот факт, что политические лидеры самой различной направленности применяют одну и ту же экономическую политику, не является результатом скудоумия или лицемерия этих лидеров, но тем политическим фактом, который, как утверждал Отавио Ианни, «изменил мето пребывания»¹⁸⁴.

¹⁸⁴ Octavio Ianni – *A política mudou de lugar* – capítulo de L. Dowbor et al., (Orgs.), *Desafios da Globalização*, Editora Vozes, Petrópolis, 2003

Эволюция в сторону экономики знания, расширение социальной сфера относительно произведенной продукции в целом по экономике и растущая урбанизация открывают новые пространства для овладения процессом развития самими социальными игроками каждого региона, все менее зависящими от доброй воли силы, нам неподконтрольной, которая стремится действовать, как «большой брат».

Исследование Ги Азнара «*Trabalhar menos para trabalharmos todos*» в этом смысле является показательным: не имеет смысла разделение труда в той части общества, которая находится на грани нервного срыва из-за излишней работы, в то время, как другая часть пребывает в отчаянии из-за отсутствия работы. Рационализация процессов требует, например, демократического вмешательства в рабочий день решениями, предусматривающими не только вечную «конкурентоспособность», но *результат* для населения в смысле социального равновесия, экологической стабильности и прозаичного качества жизни.

Это представления, что неравенство в мире не связано с сектором распределения производственного цикла, но плохо сбалансированное включение людей в сами производственные процессы, является важнейшим. Открываются возможности для местного развития и для ощущения, что наше будущее зависит от нас, а не от далеких транснациональных собраний. Не достаточно, чтобы какое-то предприятие или далекая бюрократия создавала что-то *для нашего блага*. Мы должны вернуть людям возможность самим заботиться о своей судьбе, быть действующими лицами.

Второе направление демократизации экономики связано с *сбалансированным доступом к продукту* наших усилий. Наша капиталистическая система, это надо констатировать, может уметь производить, но не умеет распределять. Поскольку цикл воспроизводства включает, как производство, так и распределение, он является структурно незавершенным.

Сегодня я все больше подчеркиваю, что вознаграждение человека, все меньше зависит от его усилий или от его желания работать, и все более от того, как он включен в производственный процесс¹⁸⁵. Производственный процесс является все более процессом общественным. Университеты, которые готовят кадры, вносят свой вклад в общественную производительность, также, как компании, дающие рабочие места, но уровни зарплат являются драматически различными. Мир создал корпоративные круги, где одни поддерживают привилегии других, а результаты являются сюрреалистическими, уступая, в числе других, многочисленным обвинениям о вознаграждении топ-менеджеров крупных транснациональных компаний не говоря о премиальных финансовых компаний. Этическая сторона заставила ООН квалифицировать это положение, как «непристойное». Но экономическая сторона приводит нас к мысли об утрате системной производительности, порождаемой неравенством.

---

¹⁸⁵ В США процесс был изучен в рамках концепции «*What you know* и *Who you know*». Надо сказать, что «*who you know*» побеждает повсеместно, как двигатель карьеры, а не «*what you know*». Важнее «кого» вы знаете, что «что» вы знаете. Эта идея в Бразилии стала всеобщей, даже без исследований в концепции «QI».

В действительности, когда отдельные люди начинают получать миллионы долларов в год, они не смогут потреблять больше, поскольку один человек может потребить лишь определенное количество икры и шампанского. Они ищут доходы, поскольку деньги, начиная с определенного уровня, не повышают качества жизни, но обеспечивают большую власть. Речь, очевидно, идет о власти, осуществляемой над другими людьми. По определенной причине, минимальное число социальной интеллигенции заставило нас отказаться от автократических форм политической власти и создать демократии. Сегодня эта экономическая власть, преобразована во власть политическую, не имеет никакого влияния. Пора подумать об этом.

Исследование Сэма Пиццигати (Sam Pizzigati) в этом смысле является весьма подстрекательским: «Руководители корпорации прошлого поколения не могли себе представить, сколь удачливыми будут их последователи. В 1975 г. Реджиналд Джонс (Reginald Jones), бывший в то время руководителем (CEO) General Electric и считавшийся наиболее талантливым руководителем в стране приносил домой 500 тыс. долларов, сумму, которая в 36 раз превышала доход типичной американской семьи в том году. Через четверть века, в 2000 г., руководитель (CEO) General Electric Джек Уэлш (Jack Welch) принес 144,5 млн. долларов, сумма в 3.500 раз превышающая доходы типичной семьи на тот год. В 2004 г. руководитель (CEO) Yahoo Терри Семел (Terry Semel) получил чистыми 235 млн. за первые 10 месяцев года. Такие вознаграждения вызывают призывы о радикальных действиях в самом предпринимательском сообществе, в частности, со стороны Ричарда С. Бриидена (Richard C. Breeden), бывшего управляющего SEC (Securities and Exchange Commission), агентства, регулирующего Уолл Стрит. В 2002 г. один федеральный судья назначил Бриидена разработчиком плана санации WorldCom, телекоммуникационного гиганта, погрязшего в скандалах. План Бриидена, принятый впоследствии, полностью разрушил благодатную структуру выплаты премий руководителям. Эта структура, заявил Брииден, поощряла безответственный поиск богатства. Решением Бриидена стало установить потолок общего вознаграждения из всех источников для руководителей MCI, компании, родившейся на обломках WorldCom. Брииден зафиксировал этот максимум на уровне не более 15 млн. долларов, быстро добавив, что административный совет MCI может утвердить и меньшую цифру. В действительности Брииден впервые установил максимальное жалование в современной истории США»¹⁸⁶.

Технические решения различны. Франклин Д. Рузвельт (Franklin Roosevelt), в 1942 г. запросил налог в 100% на доходы, превышающие 25 тыс. долларов, сегодня соответствующие 300 тыс. долларов. В то время ему удалось добиться утверждения налога в 94% свыше 200 тыс. долларов. Но, в итоге, налоги, выплачиваемые самыми богатыми, только уменьшаются. Сегодня федеральный налог достигает 17,5% общего дохода. Обсуждаемый закон в американском Федеральном конгрессе запрещает вычеты из налога на компенсации топ-менеджерам, в 25 раз превышающие зарплату рабочих, самую низкую зарплату. «Идеи такого типа, - утверждает Пиццигати, - естественно никогда не приживутся в США. Мы можем

¹⁸⁶ Sam Pizzigati, *The Rich and the Rest: the growing concentration of wealth* – The Futurist, July-August 2005, p. 41 – www.toomuchonline.org

катиться вниз по наклонной, чтобы получить большее неравенство в ближайшие десятилетия. Неужели жизнь в США станет еще более неравной? Достаточно взглянуть на Бразилию, чтобы получить ответ».

Анекдотичность этого комментария заключается в том, что Бразилия, знаменитая тем, что последней отменила рабство в мире, продолжает сохранять репутацию страны, имеющей доисторический доминирующий класс. Но центральная точка проста: избыток богатства, также как недостаточность доходов, являются патологическими условиями в смысле состояния общества. Самые богатые остаются у руля в политике, а если им требуется быть избранными, тогда они покупают политику, но в основном они удовлетворяются тем, что покупают политиков. В любом случае, результатом является резкая деформация демократии. С другой стороны, самые бедные не имеют возможности обеспечить представительство, как организовать и получать информацию, оставаясь маргиналами. Назвать демократией, то что вышло, несмотря на недавние действия правительства Лулы, является лишь доброй волей.

Практически, демократическая экономика означает, что надо трудиться, имея потолок личных накоплений. Можно представить себе, например, цифру в 50 млн. долларов, на которые может прожить даже требовательный капиталист, при ежегодном потолке дохода в 15 млн. долларов, принятых американским законодательством для МСІ. В плане личного богатства, налог на состояние, в том виде, как он применяется во Франции, в комбинации с налогом на наследство, должен последовательно обеспечить минимальную социальную сбалансированность, при том, что крупные состояния переводятся в более, чем 50 оффшорных зон, разбросанных по планете.

В плане доходов, наиболее интересной является связь минимальных и максимальных доходов, с учетом того, что минимальный доход семьи мог бы слудить базисом вычисления максимального дохода, умноженного на 50. В действительности, по данным Пиццигати, в развитых экономиках 97% людей, имеющих доход, имеют соотношение 1 : 10. Большой проблемой, таким образом, является то, что они являются владельцами крупных состояний. С политической точки зрения, подсчеты показывают, что только они проиграют при соотношении максимум/минимум такого типа. С другой стороны, у большинства есть интерес, чтобы минимум увеличился, но тогда возрастет и максимум. В предложении, доходы, превышающие максимум облагаются 100% налогом¹⁸⁷.

Одна большая глупость объединяет высокий заработок (мы говорим о запредельных вознаграждениях, как у Эйзнера из компании Walt Disney, который получал что-то около полумиллиарда в год), являющийся показателем чудесно производительности супер-руководителя. Это довольно комично и очень близко к

---

¹⁸⁷ Обеспечение минимального дохода имеет полный этический смысл – какие-то вещи должны быть у всех – и экономический, поскольку повышенная цена бедности далеко превосходит ее искоренение. Есть обширная мировая литература по этому вопросу, которую можно найти в работах Эдуардо Суплиси (Eduardo Suplicy), например, в небольшой, но великолепной книге *«Renda Básica de Cidadania»*, L&PM, Porto Alegre, 2006 г. Концепция максимальных доходов еще не созрела.

übermensch Нище, чем к какой-либо экономической рациональности. Тим Бернерс-Ли (Tim Berners-Lee) придумал Web. Наше www является одним из самых значительных прорывов современного мира, но он не поучил ни одной копейки. Луи Пастер (Louis Pasteur) дал нам вакцину вовсе не потому, что получал запредельную зарплату. Прогресс скорее связан с тем, что Мадалена Фрейре (Madalena Freire) назвала «страстью познавать мир», чем деятельность руководителей «сверх-человеков».

Маржори Келли (Marjorie Kelly) выпустила об этом особенно интересное исследование «Святое право капитала» (“O direito divino do capital”). Анализируя рынок акций США, Келли установила, что имидж компаний, капитализировавшихся через продажу акций, продаваемых на рынке, является вздором, поскольку это маргинальный процесс: «Инвестированные средства доходят до корпораций только после продажи новых акций. В 1999 г. стоимость новых акций, проданных на рынке составила 106 млрд. долларов, в то время, как стоимость предлагаемых акций составила гигантскую сумму в 20,4 трлн. Таким образом, из всего объема акций обращающихся на Уолл Стрит, менее 1% дошло до компаний. Мы можем подытожить, что рынок производителен на 1%, а на 99% спекулятивен». Но, естественно, люди зарабатывают на акциях, а потому существует выход ресурсов: «Другими словами, когда мы смотрим на два десятилетия с 1981 по 2000 гг., то не находится чистого входа средств акционеров, но лишь выход. Чистый выход (*net outflow*) с 1981 г. к новой эмиссии акций был отрицательным в 540 млрд.»... «Чистый выход был весьма реальным феноменом, а не каким-то статистическим фокусом. Вместо капитализации предприятий, рынок акций их декапитализировал. В течение десятилетий акционеры выстраивались в громадные дренажные системы корпораций. Они самые мертвые из всех мертвых. К тому же не следует обращаться к акционерам, как к инвесторам, поскольку они являются ‘экстракторами’. Когда мы покупаем акции, мы не входим с капиталом, мы покупаем право извлекать богатство»¹⁸⁸.

Это размышление весьма интересно, поскольку указывает на современный механизм извлечения богатства. В основе лежит прогресс производительности, который позволяют достигнуть новые технологии. Но эти поступления не используются трудящимися и обществом в целом, поскольку они превращаются в баснословные зарплаты администраторов и великолепные вознаграждения акционеров, в соглашении интересов, в котором один защищает обогащение другого. Так технологический прогресс, который должен был обеспечить достойную и спокойную жизнь для всех, оказывается сконцентрированным в руках немногих, содействуя непристойным состояниям.

Интересно пересечь размышления Келли и Роберта Дала, приведенные выше, об отсутствии в компании какой-либо демократии. Внутренний авторитаризм компании обеспечивает воспроизводство впечатляющих привилегий и порождает уровни обогащения, совершенно непропорциональные эффективному вкладу этих персонажей, в экономический рост. ‘Если демократия оправдана для правительства

¹⁸⁸ Marjorie Kelly – *The Divine Right of Capital* – Berrett-Koehler, San Francisco, 2001, стр. 33 и 35

штата, пишет Дал, значит, она оправдана для правительства экономического предпринимательства¹⁸⁹.

В другой части спектра около 3 млрд. человек живет менее, чем на 2 доллара в день. Дети голодают из-за отсутствия небольшого пособия, как, например, пособие семьям в Бразилии. Они проведут оставшуюся часть жизни не создав ничего особенного при постоянном лечении в больницах. Подростки, потерянные в больших городах, не имея ни школы, ни работы, вызывают огромные затраты на безопасность и часто погибают. Кто выигрывает от этого? Экономическая реальность такова, что гораздо дешевле извлечь людей из бедности, чем нести не прямые расходы. Поддерживать неравенство является самой большой глупостью наших экономических теорий. В рамках представления о качестве жизни можно сказать, что бремя лежит на бедных, не имеющих минимального дохода, как и на богатых, не имеющих безопасности.

Третьим направлением экономической демократии является доступ к *информации и знаниям*. Это очевидно связано с существованием на планете громадного числа бедных, не имеющих доступа к достаточному образованию, эффективной информации, техническим знаниям, к совокупности минимальных инструментов, с помощью которых они бы могли построить то, что называется «лестницей», чтобы подняться в жизни. Обеспечение экономических возможностей является отправной точкой любой экономической демократии. Все это можно организовать, сделав демократичный вход.

Замечательным материалом об этом является Декларация Кокойока (Cocoyoc) 1974 г. «Призываем всех лидеров общественного мнения, воспитателей, всех заинтересованных лиц внести свой вклад в достижения более высокого сознания, как в вопросе происхождения, так и в вопросе остроты критической ситуации, с которой сегодня сталкивается человечество. Каждый человек имеет право полностью понять природу системы, частью которой он является, как производитель, как потребитель, как один из миллиардов людей, живущих на земле. Он имеет право знать, кто пользуется плодами его труда, кто бывает обласован за счет того, что он покупает или продает, и насколько он улучшает или ухудшает достояние планеты»¹⁹⁰.

Важнейшим аспектом в реальности является то, что бесчисленные формы эксплуатации, развивающиеся на планете, проходят сегодня через финансовые и

¹⁸⁹ Robert A. Dahl – *A Preface to Economic Democracy* – University of California Press, Berkeley, 1985, стр. 134

¹⁹⁰ В оригинале: “We call on leaders of public opinion, on educators, on all interested bodies to contribute to an increased public awareness of both the origins and the severity of the critical situation facing mankind today. Each person has the right to understand fully the nature of the system of which he is a part, as a producer, as a consumer, as one among the billions populating the earth. He has a right to know who benefits from the fruits of his work, who benefits from what he buys and sells, and the degree to which he enhances or degrades his planetary inheritance”. – *The Cocoyoc Declaration*, in South Centre, *The South and Sustainable Development Conundrum*, Geneva 2002 – Об этом см. Практические предложения в нашей работе «*Informação para a cidadania e o desenvolvimento sustentável*» – <http://dowbor.org> рубрике “Artigos Online”.

монетарные механизмы, закрытые для большинства населения, что позволяет им совершать впечатляющее варварство.

Здесь мы выделяем в институты и производственные организации, прибыльные и информационные. Речь идет о том, чтобы уточнить линии, обозначенные теориями. На протяжении всей работы мы рассмотрели самые разнообразные появившиеся предложения, в которых содержатся новые решения. Практическая реальность заключается в том, что мы располагаем финансовыми и человеческими ресурсами, необходимой техникой и знаниями, чтобы за короткое излечить эту двойную драму неравенства и разрушения окружающей природы. Кичливые топ-менеджеры Давоса, улыбающиеся символы успеха, безответственно относящиеся к разыгрывающейся планетарной трагедии, просто жалки.

В основном экономические механизмы недостаточны, чтобы обеспечить необходимое равновесие. В политическом плане, представляет собой величайший прогресс, несмотря на все ограничения, наша эволюция к тому, что приближается к демократическим процессам. Экономические процессы начали доминировать в политике, не подчиняясь ей. Президент Еххон, при всем своем политическом влиянии, которое он имеет на президента США, спокойно утверждает, что работать с энергетическими альтернативами является потерей времени. Кто-нибудь избирал его для этого? То, что произошло с процессами экономического регулирования, за редким исключением лет кейнсианской политики в некоторых развитых странах, является просто законом сильнейшего. Пора растянуть демократическое одеяло в эту область.

Выводы

В этой небольшой работе мы говорили о различных моментах, ссылаясь на Селсо Фуртадо относительно «новой модели» экономической интерпретации. Не будучи приглашенным на получение никакой фальшивой Нобелевской премии, он в течение всей жизни последовательно защищал тезис о том, кто нуждается в благопристойном экономическом включении. Это представление не было заперто ни в какую идеологию или «школу», поскольку он понимал экономическую науку в богатстве ее отношений с другими областями знания. Он отдал дань уважения структурным преобразованиям и весьма прагматическим образом, с твердой теоретической основой, ответы на потребности страны. Этическая твердость, методологическая строгость, исторические знания, концентрация на центральных проблемах и здоровое пренебрежение к разнообразным «-измам», ограничивающим понимание.

Он стал автором аргумента, который мы привели в начале этой работы, критическое видение разъяснительной способности унаследованного концептуального аппарата. Хотим процитировать его еще раз «мы живем водну из

этих эпох, когда становится явной недостаточность концептуальной картины, чтобы изучить реальность, находящуюся в процессе быстрого преобразования»¹⁹¹.

Первая мысль, которая возникает при попытке обобщения идей, высказанных здесь, это та, что исследования по экономической науке и ее преподавание должно осуществляться по-другому. Иначе говоря, вместо того, чтобы изолировать экономику от других общественных наук, определяя ее «идентичность», и разделять эту идентичность на дисциплины, следовало бы работать по ключевым проблемам, историческим концепциям и знаниям, необходимым в других научных сферах.

Например, целью была бы рассмотрение в интегрированном и междисциплинарном виде вопроса столь высоких процентных ставок в Бразилии. Это обязывает нас понимать процесс концентрации банков, политическую влияние финансовых групп, механизмы перевода государственных ресурсов в адрес частных групп, использование и недостаточное использование экономических теорий, как функционируют сложные процентные ставки, как организовано юридическое сопровождение кредита, как СМИ представляют проблему населению и т.д.

Это только один пример. Важнейшим является то, чтобы мы исходили из проблем, определенных в настоящее время, как коренные, и организовали научные знания, осуществляя анализ и давая необходимые ответы. Экономическая наука должна утверждаться, давая ответы на ключевые проблемы, стоящие перед человечеством. Финансовый кризис 2008 г. лишь продемонстрировал аналитическую хрупкость того, что мы только с преувеличением называем «экономической наукой». И не только исследования, как экономическая политика, строго обращенная на те же беды, в различных научных кругах и странах, демонстрирует до какой степени говорится об идеологическом применении научных аргументов.

Такое рассмотрение является особенно важным в экономике, поскольку главная трудность не состоит в том, чтобы понять концепцию, но осознать, как концепции связаны между собой в рассмотрении проблем и понимании реальности, при их различных интересах. Такая переориентация исследований улучшила бы мотивацию учеников, поскольку в настоящее время существует огромная трудность в соотнесении того, что преподается, с реальным миром. Преподавателей надо вывести из комфорта отраслевых курсов и разбудить их творческое сознание потребовать помимо прочего взаимодействия с исследователями из других областей, чтобы понять логику исследуемых процессов¹⁹².

Еще более важным является следующий вопрос, как в интегрированном виде разъяснить процесс принятия решений, стоящий за экономической динамикой. Требуется лучшего понимания, как сделать его более демократичным. Возвращаясь к

¹⁹¹ Celso Furtado - *O capitalismo global* – Paz e Terra, São Paulo 1998, стр. 21

¹⁹² Одним характерным примером является незнание Ю со стороны экономистов, о юридических аспектах экономики, в то время, как юристы не знают об экономических механизмах, о которых они бывают призваны создавать законодательные акты.

проблеме процентных ставок. Конституция Бразилии 1988 г. запрещает процентные ставки, превышающие 12%. Это типично слепой ход, поскольку не на основе конституции принимаются решения относительно процентных ставок. Экономическая демократизация должна осуществляться начиная с существующих экономических механизмов. Мысль об альтернативах злополучного регулирования международных финансов требует понимания структуры власти, характеризующей финансовое посредничество.

Такое преподавание экономики через ключевые проблемы или через структурные мега-тенденции, должно нам позволить исследование и изучение того, что действительно важно. Выше мы отметили вопросы, которые считаем критичными в связи с их важностью для нашей жизни или их системного влияния. Без сомнений существуют и многие другие. Но нашим направлением является сосредоточение на крупных идеологических аргументах, как будто простая принадлежность к теории, которую мы считаем достойной, будь она либеральной или социалистической, позволила нам находиться поверх работы фонда, состоящей в сборе информации и анализе реальности в ее различной динамике, проясняя отношения, которые ее поддерживают.

Весьма удобно повернуться спиной к политике. Легче сказать, что экономика презирает выступления и сосредотачивается на практической реализации: компании построили фабрики, дают работу, финансируют строительство дорог, пока политики обсуждают. Так экономика становится более привлекательной и прогрессивной, а политика неприятной и коррумпированной. Упрощения редко дают хорошие результаты, даже если удовлетворяют наши инстинкты. Неплохо вспомнить, что существовали крупные политические движения, которые регулярно на начальном этапе называли подрывными, которые в соответствующие эпохи добились отмены рабства, завершения колониализма, прав наемным работникам, политических прав для женщин, а сегодня продолжают борьбу против экономического неравенства, против разрушения окружающей среды, за спасение культурного богатства в нашей жизни, против систем финансовой спекуляции, за всеобщий доступ к базовым ценностям, как вода, еда, образование и здоровье. Демократизация экономики является стержнем создания более гуманной жизни. Еще быстрее добывать нефть, еще эффективней ликвидировать Амазонию, не дать доступа к жизненно важным лекарствам, чтобы защитить патенты – куда все это ведет?

Сегодня мы располагаем всеми экономическими, техническими и организационными средствами, чтобы обеспечить достойную жизнь для всех. Это главный вызов, стоящий на повестке дня. Невозможно принять это вызов без активного участия сил, которые сегодня контролируют экономику, прежде всего крупных корпораций. А корпорации должны постепенно прийти к тому, что Петер Друкер объяснил очень просто: «В больном обществе не бывает зловых предприятий».

Цели известны. Сегодня они представляются, как Цели Тысячелетия, до этого была Земельная Карта, Повестка дня XXI, а еще раньше Новый Мировой

Экономический Порядок или великолепная Декларация Кокойок. Пересмотрев материалы, мы видим, что темы все время одни и те же, обновленные, под другими именами, чтобы дать им новое дыхание, с некоторыми изменениями в акцентах. Даже скромный документ «*O Futuro que Queremos*» конференции Рио+20 содержит те же идеалы¹⁹³.

В целом мы пришли к пониманию, являющемуся политическим ориентиром, которые стал таковым в результате бесчисленного множества научных исследований: нам нужно общество экономически состоятельное, социально справедливое и устойчивое с экологической точки зрения, потому что планета всего одна. Говорится об обозначенных целях: не достаточно того, что правые защищают экономическое, левые – социальное, зеленые – экологическое, поскольку все сферы деятельности должны обозначать тройную цель. Также невозможен «trickling down», т.е. «давайте решим экономическое, а остальное догонит».

Политической основой этого процесса не будет пролетариат или буржуазия, но более взвешенное обозначение власти государства, организованного гражданского общества и предпринимателей, укоренившееся на территориях, допускающих такое обозначение. Ушло время «классов спасителей». На следует демократизировать всю совокупность процессов принятия решений в обществе, а это включает демократическое управление не только в самих провительственных сферах, но в целой совокупности институтов, в частности, в финансовых, фармацевтических корпорациях, компаниях по торговле оружием и нефтью, по спекуляции сырьевыми товарами планеты.

А механизм регулирования совокупности не будет либо рынком, либо государственным планированием, но обозначением различных механизмов, которые будут включать помимо рынка и государственного планирования, системы взаимодействия между предпринимателями, интегрированного местного развития, мощного участия общественных движений, помимо обновленных систем международных связей. Мы слишком сложные общества для упрощенных решений по управлению¹⁹⁴.

Демократическая концепция, в этом смысле, стала основной. Мы считаем естественным требовать политической транспарентности. А корпоративной транспарентности? Мы считаем скандальным, что политические руководители получают зарплаты в 20 тыс. реалов, поскольку эти деньги мы платим из своего кармана через налоги. Но мы считаем естественным, если руководитель компании

¹⁹³ Несколько замечательных текстов, включая Декларацию Кокойок, содержатся в книге «*The South and the Sustainable Development Conundrum*» From Stockholm 1972 to Rio 1992 to Johannesburg 2002 and Beyond – South Centre, Geneva, 2002 – www.southcentre.org; о Рио+20, см. нашу работу «*Entender a Rio+20*», 2012, <http://dowbor.org/2012/05/8972.html/>

¹⁹⁴ Одно предложение по повестке дня можно найти в сборнике, который мы организовали с Игнасиом Саксом и Карлосом Лопесом «*Riscos e Oportunidades em Tempos de Mudança*», BNB e Instituto Paulo Freire, Fortaleza/São Paulo, 2010, disponível em http://dowbor.org/riscos_e_opportunidades.pdf

получает зарплату в 20 млн., даже если его зарплата включена в цены, которые мы оплачиваем, покупая продукты. Это скрытый и подразумеваемый налог. Чьи это деньги?

Таким образом, цели, политическая основа и процесс принятия решений для экономического и социального развития уходят вглубь. Мы строим иное общество, пусть даже и неожиданно вытекающее из процессов, которые мы понимаем только частично. Вызов, брошенный экономикой, как наукой на службу общества, а не доминирующими экономическими группами, следует пересмотреть и сохранить полезное.

В совокупности, угрозы, усиливающиеся в социальном и экологическом планах, открывают нам окно новое, но ограниченное во времени, чтобы начать действовать. Закон выживания сильнейшего, как основной механизм регулирования общества, применяющего технологии планетарного воздействия, является не прогрессом, объявленным под названием «конкурентоспособность», но драмой в процессе создания. Когда обстоятельства станут еще более стесненными, как всегда появятся спасители, в виде авторитарных режимов. Великой дилеммой является понимание, сможем ли мы восстановить контроль за счет организации демократических процессов на основе общества, или порядок, так называемый порядок, снизойдет на нас, при всем варварстве, которое представляет этот тип решений. Кандидатов хватит.

Библиография

Alperovitz, Gar e Lew Daly – *Apropriação indébita: como os ricos estão se apropriando da nossa herança comum* – Editora Senac, São Paulo 2010

Archibugi, Daniele; Held, David; Köhler, Martin (Orgs.) – *Re-imagining Political Community* – Stanford University Press, Stanford, 1998, 352 p.

Austin, James E. – *The collaboration Challenge: how nonprofits and businesses succeed through strategic alliances* – Drucker Foundation, Josey-Bass Publishers, San Francisco, 2000, 202 p.

Backstrand, Goran and Lars Ingelstam, *Global challenges and responsible lifestyles, What Next?*, Development Dialogue n. 47, V. I, Uppsala, June 2006

Barbosa, Nelson e José Antonio Pereira de Souza, *A inflexão do governo Lula* – 2010, <http://bit.ly/9KXRro>

Castells, Manuel – *The Rise of the Network Society* - Backwell, Oxford, 1996, 556 p.

CEPAL – *A Hora da Igualdade* – Brasilia, 2010, 58 p. <http://bit.ly/bqwYAh> ; Documento completo em espanhol: CEPAL – *La hora de la igualdad: brechas por cerrar, caminos por abrir*. Santiago, mayo de 2010, 289 p. <http://bit.ly/bA9yrl>

- Chang, Ha-Joon** – *Chutando a escada: a estratégia do desenvolvimento em perspectiva histórica* – Ed. Unesp, São Paulo, 2003, 267 p. www.editoraunesp.com.br
- Chang, Ha-Joon** – *Globalisation, Economic Development and the Role of the State* – Zed Books, New York, 2003
- Cohen, Daniel** – *La mondialisation et ses ennemis* – Grasset, Paris, 2004, 263 p.
- Dahl, Robert A.** – *A preface to Economic Democracy* – University of California Press, Berkeley, 1985, 184 p.
- Daly, Herman** – *Beyond Growth: the Economics of Sustainable Development* – Beacon Press, Boston, 1996, 244 p.
- Davis, James**, Susana Sandström, Anthony Shorrocks, and Edward N. Wolff - *The Global Distribution of Household Wealth* – www.Wider.unu.edu/bewsletter/newsletter - WIDER, UNU, Stockholm, 2006
- De Masi, Domenico** – *A Economia do Ócio* – (Com *Le droit à la paresse*, de Paul Lafargue, 1880; e *In Praise of Idleness*, de Bertrand Russel, 1935), Sextante, Rio de Janeiro, 2001 – www.esextante.com.br
- Dezalay, Yves** – *Marchands de droit: la restructuration de l'ordre juridique international par les multinationales du droit* - Fayard, Paris, 1992, 293 p.
- Dowbor, Ladislau** – *O mosaico partido* – Ed. Vozes, Petrópolis, 2002, 147 p. www.vozes.com.br
- Dowbor, Ladislau** – *A Reprodução Social* – 3ª edição revista, em III volumes, ed. Vozes, Petrópolis, 2003 www.vozes.com.br
- Dowbor, Ladislau** – *Da propriedade intelectual à sociedade do conhecimento*, 2009, <http://dowbor.org/09propriedadeintelectual7out.doc> , 32 p.
- Dowbor, Ladislau** - *Brasil, um outro patamar*, 2010, <http://dowbor.org/10agendabrasil.doc>
- Dowbor, Ladislau; Samuel Kilsztajn (Orgs.)** – *Economia social no Brasil* - Senac, São Paulo, 2001
- Frey, Bruno S; Alois Stutzer** – *Happiness and Economics: how the economy and institutions affect human well-being* - Princeton University Press, Princeton, 2002
- Furtado, Celso** – *Em busca de novo modelo: reflexões sobre a crise contemporânea* – Editora Paz e Terra, São paulo, 2002, 101 p.
- Furtado, Celso** – *O Capitalismo Global*- Paz e Terra, São Paulo, 1998, 81 p.

- Gadrey, Jean;** Jany-Catrice, Florence – *Les nouveaux indicateurs de richesse* – Ed. La Découverte, Paris, 2005, 123 p. (edição brasileira pelo Senac, 2006)
- Galbraith, John K.** – *The Economics of Innocent Fraud* – Houghton Mifflin Company, Boston, 2004, 62 p.
- Galbraith, John K.** – *The Good Society: the Humane Agenda* – Houghton Mifflin Company, Boston, 1996, 151 p.
- Gerlach, Michael L.** – *Alliance Capitalism* – University of California Press, Berkeley, 1992, 354 p.
- Gianetti, Eduardo** – *Felicidade* - Companhia das Letras, São Paulo, 2005
- Gorz, André** – *O imaterial: conhecimento, valor e capital* - Ed. Anna Blume – São Paulo, 2005, 106 p.
- Goudzwaard, Bob; Harry de Lange** – *Beyond Poverty and Affluence: toward an economy of care* – *Foreword by Maurice Strong* – Eerdmans, Michigan, 1986, 165 p.
- Henderson, Hazel** – *Construindo um mundo onde todos ganhem: a vida depois da guerra da economia global* - Ed. Cultrix, São Paulo, 1996, 386 p.
www.pensamento-cultrix.com.br
- Henderson, Hazel; Jon Lickerman and Patrice Flynn**, editors – *Calvert-Henderson Quality of Life Indicators* – Calvert Group, Bethesda, MD, 2000
- Homer-Dixon, Thomas** - *The Upside of Down* – Island Press, Washington, 2006, 426 p.
- IFC** – *The next 4 billion: market size and business strategy at the base of the pyramid*
http://www.wri.org/business/pubs_description.cfm?pid=4142 – International Finance Corporation, World Bank, Washington, 2007
- IPCC** – *Climate Change 2007: The physical Science Basis*, – Summary for Policymakers
– www.ipcc.ch/spm2feb07.pdf
- Kasser, Tim** – *The High Price of Materialism* – The MIT Press, Cambridge, 2002
- Kelly, Marjorie** – *The Divine Right of Capital: Dethroning the Corporate Aristocracy* – Berrett-Koehler Publishers, San Francisco, 2001
- Keynes, John M.** – *Economic Possibilities for our Grandchildren[1930]* - in *Essays in Persuasion*, W.W. Norton, New York, 1963
- Korten, David** – *When Corporations Rule the World* – Berrett-Koehler, San Francisco, 1995; (edição brasileira Ed. Futura, 1996)

- Korten, David** – *The Post-Corporate World* – Berrett-Koehler, San Francisco, 1999, 316 p. www.bkpub.com ; (edição brasileira Ed. Vozes www.vozes.com.br , Petrópolis, 2001)
- Lopes, Carlos** – *Cooperação e Desenvolvimento Humano: a agenda emergente para o novo milênio* – Unesp, São Paulo, 2005, 210 p. www.editoraunesp.com.br
- North, Douglass C.** – *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* - Cambridge University Press, Cambridge, UK, 1990, 152 p. <http://cambridge.org>
- Oliveira, Rosiska Darcy de, -** *Reengenharia do tempo* – Rocco, 2003
- Perkins, John** – *Confessions of an Economic Hitman* – Berrett-Koehler, San Francisco, 2004 (edição brasileira Ed. Cultrix, São Paulo, 2005)
- Pizzigati, Sam** – *The Rich and the Rest* – The Futurist, July-August 2005 – www.toomuchonline.org
- Henrique Rattner** – *O resgate da utopia: cultura, política e sociedade* – Palas Athenas, São Paulo, 2005
- Ricupero, Rubens** – *O Brasil e o Dilema da Globalização* – Ed. Senac, São Paulo, 2001, 127 p. www.sp.senac.br
- Rouillé D’Orfeuil, Henri** – *Economia Cidadã: alternativas ao neoliberalismo* – Editora Vozes, Petrópolis, 2002, 199 p. www.vozes.com.br
- Rouillé D’Orfeuil, Henri** – *Finances solidaires: changer d’échelle* – in *Les Placements éthiques*, Alternatives Economiques, Paris, 2003
- Russell, Bertrand** – *The History of Western Philosophy* – Simon & Schuster, New York, 1972
- Sachs, Ignacy** – *Inclusão social pelo trabalho* - Garamond, Rio de Janeiro, 2003, 198 p.
- Sachs, Ignacy, Carlos Lopes e Ignacy Sachs** – *Riscos e Oportunidades em Tempos de Mudanças* – BNB/IPF, Fortaleza/São Paulo 2010, disponível em http://dowbor.org/riscos_e_oportunidades.pdf
- Salamon, Lester M., et al.,** – *Global Civil Society: dimensions of the nonprofit sector* – The John Hopkins Center for Civil Society Studies, Baltimore, 1999, 510 p.
- Schor, Juliet** – *Do Americans Shop too Much?* – Beacon Press, Boston, 2000, 102 p.
- Sen, Amartya** – *Development as Freedom* – Anchor Books, Random House, 1999, 366 p. www.anchorbooks.com ; edição brasileira editora@companhiadasletras.com.br
- Sen, Amaartya e Bernardo Kliksberg** – *As pessoas em primeiro lugar* – Companhia das Letras, São Paulo 2010

- Shirky, Clay** - *Cognitive Surplus* (excedente cognitivo), The Penguin Press, New York 2010.
- Singer, Paulo** – *Introdução à Economia solidária* – Editora Fundação Perseu Abramo, São Paulo, 2002, 125 p. www.fpabramo.org.br
- South Centre** – *The South and Sustainable Development Conundrum: from Stockholm 1972 to Rio 1992 to Johannesburg 2002 and Beyond* – South Centre, Geneva, 2002, www.southcentre.org
- Stern, Nicholas** - *The Economics of Climate Change* – Oct.. 2006, http://www.hm-treasury.gov.uk/media/8AC/F7/Executive_Summary.pdf
- Suplicy, Eduardo M.** – *Renda Básica de Cidadania* – L&PM, Porto Alegre, 2006, 119 p. www.lpm.com.br
- Tapscott, Don e Anthony Williams** – *Wikinomics: como a colaboração em massa pode mudar o seu negócio* – Ed. Nova Fronteira, Rio de Janeiro 2007
- Trigglia, Carlo** – *Sviluppo Locale: un progetto per l'Italia* – Editori Laterza, Roma 2005, 207 p.
- United Nations** – *The Inequality Predicament: Report on the World Social Situation 2005* – United Nations, New York, 2005, 158 p.
- Vaz, José Pascoal** – *Desigualdade social e produtividade social no Brasil, 1960-2000* - Tese de doutorado em História Econômica, USP/FFLCH, 2005
- Vázquez-Barquero, Antonio** – *Endogenous Development: networking, innovation, institutions and cities* – Routledge, New York, 2002
- Viveret, Patrick** – *Reconsiderando a Riqueza* - Brasília, ed. UNB, 2006
- Wilson, Edward O.** – *The Future of Life* – Alfred Knopf, New York, 2002, 220 p.
- World Business Council for Sustainable Development** – *Vision 2050* – March 2010, Geneva, <http://bit.ly/9HalKR>
- World Watch Institute** – *O Estado do Mundo 2010 - Transformando Culturas: do Consumismo à Sustentabilidade*, disponível online no site do Akatu, ou no link <http://bit.ly/9JnEDk>